

ПРЕДИСЛОВИЕ

И вновь осень. И вновь праздник, праздник у тех, кто болен литературой, для кого творчество стало неотъемлемой, неизменной и постоянной частью жизни, кто старается прожить сразу две, три жизни, радуя читателей ярким фейерверком своих творений.

Мы рады, что интерес к сборнику уже постоянных наших авторов и только еще пробующих себя в литературе, делающих первые шаги, не иссякает, это означает, что наш сборник набрал силу, что ему уготована долгая и, будем надеяться, счастливая литературная судьба.

Вновь нас порадовал своими глубокими реалистическими миниатюрами наш признанный литературный мастер Юрий Сергеевич Ващенко. Когда вчитываешься в драматические и трагедийные, сатирические и иронические коллизии его рассказов, часто блистающих тонким юмором, живо ощущаешь подлинный интерес автора к жизни, к человеку, его внутреннему миру, виден его неравнодушный писательский взгляд.

Литераторы остро ощущают драматизм быстротекущей жизни и краткие её мгновения, которые они описывают в своих произведениях, позволяют нам оценить не только их мастерство, что является несомненным достоинством авторов сборника, но и прикоснуться к неизведанным граням мироздания, ощутить его красоту и яркость, кротость и ярость, высоту и повседневное присутствие в нашей жизни – таковы изысканно-иносказательные произведения Марии Тарадовой, Алины Науменко, Мелании Калиты, ироническая поэзия Германа Иванова, эмоционально-страстные строки Екатерины Малашенко, сверкающие изумрудом красок стихи Аллы Шаклеиной, полные искрометного юмора рассказы Анастасии Вовненко, городская лирика гости нашего номера Анастасии Устиновой.

Этот номер экспериментально литографирован художником Ириной Епанешниковой, чья необычная, эксцентричная, фантазийная манера письма привлекла внимание издателей сборника на одной из выставок городского искусства.

Пожелаем всем нашим авторам творческого вдохновения и новых захватывающих ум и сердце произведений!

Вадим Карлов, доцент кафедры
«Уголовное право и процесс» Волжского университета
имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Карлов Вадим

Доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Волжского университета имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук.

Карлов Вадим Петрович родился 07.09.1964 г. уже в г. Тольятти, ранее именовавшимся Ставрополем-на-Волге, который только за месяц до этого обрёл новое имя. И как представляется уже взгляду издали, не только в связи с изменением географии местонахождения, но и в связи с изменением вектора своего развития, может быть поэтому, сохраняя духовную связь со своей родиной, поэзия автора, воспитанного на культуре ушедших эпох, отличается эпохальными мотивами изменений и преобразований во всех сферах деятельности и одновременно интуитивно и образно выраженной связью с ментальностью высоких образцов культуры, с проникновением в эстетическую суть действительности. Всё это позволяет придавать лексике новый, неповторимый свет и создавать собственный язык, не повторяющий никого из ранее существовавших и ныне живущих поэтов, подтверждением чему являются два мощных по своей духовной энергетике сборника "Форма соучастия" и "Иносказание".

Автор не только передает образы языковыми средствами, но и вызывает работу тонких духовных структур читателя, который из прочитанного формирует свой собственный мир и свои собственные образы, свои собственные смыслы. В этом, безусловно, сыграли свою роль и профессиональная деятельность автора в качестве судьи, и его преподавательская деятельность, и его научно-познавательная деятельность, которая отмечена степенью кандидата юридических наук. Таковы истоки и такова поэзия Вадима Карлова, наследника высоких духовных традиций и одновременно автора нового и неповторимого поэтического слова и слога.

ПУТЬ К АФИНАМ

У Жуля Верна я спросил однажды,
Собравшись в долговременный поход,-
Искать мне сказки или полной правды,
Или найти целебной силы плод?

Он мне ответил, тронутый заботой,
О ветром шляпе, сорванной с него, -
Искать тебе не истину, а порты,
Пристанища бесчисленных грехов.

Остаться, пренебречь его советом, -
Так размышлял недолго разум мой,
Себя не мыслил он рачительным аскетом,
Рубить концы – приказ был дан простой.

И бриг мой отвалился от причала,
Его манил открытый океан,
Лишь чайка на прощанье прокричала,-
Прощай, мой непослушный капитан.

И я отплыл в далекие гранады,
В туманы портов с криками кантин,
Под пенье сладкозвучной серенады
Искать руины призрачных Афин...

НЕПОКОРНОСТЬ

Меня не тяготит моя живая плоть,
тургеневских стихов унылая минорность
мне не впивается под ногти, будто гвоздь,
но ощущаю я растущую покорность.

Она степенно обволакивает мозг
и завоёвывает дальние пределы,
и сладостный забвенья цепкий воск
пленяет в нем душевные химеры.

Там, где теснились образы в былом, —
поникшие поля увядших маков,
и мне их запах больше не знаком,
и прежний цвет тосклив и одинаков.

Но плоть жива, её немой порыв
противится искусу сонной скуки,
во мне растёт отчаянья призыв,
и рвутся на свободы жизни звуки.

Покорность прочь, мне чужд скупой удел
тоскливых слез и ложь воспоминаний,
и я не раб одной из в жизни вер,
мне мало и любви, и новых знаний!

ВРЕМЕНА

Времена меняются, а мы?
Так ли наши души неизменны,
незаметно стали мы бедны,
это ли не времени приметы?

Листопад колышется у ног,
облетают к времени деревья,
это превращения итог
наших намерений в искупление.

Времена меняются, так что ж,
нам ли оставаться в недотрогах,
ввечеру спускается, как смог,
память о пропущенных уроках.

Память о несказанных словах,
чувствах, не испытанных душою,
времена меняются? Чудак,
времена лишь странствуют с тобою.

СИЛУЭТЫ

Быть может, не Наследник из Калькутты,
а странник по волнам житейских бурь,
я развяжу стесняющие путы
и выправлю запавший влево руль.

Я где-то рисовал в альбоме детском
Веселый Роджер, абрис каравелл
в зеленых водах в мареве суэцком
и демона, что вычислил Максвелл.

Тогда мне нить вручила Ариадна,
она оборвалась в конце пути,
и из альбома только лишь наяда
за мной плывет, мелькая позади.

Я просушу намокшие сюжеты,
пусть снова засияет в небе дым,
хранящий намерений силуэты
и запахи аттических руин.

ВСЕ ПОВТОРИТСЯ

Читаю Блока: «Ночь... фонарь...»,
на улице стемнело, безвозвратно
утерян мной зачитанный тропарь,
«...бессмысленный и тусклый свет...»,
напрасно

скитаюсь
по евклидовым
углам,
«...живи еще хоть четверть...» –
бесполезно
курить
не разожженный
фимиам –
«...все будет так...», и ныне,
присно,
вечно,
«...и повторится все...» –
и порванный тропарь,
и мысли, возвращенные на круги,
и вновь «...аптека, улица, фонарь»,
и холодом окованные руки...

ПРИХОДИТ ПОЛНОЧЬ

Приходит полночь, как ночной друид,
священная пора безмолвных страхов,
их пламенный настойчивый флюид
меня смущает, будто речи Гракхов.

Они наперебой ведут свой толк,
речей обрывки плавают в дремоте,
и где-то вдалеке им вторит волк,
разлив свой вой на долгой стылой ноте.

А полночь, рассудительный друид,
вершит обряд причастия к разлуке,
и в небе очистительный болид
сжигает в снах несказанные звуки...

ПОЛЕТ ПТИЦ

Союз розовощеких птиц
летит на Запад.

А старой церкви гордый шпич
их ловит запах.

Клин пеликанов и фламинго
стройно тесен.

Закатной песни их мотив
мне интересен.

Звучит каденцией орган
в соборе древнем.

Влетает птиц заморских клан
в дыму напевном.

Его опасен долгий путь
к исходу солнца.

И не ищи в полете суть –
она для спора.

Лишь запах тел их молодых
тревожит шпицы
сырых соборов вековых
и мне все снится...

ОТРИЦАНИЕ

Нет, не один на свете день,
длиннее дня бывают ночи,
когда непрошенная тень
застит распахнутые очи.

Нет, не одна бывает ночь,
её сменяет млечный морок,
светлящий утренний чертог,
а потому он мил и дорог.

Нет, не во сне, а наяву,
презрев физические кони,
я не старею, я живу,
творя безвременья законы.

Нет, не затем я на земле
в плену у вечного пространства
подвержен лету, не зиме,
чтобы пастись на поле рабства.

Нет, нет, нет, нет.
Нет, нет, нет, нет.

ПОЭТ И...

Французское вино разлито по бокалам,
огнем бенгальским свет из люстр льётся в сноп,
поэты разбрелись читать по дальним залам
поэмы и стихи для юных Пенелоп.

Один из них молчит, таится взглядов, света,
он в мыслях погружен гудящий хоровод,
в изящных пальцах снегом тает сигарета,
как дым его стихов, прочтённый в Новый год.

Но некто слышит ритм его рифмочитаний
и ждёт, когда начнёт поэт свой монолог,
забывшись под чадрой его благозвучаний
и разгоняя прочь признаний ложных смог.

Таинственен и сер рассвет пробрался в залу,
а у стены стоит взволнованный поэт,
он дар свой возлюбил, как избранную кару,
подаренную тем, кому известен свет...

ЗАТИШЬЕ

Пейзаж задумчивой природы
я созерцаю из окна,

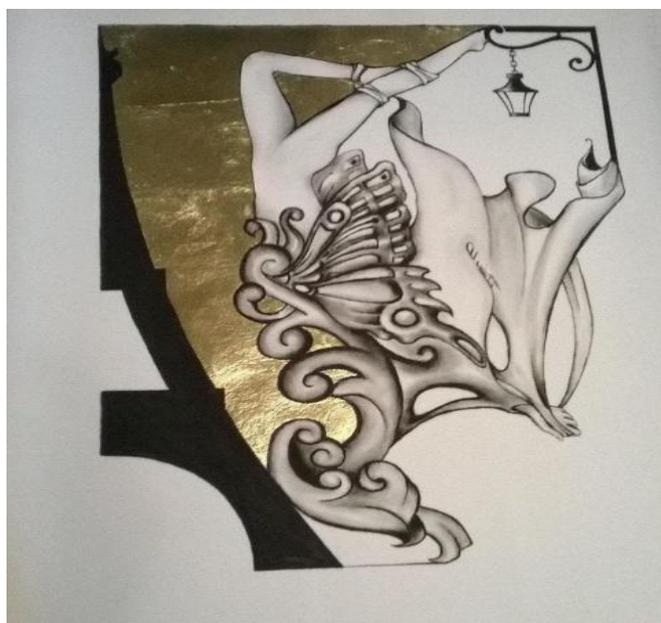
затихли древа, воздух, воды
не слышны певческие оды
странноприимного скворца.

Машин недвижимое стадо
стоит в напуганном дворе,
припоминая в октябре
романсы Грушинского барда.

Бродяга-ворон в оперенье,
как в шляпе черной на ребе,
приветно каркает тебе,
изображая павы пенье.

А в общем, благостная тишь,
к зиме неспешное движенье,
и листьев желтое паденье,
и их осеннее амбре...

ПРИДУМАННОЕ ДЕТСТВО

Забираюсь на крышу, как в детстве,
вдруг увижу оттуда Париж
и огни безудержной фиесты
между конями шиферных крыш.

Мне мирволит осеннее солнце,
согревая рифлёный асбест,
и стекло слухового оконца
дарит мне убегающий блеск.

А над крышею кружится голубь,
может быть, он готовится в путь
в ту страну, где пророченный солод
даст ему от забот отдохнуть.

Ах, Париж, твои круглые крыши
вспоминаю я в стылые дни,
и поэтому выше и выше
меня манят фиесты огни.

А потом закрываю, как прежде,
то окно в долгожданный Париж
и прощаюсь с придуманным детством,
соскользнувши по шиферу крыш.

СОСТОЯНИЯ

Скучаю, безответные цветы
соседей со мною безмятежно,
их лаком окропленные листья
натёрты осторожно и прилежно.

Наскучивший заброшен Мандельштам,
с отмеченной закладкою страницей,
где строк его нежнейший марципан
смешался с прошлогодней чечевицей.

Томлюсь от преизбытка бытия,
его непоэтичные просторы
скучны, как преподобных жития
и совести привычные укоры.

И было утро, вечер был, и свет,
блестят мои безмолвные соседи,

и сам с собою вновь я тет-а-тет,
и строки Мандельштама, будто плети...

МУКИ

Живет в человеке долгая мука,
страдает он годы, вернуться назад,
оставив пришедший в невежество сад,
зовет по ночам его бремя недуга.

Он кается в прошлом, грядущему сроку
нелепо листает дневник своих лет
и ищет там всходы внесённых им лепт,
и ищет от этого ясного проку.

Но нет, не приходит к нему воскресенье,
в саду его жизни лишь склепы обид,
а он, как витающий в нетях спирт,
все ищет от жизни своей избавленья...

КОЛУМБЫ

Как Колумб, проплывают планеты,
проходя свой невидимый путь,
оставляют на небе приметы,
словно в скалах озерная Чудь.

Путешествие их одиноко,
не воздвигнут на тракте им Крест,
и плывут, как в реке Ориноко,
вовлечённые в сумрачный квест.

Им неведомы звездные карты,
чей-то верный и точный расчёт
усадил их в бесшумные нарты
и столкнул в бесконечный полёт.

И когда нависают их тени
над моим не закрытым окном,

я пред ними склоняю колени,
чтобы длить этот сказочный сон.

Чтобы с ними ледовые нарты
гнать вперед в их Вест-Индский поход,
чтобы вновь все кастильские гранды
становились в возвышенный фронт.

И движением их бесконечных,
Христофором открытых орбит
заvroжен мой разум навечно,
повторяющий звездный эдикт...

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ

Долготерпение – награда или грех,
достоинство ли низменной природы,
сопутствует терпению успех
или тщета убогой синекуры?

Бесчисленным вопросам несть числа,
но нет на них единого ответа,
нет ни науки, нет ни ремесла,
а только лишь сомнений эстафета.

Обширна география души,
но контуры намерений не строги,
колеблются терпения весы
при выборе невидимой дороги.

Нестройных мыслей мчится череда,
запасы пополняя энтропии,
не суждено им выносить плода
в долготерпением отмеченной стихии...

О СВОБОДЕ

Сиюминутная свобода –
одно из проигрышных благ,

неодолимый «демон рода»
с тобою следует, как маг.

Цветы неприбранных фантазий
цветут короткий жизни срок,
рождая горечь неприязни
за им преподанный урок.

Маг накрывает прочной сетью
в тепле взошедшие плоды
и бьет их вымоченной плетью
в растворе гневной кислоты.

И меркнут чистые порывы,
как свет далеких мёртвых звезд,
и только призрачные мифы
хранят фантазии свобод...

НОЧНОЙ МОТЫЛЕК

Темно, не пускает тревога
пуститься прогулкой пешком,
и звезд благодатное сорго
следит за ночным мотыльком.

Летит он на тихое пламя
моей одинокой свечи,
утратив привычную стаю
на ярком коротком пути.

Он будто таинственный Кришна
сплетает крылатый узор
и мне навевает двустишья
и их несмолкающий хор.

И я не один в этом мире
и где-то у верхних ворот
внимаю я искренней лире
в витающем озере нот.

А юные девы-плеяды
мне шлют долгожданный привет,
я их мотыльковые взгляды
ловлю по прошествии лет.

Свеча искупительно тает,
дрожит на ветру мотылёк,
он с тайной моей улетает,
как ветром гонимый цветок...

В ПРЕДВЕСТИИ ФАУСТА

Неторопливо наступает август,
еще не очевиден листопад,
спросите: а когда написан «Фауст»,
века ли, годы, месяцы назад?

И август вдруг ответит, будто регент,
дающий нам тактический совет:
прочтите, как сначала юный Вертер
исполнил свой стремительный обет.

И в августе, когда ночное небо
субтитрами окрасит звездопад,
мы вдруг поймем, что надо вынуть жребий
и Фауста принять всесильный яд.

И вечерами, в поздний летний сумрак,
в присутствии свидетеля-луны,
мы будем слушать бой курантов-суток
и Фаустом рассказанные сны...

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ НОЧЬ

Настала ночь – пора бессонницы, –
затмение Луны и близок Марс,
и кратеры видны, и даже пропасти,
и лик неясный в профиль и в анфас.

Планета замерла, в желанной близости
небесные тела в цветах войны,
а хочется просить о странной милости:
пусть чувства будут праздны и вольны.

Кого просить, не знаю, индульгенцию
за жизнь свою не выпросишь, лишь свет,
меняющий окрас в интерференции,
быть может знает правильный ответ...

ОГЛУПИНА ХИХИКИШНА

Оглупина Хихикишна
мне готовит блины,
хоть не тётка из Киева,
в том не имеет вины.

Она добрая, мудрая,
жизнь ведёт без затей,
к пожеланиям чуткая
моих странных идей.

Поощряет мечтания
одинокой души,
прилагает старания,
крадя жизни часы.

Она ведает прелести
моих каверзных грёз
и безумные дерзости
одобряет всерьёз.

И стряпня её вкусная,
манит сладостный смак,
и на сказки искусная,
как Емеля-простак.

Оглупина Хихикишна
шлёт мне нежный привет

из селения Китежа в град,
которого... нет.

РАКИТИН ДОМ

Ракитин дом стоял когда-то здесь,
он с нами жил обычной скромной жизнью,
в нем не видна была ни статья, ни спесь,
но бревна на фасаде чёрной ризой
скрывали затаившуюся честь.

Я приходил сюда один к покою дня,
когда смолкал брюзгливый лязг трамваев,
и ждал закатного непрочного огня,
и мне казалось, что ворота рая –
вот в этих досках двери, цвета льна.

Я сторожил приход воспоминаний,
их девичьи шаги ловил тотчас,
когда вдруг наставал привычный час свиданий
и окон переливчатый окрас
дарил намек на звук былых признаний.

Его давно здесь нет, ракиты куст
раскинул сень над тенями былого,
и город тёмен стал, и пуст,
и полон равнодушия чужого
к местам, где волновались пары чувств...

Ващенко Юрий

Профессор кафедры «Гражданское право и процесс»
Волжского университета имени В.Н. Татищева,
кандидат юридических наук.

Родился в небольшом старинном сибирском городе Мариинске Кемеровской области 3 февраля 1952 года в семье служащих. Детство прошло в г. Анжеро-Судженске, а среднюю школу закончил в г. Берёзовском названной области. Уже будучи школьником, пробовал себя в прозе (писал небольшие заметки в местную газету), а также писал и стихи. Любовь к литературе привела на филологический факультет Кемеровского пединститута, который он окончил в 1974 году. Затем служба в армии и переезд семьи из Сибири в г. Тольятти, в котором и живёт до сих пор.

В 1996 г. закончил юридический факультет одного из московских вузов, а в 2002 г. защитил диссертацию. Публиковался в местной печати, в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1994 г. вышла его первая книжка прозы «Жизнь по Фрейдю», а в 2007 г. издательство ВУиТ выпустило его вторую книгу «Кислотный дождь». Сейчас он готовит к изданию свою третью книгу. Наряду с прозой и написанием пародий публикует свои научные труды как в юридических журналах, так и в коллективных сборниках. Их у него опубликовано 75. Так что успехи на ниве юриспруденции у него гораздо заметнее, чем в литературе. Вот так и живёт: душой и сердцем в литературе, а головой весь в юриспруденции – устал от права, бежит в литературу и наоборот. Словно неверный муж, от жены к любовнице бегают.

ИСХОД В ИНТЕРЬЕРЕ ОКНА

«Если будет она, не будет меня, пока буду я, не будет её».
(Эпикур)

Всё случилось так, как не должно было случиться. Только это произошло: добровольный исход из молодой жизни, которая раскрывает тебе свои объятия, призывает увидеть те неизвестные места, где ты никогда не был, не запечатлел себя в интерьере местного пейзажа, не сделал селфи в розовых всполохах наступавшего утра где-нибудь на берегу реки или лесного тихого озера, или на опушке леса, чтобы почувствовать своё единение с природой ровно настолько, насколько потом, увидев себя, разграничить пейзаж незнакомой местности и встроенного в него своего изображения. Но ты умер, совершив то, чего делать было нельзя: просто взял и шагнул в Лету. Не остановил, подобно гётевскому Фаусту, прекрасное мгновение жизни, её маленький фрагмент, чтобы одуматься и не рваться за пределы своей невозможности и этого бесценного дара – жить. Вырвался из бесконечной круговерти повседневных буден, сменил придуманные тобой вериги на реальный саван, чтобы, отражаясь в зеркале окна, увидеть своё жуткое изумление, раздираемое криком о помощи, от переполнявших тебя боли и неизвестности, где тебя ещё не ждут, а ты, торопыга, поспешил заглянуть в это зазеркалье незнакомое пока запределья, где тебя ещё нет, как и твоей тени, и ты, словно тополиный пух (о, сколько весит твоя душа?..), тихо и незримо падаешь, отделившись от древа жизни, молча паришь, отделяясь и отдаляясь от своей брэнной оболочки, которая ещё недавно была заполнена тобою.

Карнавальность праздника жизни закончилось: соцветья и радуга красок сгустились в твоём неподвижном зрачке и прошлое отхвачено заступом твоей невозвратности. Ты уже в лодке Харона, которая скользит в водах Стикса, перевозя твою брэнную плоть в царство мёртвых, под причитания собравшейся у гроба немногочисленной родни.

Жизнь, а ведь как всё хорошо начиналось...

Самый младший и поэтому по-особенному любимый Стёпа (от него каждое утро начинался отсчёт семейной жизни) родился в благополучной семье: отец – директор школы и преподаватель химии от бога, две старшие сёстры-погодки и мать, которая рабо-

тала в горьком партии, заведую и руководя кадрами, которые по традиции, ещё заложенной усатым горцем, решают у нас всё. Утром все они бежали к кроватке проснувшегося любимца Стёпочки, сёстры наперегонки его зацеловывали, отец неизменно гладил по его белобрысой голове с неременной фразой: «Горжусь тобой, сынок», словно он с утра уже сделал для всех нечто важное и хорошее. Даже скупая на ласки мать вся вдруг светлела и улыбалась.

Жили в тепле, неге, куда ни глянь – кругом достаток и сытое, бросающееся в глаза благополучие.

Опорой и стержнем семьи была, конечно, мать Соната Петровна. Такое имя ей дал дед, музыкант по жизни и призванию, который, словно предвидя непростую жизнь внучки, отягощённую сложностями её характера и неустойчивой подростковой психикой, захотел облагородить семейный бриллиант, заключив его в достойную оправу, и этим как бы помочь в разливанном житейском море у берегов нашей грешной земли этому сложному ребёнку таким вот музыкальным именем-оксюмором. Не могло. Каноническая строгость и размеренность в словах и поступках подкреплялась у неё редким педантизмом, которым Соната была буквально пропитана. Она была сама противоположность – аллегро и минор, галопирующая страсть и зажатость в общении, особенно с противоположным полом, бросали её то в жар, то в холод и заведённая небесным часовщиком с самого утра она, как маятник, совершала по поводу и без повода бестолковые однообразные телодвижения вверх – вниз, вправо – влево, даже не находя для своего тела нужного или должного применения. С возрастом она, казалось бы, преодолела эту подростковую угловатость и резкость в словах и суждениях, и всё, казалось бы, пришло в норму. Но эта кажущаяся видимость – у меня всё хорошо – ушла в какие-то неведомые ей глубины её психики, чтобы со временем вырваться наружу и зафонтировать безо всякой к этому причины.

Муж ей попался тихий и немногословный, всё время пропадал в школе, где помимо административных дел и преподавания вёл кружок по химии таким же фанатичным, как и сам, детям и долгими вечерами возился с пробирками и колбами в окружении преданных ему учеников, за что и получил прозвище у коллег Алхимик. Отец Стёпы славно готовил своих учеников, колесил с

ними с одной олимпиады на другую, собирая дипломы и медали так, что ведущие химфаки университетов страны присылали персональные приглашения выпускникам его школы, где он ещё и директорствовал, для поступления в их вуз.

Свою страсть к химии отец передал и Степану, которого любил не меньше своих химических опытов. Так им легче было общаться, изъясняясь языком вечных химических формул кислот и веществ. С матерью у него отношения не заладились, как, впрочем, и у его сестёр. Педантичная до деспотизма, она уже с утра перед школьными занятиями ставила напуганных дочек по ранжиру и, как стервятник, кружилась над ними, высматривая какую-нибудь неброскую неряшливость в одежде: бант не так завязан, стрелка на юбке помята или кофточка где-то не так проглажена. За это Соната Петровна так стягивала сзади в пучок волосы старших его сестёр, что у тех от маминых забот и проявлений такого внимания глаза на лоб лезли. И так с каждым годом. Мелочные придирки к одежде перешли на чтение нужных книг, обязательных воскресных лыжных прогулок с отцом (дышать свежим воздухом тоже входило в их обязанности), и когда они должны быть дома, и что перед сном надо на пятнадцать минут открывать форточку для проветривания, и что кофе перед сном пить нельзя и т.д. Кругом одни запреты и табу. В шашки поиграть разрешалось, если они это заслужат своим хорошим поведением. У сестрёнок был распорядок дня на неделю, ему они должны были неукоснительно следовать: всё по часам и всё по расписанию. Маму расстраивать нельзя – это было девизом их детства.

В спальне у матери вечно пахло пудрой и духами «Красная Москва». В углу стоял довоенный доставшейся ещё от деда старый комод, куда она годами собирала квитанции об уплате коммунальных платежей, какие-то проплаченные полуистлевшие чеки, никому не нужные документы – всё это ранжировалось, группировалось по месяцам, годам, пятилеткам... Некий домашний госархив. Соната Петровна составила что-то вроде картотеки и в любую минуту (что ей особенно нравилось) запросто могла найти нужную, как ей казалось, справку или любой другой документ. Страна ещё не компьютеризировалась, поэтому все эти клады герменевтики десятилетиями копились и хранились в разных ведомственных архивах. Соната преуспела здесь особенно: завела свой собственный, домашний. Но как только его сёстры Вера и

Надежда (Любовью, по расчётам родителей, должна была стать ещё одна девочка, но родился Степан) успешно закончили школу, поступили в престижные московские вузы, не менее успешно их закончили и срочно повыходили замуж – хоть к чёрту на кулички, лишь бы подальше от родового гнезда и от всевидящего материнского ока. С матерью они практически не общались и вскоре уехали из страны, иногда звонили из прекрасного, как казалось ему, зарубежья отцу, иногда – ему, матери – никогда. Когда Стёпа успешно закончил химфак МГУ, его оставляли в аспирантуре, от работодателей не было отбоя, пригласили в два ведущих университета США, но он устал от химии, от лабораторных запахов, непонятной стерильности в шкафах, где месяцами вызревали полезные и не очень бактерии, и вечного ожидания результатов: выйдет – не выйдет, получится или не получится, будут нужные для опытов реактивы или нет и т.д. Не работа и не учёба, а сплошное ожидание чего-то важного, которое ещё не созрело, но может быть, в этой химической навозной куче что-то и проклюнется. Ожидание результата, который постоянно стремится к нулю. Отчасти поэтому он занялся поисками смыслов жизни, самокопанием, попросту ничегонеделанием. Для жизни он брал разовые заказы от западных фармацевтических компаний, заходя на их сайты, находил близкую по его тематике работу, как-то договаривался и выполнял её за хорошую оплату. Заработанного хватало на безбедное существование, и он кочевал с одной страны в другую. Словом, вёл жизнь успешного яппи.

Степан выучил несколько европейских языков, поэтому проблем в общении у него не возникало. Особенно ему нравилась Барселона, в которой он прожил почти год в старой части города в средневековом латинском квартале. Лёгкие наркотики, давай это сделаем по-быстрому (секс) и прочие удовольствия хиппи и яппи в одном флаконе. Но чем русский человек отличается от иностранца? Не живётся ему как всем и не уймётся никак, даже когда у него для жизни всё есть. Вот и Стёпа от сытой однообразной европейской жизни вдруг резко заскучал и, покочевав по западной Европе с недолгой остановкой в Австралии (каким ветром его туда занесло, сам даже не понял), уже собрался было за океан, в Штаты, – обетованную мечту всех эмигрантов, но чего-то вдруг позадумался. Сплин, как говаривали в старину, подпирала хандра и скука, со звонками от отца, который уже был на

пенсии, обзавёлся возрастными болячками и, видимо, под нажимом mutter ностальгически трендел ему в недолгих разговорах о старческом одиночестве, могилах предков и нёс ещё чего-то несуразное из давно забытого советского прошлого и иррационального настоящего.

Степан уже как семь лет кочевал по миру, всё примелькалось и приелось, от западного благополучия и буржуазной сытости его уже подташнивало, и он решил вернуться туда, где его, в общем-то, не особо и ждали, да и сам он был мало кому там нужен. Разве что самому себе? Вот и приехал. С неделю привыкал к давно забытой жизни, от которой его в своё время мутило. В стране всё было построено на доносительстве и сведении счётов между кланами и элитами. Кто-то на кого-то стучал, отжимал, если получалось, чужой бизнес и продавал его оптом или частями. А раздав часть денег нужным людям, переводил оставшиеся в офшоры. Правоохранительные органы избирательно выдёргивали то одного, то другого проворовавшегося чиновника, мента, мэра или губернатора. Мимолётно устраивалась показательная порка, пойманных за руку везли в следственный изолятор ФСБ разоблачать и обличать дальше. А скорый и праведный суд сменялся этапом. Уезжать получалось почему-то банкирам. Когда начиналась санация очередного банка, его собственник срочно заболел и для поправки здоровья и отдыха уезжали за границу. Как правило в Англию, которая принимала всех и вся.

Национальной идеологией стали деньги (причем в условных единицах). Все – и бедные, и богатые – стремились как можно больше их заработать, вкалывая порой на двух-трёх работах, чтобы съездить в очередную за границу, к морю. Вот это и было мерилом жизни и успеха для большинства. К полузабытому чувству непонятной тревоги добавилось отсутствие (либерального?..) кислорода. Как-то его не стало хватать. Дышалось, в буквальном смысле, тоже с трудом. На смену шахтно-угольным терриконам вокруг городов и рабочих посёлков пришли огромные кучи смердящих бытовых отходов. А страна в угаре ура-патриотизма решительно разворачивалась назад и семимильными шагами во главе со старым-новым президентом стремилась в точку своего невозврата.

Всё это Степан быстро просчитал своим аналитическим умом и понял, что надо уезжать обратно. Но что-то его сдерживало: ка-

кое-то странное чувство чего-то недоделанного, того, что он не успел завершить, чтобы уехать навсегда и потом не возвращаться. За границей тоже всякого компоста хватало, но там государство не касалось тебя: не лезло в твою жизнь, в твой бизнес, словом, не доставало. Экзотики в его жизни всегда было с избытком, но вот это возвращение домой ему точно ничего хорошего не обещало. У Стёпы была шенгенская виза, уехать можно было в любое время, а он, разбавляя скуку одиночества, занялся подведением каких-то мифических итогов: что успел, а чего нет и что делать ему дальше. Вечные русские вопросы, помноженные на рефлексию мятущейся русской души. Но пазлы прошлой и настоящей жизни складывались у него пока с трудом. Вернее, никак не складывались.

Его мать всегда жила какой-то своей уединённой жизнью: взрослые дети её мало интересовали, так как считала она свой родительский долг вместе с отцом выполненным. Воспитали честных и достойных, только вот отправились они куда-то в никуда. Издержки воспитания? Может быть, и это. Но почему тогда, едва закончившие школу, её девочки быстро ушли на съёмные квартиры. Дети даже в её стерильную до блеска комнату никогда практически не заходили. Помешанная на чистоте до умопомрачения она чистила и драила её и по заведённой деревенской привычке скребла паркетный пол ножом, чтобы затем в очередной раз покрыть его морилкой и пролачить. Порядок, заведённый ею, довлел над всеми: Соната еженедельно стирала в своей комнате занавески, крахмалила и заставляла сначала отца, потом Степана их вешать. Сорок восемь дней в году они были заняты именно этим. По весне обязательно доставала с антресолей пуховые подушки и неделю перебирала в них пух, перо к перу. После чего шла в ближайший лесок и высушивала тронутый тленом птичий гербарий, завёрнутый в простыни. Ритуал, сотканный Сонатой Петровной, из её безумья и моли, с которой она неустанно таким образом боролась. Сплетая кокон из своей жизни, она тащила в эту мертвечину всех, подчиняя только понятным ей ритуалам и привычкам.

«Почему у этого поколения нет патриотизма, они все куда-то и зачем-то стремятся, хотят всё и сразу, но так не бывает?..» — умозрительно заполняла она своими правильными вопросами пустоту квартиры. Сухо и беспристрастно смотрела на сына и мол-

чала. Проявляя тяготившую обоих солидарность, он молчал тоже и всё больше замыкался. О чём говорить с матерью он просто не знал. Жизнь не оставила никаких совместных зарубин, которые могли бы их связывать, чтобы о них можно было что-то вспомнить, да и просто посмеяться. Ведь смех – притяжение мысли и слов. Не было ничего, чувства тоже. Ни любви, ни ненависти. Так, какая-то плавающая пустота, которая, как мыльный пузырь, перемещалась за ним из одной комнаты в другую. Но в спальню матери он не заходил принципиально, не хотел лишний раз её видеть. Они перебрасывались короткими репликами ни о чём и всё больше замыкались. Молчать было легче. Правда, ещё в первые дни его приезда мать нашла на кухонном столе одну из любимых Стёпиных книг «Тропик Рака» Генри Миллера на английском языке и очень удивилась, узнав от сына, что он читает его не в переводе.

- И ты всё это понимаешь? – не скрыла она своего искреннего удивления.

Блин, ну что же это такое: ведь нельзя до такой степени не знать своего сына, она, вообще, где?.. Но он сдержался и хладнокровно ответил:

- Ну да, читаю, у нас с этим писателем много общего.

- Ты тоже пишешь?.. – матери впервые было интересно узнать про то, чем живёт её чадо. – Мне отец говорил, что ты ещё несколько языков знаешь. Но я ему не поверила, чтобы наш Стёпа...

- Напрасно, - остановил он её, – людям надо верить, тем более близким родственникам. А с Миллером, этим писателем, у нас много общего.

- Да ну, – испортила начавшейся было разговор Соната Петровна, – тоже родственник, с английскими...

- Американскими, – поправил её Степан, – корнями.

Видя, какое недовольное лицо изобразила Mutter, которая очень не любила, когда её кто-либо перебивал или не слушал, он всё же сказал:

- Даже не сомневайся, у нас с ним было одинаковое детство, вернее, у него оно было очень трудное, а вот у меня – невыносимо тяжёлое. Так что, пусть и дальний, но всё же родственник.

С этим не заладившимся разговором, который так и не получил у них своего дальнейшего продолжения, они всё сразу и вы-

яснили. У матери к нему больше вопросов никаких не было.

А время, как вязкая кисея, загустело и окуклилось, превратив родителей в обычных домашних сверчков, которые подают голос о чём-то своём, на понятном только для них языке. С отцом, впрочем, Стёпа пообщаться толком тоже не успел. Всё почему-то откладывал, хотя даже когда учился в школе, он чувствовал, как ему не хватает отца, время которого было забито заботами и проблемами чужих детей. Их жизни папа и проживал. Сейчас, постаревший и отстранённый от жизни, которая у него была, он пытался ещё как-то соответствовать тому себе, каким он был, своему прошлому, чтобы спрятаться от происходящего с ним и, словно безнадежно опоздавший аутсайдер, делал безуспешные попытки запрыгнуть в последний вагон уходящего времени. Не получалось. Папа всё больше впадал в детство и нёс порой (не хуже мамы) такую околесицу, что Степана брала лёгкая оторопь. Он что-то с жаром доказывал своей Сонате Петровне, в несвойственной ему манере жестикулировал, и непонятные вопросы, как дым от папиросы (надо же, как срифмовалось), сворачивались в клубок, который распутывать ему было лень. Твердыня и опора семьи Соната Петровна отца, по-своему обыкновению, серьёзно не воспринимала, позёвывая, полуслушала, непременно ядовито улыбалась, изредка вставляла колкие реплики (ещё была способна), а когда он ей слишком надоедал, просто отмахивалась, как от надоевшего комара, который тонким зуммером, по нарастающей ведёт свою мелодию ни о чём. Теплокровных ищет, кровушки попить. Но это место давно, если не навсегда, было занято самой Сонатой Петровной. Ни домашний сверчок, ни обживший дом комар, а уже усохшая со временем летучая мышь-вампир, которая распостёрла свои два перепончатых крыла и, перебирая тонкими коготками, зачищала вокруг себя всё, что только было можно. Всё живое. Затем папа как-то внезапно заболел, иссушенный непонятной болезнью и неустанной некрофильской опекой жены, и через неделю его не стало.

С внезапно понаехавшими на похороны сёстрами они повспоминали общее детство, школу, папиных любимых учеников, которые у них буквально дневали и ночевали, как сёстры, гонимые неизжитым ещё с детства страхом перед мамой, испуганно вспорхнули, как две зомбированные детством стрекозы, что он просто не заметил их отъезда в эту сытую буржуазную старушку

Европу. Просто вечером спросил мать, где сёстры, как она, словно провожая невидимый самолёт, подошла к окну и кокетливо помахала иссушенной старостью рукой в небо:

– Улетели гуси-лебеди, что они тут забыли, ах да, – прищёлкнула она пальцами, – совсем из головы вылетело: папу хоронить приезжали.

И распрямилась маленькая, сторбившаяся, испитая жизнью, которая была послана ей как испытание.

– Не знаю, – уже не сдерживаясь, удивился он матери, – чего в тебе больше: цинизма или маразма.

И глядя на оторопевшую Сонату Петровну, неожиданно заключил:

– Если бы не смерть отца, они бы к тебе сюда никогда не приехали. Очень счастливое детство у девочек было: ты их так «уматерила», что они даже в России жить не остались.

Жизнь как-то по-своему очень быстро укорачивалась: одно событие сменяло другое, но по-настоящему Стёпу это мало цепляло. Дьявол, который походя заглянул в их семью, вдруг увидел новое лицо, заинтересовался и захотел позабавиться. Гладиаторские игры на выбывание... Как в детской считалке: «Шишел-мышел, взял да вышел». Только зачем это ему всё было надо?..

Он списался по интернету с будущим работодателем, ему выслали пакет документов, которые он должен был собрать, надо было ехать в ближайшее консульство, в Москву как-то не хотелось. На этот раз ему предстояла поездка в немецкий Рудольштадт, это где-то на юге, в Тюрингии, там находился крупный фармацевтический концерн, где его ждала работа почти на год. Мобильный и собранный, когда было надо, он быстро всё оформил, но что-то подзатянул с отъездом. Мать пыталась узнать про его жизненные планы, заговаривала с сыном, льстила ему, что было так несвойственно ей. Старая лиса: страх остаться совсем одной гулял по квартире вместе с шарканьем её шагов. Когда она его о чём-то спрашивала, Степан что-то ещё там ей отвечал, иногда невпопад, но не молчал, понимая, что мать остаётся совсем одна. Сделав для этого всё, сама. С датой отъезда он почти определился и как-то вечером возвращался с прогулки домой. Было начало февраля, в воздухе временами неуловимо пахло весной, а обеденное солнце, проклюнувшееся сквозь зимнюю изморозь, слегка плавило сосульки, что те, подрастая в холодные ночи, от-

давали то, что успевали себе нарастить днём, возвращали нагулявший холодом белый жирок, звонкой капелью с крыш.

Проходя мимо школы, которую он когда-то закончил и где почти всю жизнь проработал отец, он случайно столкнулся с Верой, одноклассницей. Располневшая, с врождённым чувством юмора она запомнилась ему, в отличие от многих однокашников.

– Менделеев (так звали его в классе), ты откуда свалился?

– С луны, – ответил он ей в тональности песенного распева Маши Распутиной.

– Ну нет, я сейчас от большой радости и такой встречи в обморочном упаде, – сказала она и... упала.

– Верунчик, ты чего? Не ушиблась?..

Он шагнул к неподвижно лежавшей однокласснице, где был сплошной лёд, но поскользнулся и оказался с ней рядом.

Их лица оказались напротив, и они, не мигая, смотрели друг на друга.

– Ты чего упал?.. - коротко с хрипотцой в голосе от постоянного курения хохотнула она.

– Из солидарности, – первое, что пришло ему в голову, получило продолжение.

Он потянулся к ней губами и неожиданно для себя звонко чмокнул её в щёку.

– Ну, здравствуй, Вера, ты у меня только одна и осталась.

И, видя недоумение в её глазах, пояснил:

– С надеждой давно распрощался, а любви нет, – и в завершение сказанного игриво ущипнул Верунчика за щёку.

– Но-но, кроманьонец, только увидел и хватаешь, – подхватила она его игру, – не балуй, у меня муж и семеро по лавкам: детишки за мной бегают и титьку всё время просят, а муж, словно сексуальный маньяк, прохода не даёт. Так что вам нужно от многодетной матери? Любви или молока? – заключила она и расхохоталась от своего незамысловатого с налётом лёгкого флёра вранья. – Не веришь?..

Случай свёл или чёрт в очередной раз пошутил, но случилось то, что должно было случиться. Он влюбился. Была традиционная суббота начала февраля, в школах проводились встречи выпускников. Вера целенаправленно шла на встречу с их бывшим 10 «А» классом, и Степану ничего не оставалось, как разделить эту коллективную радость с бывшими одноклассниками. Погуля-

ли они на славу.

Никто особо не интересовался: кто он? где он?.. Никто не лез с разговорами типа «А помнишь?..» Все его давно знали, и он оказался в своей стихии. Если что и говорили, то исключительно о его отце – со светлой грустью и теплотой. Степан им всем за это был очень благодарен. После того как он проводил Веру домой, у неё и остался.

– Дважды замужем побывала, а семьи как не было, так и нет, – коротко объяснила она свой семейно-женский статус, когда они пришли в её однушку. – Ну что, Стёпа, гость ты мой заморский, покувыркаемся... – неожиданно предложила она, когда они хорошо приняли на грудь. – Я дама хотя и гордая, но свободная, и ты – незамутнённый жизнью кристалл, словно с неба ко мне упал.

– Пропал, – исправил он последнюю рифму, обнимая Веру.

Встреча оказалась знаковой. Степан как-то очень быстро сошёлся с ней, которая тормозила его и не давала киснуть. Лёгкая по жизни она, как морской бриз, обдала его волной своего веселья и закружила. И самое главное – ему это самому очень нравилось. С людьми, тем более с женщинами, он сходилась как-то с трудом, а тут... Двух дней не прошло, как он предложил ей поехать в Германию, к его новому месту работы, и Вера, недолго думая, согласилась. Оставалось уладить некоторые формальности с выездными документами и можно было уезжать. Он даже с матерью поделился своими планами на жизнь. Чего никогда не делал. Та, казалось, спокойно выслушала его, радостного, полного планов на жизнь, но ничего не сказала и просто ушла в свою комнату. Стёпу это немного задело, и вместе с радостью, которая ненадолго пришла в их дом, в душе у него поселилась лёгкая тревога.

Чтобы ускорить отъезд, он съездил с Верой в Москву. Зайдя в немецкое посольство, уладил все вопросы, и они несколько дней пожили в столице. А когда вернулись в свой город, то благодаря стараниям Степана, умению нравиться женскому полу, он договорился в загсе, и молодые зарегистрировали свой брак безо всякого там испытательного срока. Всё шло, как он решил, легко, без особых препонов и преград, словно кто-то заботливо приоткрыл им дверь в земной рай жизни. Это не могло не радовать.

На мать он практически не обращал внимания, она в отмест-

ку ему из своей комнаты не показывалась тоже. Конечно, ему надо было с ней серьёзно поговорить, он понимал, что не может взять и так просто уехать, и что разговор будет тяжёлый, поэтому так упорно откладывал его на потом. И дотянул до последнего. Через день они уезжали. Его Вера уволилась с работы, нашёлся даже покупатель на её однокомнатное жильё, и он поспешил к ней. Та пока жила у себя.

Степан легко взбежал по лестнице на третий этаж, позвонил, но дверь, к его удивлению, оказалась открытой. Войдя в комнату, он увидел накрытый стол и девичник. Его Верунчик сидела между двумя ничем не примечательными мужичками с помятыми физиономиями, похожими друг на друга как два стёртых пятака, где морда-лица даже не читалась. Едва взглянув на него, близнецы, как по команде, потянулись за рюмками «за знакомство». Как в анекдоте: третьим будешь? Дамское окружение, наоборот, возбуждалось и вслух начало его оценивать.

– Это что? – шёпотом кивнул он на гостей и стол.

– Ой, Стёпочка, – взвизгнула она, – а мы мою отвальную решили отметить. Народ, – кивнула она на подружек, – с работы пришёл меня проводить... Ну ты хотя бы позвонил, – повинилась она, видя, как он меняется в лице.

– А это кто? – кивнул он на мужчинок.

– А это, – облизнув почему-то губы, плотоядно усмехнулась Вера, – два моих бывших кренделя, с кем я отношения пробовала выстраивать, семьи по дурости и совету старших создавала.

– И как, не вышло? – он почувствовал, как его стало трясти.

Чёрт, этого ещё не хватало.

– Да, Стёпа, – как-то по-детски ответила она, – не сложилось. Вот у нас с тобой всё будет по-другому.

– Дрянь, – с трудом сдерживаясь, сказал он. – Всё испортила.

И развернувшись, молча вышел.

– Ну и уходи, и не приходи больше ко мне! – выкрикнула она и показала ему вслед язык.

Чувствительный и перевозбуждённый он запылал праведным гневом. Только на кого?..

Вернувшись к гостям, Вера поняла, что у них всё кончилось, да, по сути, толком и не началось, и вот тебе на... Уже не сдерживаясь, она запрокинула голову, грудь её заходила волнами, и Вера по-бабьи, навзрыд, с причитаниями расплескала своё горе

по дому. Подружки бросились её утешать.

– Ой, девоньки, – повела она свой плач, – что я дура натворила...

Стоявшие у подъезда два божьих одуванчика – соседки – Верин плач оценили пророчески:

– Умер кто-то? – сказала одна из них.

– Похоже, голосят, словно по покойнику.

По дороге Степану попалась рюмочная, и он зашёл в этот перевёрнутый стеклянный купол, чего никогда, в общем-то, и не делал. Предпочитая, как все европейцы, решать свои проблемы и выходы из образовавшихся тупиков у психологов. Поэтому выпитые им несколько рюмок водки с орешками и лимоном душевный раздрай его только усугубили.

Он зашёл в квартиру, которая ещё больше оказалась чужой, сбросил куртку и, пройдя по залу, развалился на диване. «Надо уезжать, уезжать...» – пульсировало в голове.

В комнате зачем-то появилась мать.

– Ну это тебе зачем, а?.. – вызвала она его на разговор и показала ему на узкий сорокасантиметровый нож, узкой полоской перевязанный жгутом посередине. Его отец когда-то привёз из Японии, куда возил своих детей на очередную олимпиаду по химии.

Степан нашёл нож в комнате отца, который вместе с самурайским мечом висел на стене и просто взял его на память. Папа с детства любил холодное оружие и очень много рассказывал о мечах и кортиках ещё маленькому Стёпе.

– Дай сюда, – он грубо вырвал его у матери да так, что порезался.

Нож на удивление был острый, как бритва.

– Ты это чего?.. – пробовала возмутиться мать. – А-а-а, милые бранятся только тешатся, – в мгновение ока оценила она его душевную смуту. – Дурак, ты что не понял, кто она? Убедился? Да, она была любовницей твоего отца, этого старого козла, – продолжала она добивать сына. – Не хотела тебе говорить, но придётся. Как-то приезжаю с дачи домой, а папа твой с этой Веркой любовь крутит. Всю жизнь, сволочь, изменял. Так что, у вас с отцом вкус одинаковый: одних и тех же проституток собираете.

Стёпа при её последних словах вскочил, распрямился на пружинистых ногах, завис над ней с самурайским ножом и пора-

зился тому, с каким дьявольским спокойствием смотрит она снизу на него.

– И папа твой не один раз этим ножичком пытался меня чикнуть, но может, духу не хватило или воспитание не позволило, что людей резать нехорошо. Слабаки вы, Симоновы.

Степан сверху, рукой которой он держал ритуальный нож, с размаху, не раздумывая, вонзил бритву-лезвие себе в живот. Согнулся, парализованный невыносимой болью, дёрнул рукой (то ли вытащить его пытался, не то ещё что-то сделать), а нож пошёл дальше и вглубь, и вот уже кровь узкой змейкой просочилась сквозь одежды, запульсировала и прорвалась алой лентой, освобождаясь от ненужного для себя тела, вырвалась фонтанчиком наружу. Под причитания матери, теряя сознание и хватаясь за просвет уходящей жизни, он машинально собрал шторы на себя, повис на них и, обрывая карниз, наполнил плотную ткань багряно-кумачовым цветом.

Вера в тот день, когда Степан приходил к ней в последний раз, уехала к своей близкой подруге на дачу и хорошо провела там несколько дней. За это время она обдумала всё, что должна сказать ему. Практичная по жизни она заготовила два варианта своей речи: от покаянно-слезливого до реально-просчитанного. Какой-нибудь, а прокатит.

Она попросила подругу довести её до дома, где жил Степан. Поднялась на третий этаж сталинской трёхэтажки, позвонила и вошла.

– Ой, Вера, – то ли радуясь, не то огорчаясь, встретила её у порога Соната Петровна. – А Стёпы уже нет.

– А, где он? – почему-то пересохшим от нахлынувшего волнения голосом и шёпотом спросила она. – Он что, уже уехал?

– Да ты, видно, ничего не знаешь? – удивлённо протянула Соната Петровна и потянула за собой девоньку, которая так и не стала её невесткой.

– Не раздевайся, не надо, расположение комнат ты хорошо помнишь, это в зале (не изменяя себе, не удержалась она, чтобы не ткнуть неожиданную гостью) и совсем недолго. Вот здесь, – подвела она её к большому окну, – всё и произошло. Он, когда от тебя пришёл, ножичком хотел меня порешить, а получилось, что себя... Видно, Господь меня хранит. Одно неудобство, что шторы пришлось долго стирать, а сколько порошка ушло... Всё, – мах-

нула она рукой, – в крови было. Вот здесь, здесь... А вот пятно на паркете так и не отмылось.

Сказанное с трудом укладывалось в её голове. После услышанного она как оглохла и, что дальше говорила Соната Петровна, не слышала. На ватных ногах она пошла обратно к двери.

– Да, а тебе его новый адрес дать? Это северная часть Богомоловского кладбища, девятый ряд, рядом с отцом, себе место готовила, но пришлось уступить. Так что, ты сразу двоих навестить сможешь. Они тебя ждут.

Соната Петровна слегка подтолкнула Веру в спину:

– Иди с Богом.

Март 2018 г.

ТЯГА К ЗЕМЛЕ

Не помню, у кого-то из русских философов (кажется, у Петра Чаадаева) читал про нашу не совсем обустроенную (в отличие от европейцев) жизнь, которую русский человек в силу инерции и традиции быть, как и все, толком обустроить её для себя никак не может. Отчасти это идёт от беспробудности самой жизни, пробуждение и движение души требует мысли, времени, чтобы оглядеться и задуматься. Наконец, силы нужны, чтобы преодолеть воспитанную веками беспомощность. Бог его знает, что ещё и какое ускорение нашему брату требуется. А с другой стороны, кто ему это позволит сделать? Ещё неопровержимый Ленин писал, что жить в обществе (читай в государстве) и быть свободным от него нельзя. Россия – это вам не Европа, власть, как верный Цербер, охраняет людей от того, чтобы у них просветления мыслей в голове не произошло. Голова дана для того, чтобы думать ею могли только избранные (то есть сама власть), все остальные же должны крепко усвоить, что через этот человеческий орган в основном идёт приём пищи.

Где-то в начале 19 века в России, когда ещё ни газовых, ни электрических фонарей и в помине не было, а лихие люди так и норовили облегчить чьи-нибудь карманы, то околоточные (в ночное время дежурство несли ночные сторожа), которые назначались на смены полицейскими квартальными, при себе имели колотушки, время от времени они лупили в них и кричали запоздалым прохожим: «Поглядывай, послушивай!» В смысле, идёшь

и оглядываешься, в случае чего кричишь: «Караул! Грабят!»

На память почему-то приходит «Ночной дозор» – картина Рембрандта. Там в «забытой богом» Голландии, где-то в 17-18 веках на улицах Амстердама тоже было беспокойно, только объединялись в ночные дозоры сами горожане добровольно, и власть им никаких препятствий не чинила. Так и должно быть организовано гражданское общество в жизни обычного человека – на основе личной ответственности каждого из нас, без высочайшего указания сверху.

Однако в любом случае архаичность нашего сознания и нежелание выходить за рамки привычного из круга созданных русским homo sapiens условностей и желаний порождает непонятную тягу к такому знакомому и вечному, допустим, к земле, что в нашем человеке сидит более прочно, чем разные политические премудрости. Вышел из земли и ушёл туда же. Пришёл одиноким на свет, в одиночестве и уходишь. Что, казалось бы, проще? Ведь должно что-то держать нашего брата на этой грешной земле. Может быть, отсюда эта крестьянская закваска, словно сусло на дрожжах подходит, бродит и тянет человека к этому небольшому по размерам земельному участку, как правило, в шесть соток, который он в начале возделывает: завозит песок, чернозём с перегноем, при наличии торф; высаживает, что душа пожелает, а по осени, когда весь урожай собран, от всякого сорняка и в качестве удобрения горчицу выращивает, засеял по осени и добросовестно потом её с землёй перекопал... Многое, конечно, зависит от состояния почвы: некоторые, особенно продвинутые дачники с огородниками, интересуются даже кислотностью самой земли. Как они про кислотность почвы узнают, я до сих пор об этом имею смутное представление. Не станешь же земельку на зуб пробовать. Хотя, кто его знает, есть такие дотошные, что все анализы соберут: и про почву, и про воду.

Более простым способом можно узнать про залегание грунтовых вод, особенно если участок достался в диком поле, а прокладка трубопровода в ближайшее время не предвидится, и вот тогда сгодится веточка виноградной лозы с приглашением ведунна-лозознатца: нашли нужное место, забурились и пошла тебе вода – символ жизни и плодородия. В обязательном порядке сажается не только овощ огородная, с грядками лука и рядами картошки, с непременно малиново-смородиновым разливом ку-

старников, который рассаживается по краям или посередине, как живая межа, между грядками, а ближе к дому или забору разбавляется яблонями и грушей. По своей наивности начинающий дачник в обязательном порядке высаживает также и вишню, жизнестойкость которой проявляется в мощных побегах. Они быстро разбегаются по фазенде, а дружелюбно-вороватые альтруисты-соседи, посезонно выкорчёвывавшие побеги сливы (похуже ещё вишен будут), бесплатно предлагают вам эти вкусные сорта до кучи. Медвежья услуга сродни первой любви, в которую нередко вляпываются начинающие городские мичуринцы. Даритель всех этих плодоносящих культур сам когда-то в дачное это дело влез и думает: пусть и сосед мой через эту науку пройдёт – и промотыжит, и пробатрачит, пока умнеть не начнёт. Обустройство идёт сродни жизни в детской песочнице, где злые дети (они же соседи), так и норовят развалить твои кулички (читай грядки), перенести любовно возведённый тобой забор (ну, какой русский без ограды?) или ещё того хуже – залезть на твою экс-территорию, потеснить тебя и оттяпать твои слезами и кровью омытые сантиметры. Кстати, жизнь на дачах строится посантиметрово. Особенно если соседние дачи друг друга подпирают. О бытовом воровстве, что процветает на дачных массивах, разговор особый. Так, если ты случайно вдруг увидишь свою ножовку, рубанок или тот же молоток у соседа и заявишь на них свои права, тебе отдадут со словами: да ты сам мне давал, а инструмент твой у меня как-то прижился. И берёшь ты свою вещь обратно, словно виноватый в чём-то и чего-то тайно стыдишься, словно не у тебя её утащили, а ты каким-то образом в это нехорошее дело умудрился влезть. Сам помню, как у соседа отвёртку-крестовину попросил (так как своя каким-то образом испарилась), а он мне мою и протягивает. Прижилась, значит, вещь. Промолчал, так как уличать ближнего дороже себе ещё обойдётся, такая, братцы, у нас психология.

Затем дачник, привязанный к своему огороду, который он пропалывает, поливает, умываясь потом, и (шутка природы как гримаса судьбы, сопровождаемая вытягиванием жил) ещё умудряется за несколько лет разнообразить местный ландшафт строительством собственного дачного домика-уродца: что-то среднее между дворцом и скворечником. Денно и ночью пропадает на обустроенном клочке: мечется между двумя работами, городской

квартирой и сладкой каторгой, именуемой дачей, наполняя свой рацион непонятными витаминами, с закрутками и компотами, что даёт «садо-мазо-огород», попутно приобретает артриты, переходящие в калечащие ноги артрозы, и неустанно заполняет свои позвоночные диски грыжами (по-медицински это звучит более красиво – протрузии).

По устоявшейся привычке вместо лекарства, по совету врачей, дышит свежим воздухом, считает его также целительным и полезным, но гробит себя почём зря. К старости, скрученный болезнями, пришедшими к нему от его фанатизма и мизерной вечно зарплаты, начинает понимать, что всё то, что он приобрёл, включая болячки, пришло к нему вместе с крестьянскими генами далёких предков (голод будет – а мы не пропадём!) и его петой дурости, которая, хуже всяких вредных привычек, передалась ему по наследству тоже.

Вот так, Лаврентий Павлович (не Берия, всего лишь Лоскутов) – преподаватель философии одного из местных вузов, – вместе с женой полонил свой участок со знанием старого огородника и стоическим отношением к первобытнообщинному возделыванию клочка земли: выдёргивал и собирал с помощью палки-копалки, то есть лопаты, мясистые лохмато-колючие сорняки. Нагнулся – сорвал, а если не нагнулся, то хотя бы заметил вредного мерзавца и оставил подрастать, на потом. А что, пусть поживёт, а мы его вскоре чик – и нет вредителя. Рядом с ними с мобильником в руках копошился двенадцатилетний внук, который успевал и одуванчик выдернуть, и картинки, которые находил в Интернете, всем показывать.

Всё шло, как и всегда, по заведённому неизвестно кем и когда порядку вещей и весеннего дачного обострения, которое при соблюдении севооборота и агрономического возделывания культур давало свои плоды. Главное – вовремя вскопать грядки, всё посадить и поливать до отупения и опупения из леек и шланга будущий свой урожай, который, если всё уродится, не знаешь, куда потом деть (все равно больше половины не съедалось и благополучно сгнивало в погребах), но, если корнеплодов с ягодой было меньше чем обычно, это давало возможность обвинять всех и вся, включая погоду и людей с дурным глазом. Что касается рассады – это отдельная песня, если теплица в наличии имеется, проблема решена, а если нет, то дома, на подоконниках грязь раз-

водить придётся.

– Представляешь, – жаловалась половшая рядом по-своему обыкновению супруга Евдокия Степановна (Дуся, как любовно называл её муж) на одну из глазастых и завистливых, не в меру любопытных соседок, – как что увидит и похвалит, у нас всё скрючивается и не растёт.

– Да ладно тебе, – отмахивался от неё Лоскутов, воспитанный на традиционной материалистической философии, – что ты несёшь, какой сглаз, раннее средневековье у тебя в голове, а не сглаз...

– Нет, я точно знаю, поэтому и говорю. Вот баклажаны, какие они аппетитные и мясистые были, а теперь почему их так скрючило? А ведь ещё на той неделе, когда эта Клавка баклажаны наши увидела, так сразу их стала нахваливать. Для чего, чтобы они потом загнулись?

Лаврентий Павлович теребил свою клочковатую бородку и чего-то там такое неопределённое хмыкал. Задумчиво глядя за линию горизонта, он пытался соотнести тайны мироздания и ту окоlesiцу, что несла его жена.

Всё было и шло, как и всегда – от взаимных препирательств и выяснения, кто за сегодняшний день что и как сделал и что ещё предстоит. И тут в разговор вмешался внук Денис.

– Вы только посмотрите, какие цены на вашу морковку и лук, их лучше купить, чем так горбатиться. У меня от вашей дачи сколиоз уже, – и для наглядной убедительности он скоромыслил свою спину.

В душе Лаврентий Павлович был солидарен с внуком, намёк его, конечно, просёк, но деликатно промолчал. Человеком он уже был возрастным, болячки подпирали порой так, что иной раз просто ничего не хотелось делать, даже думать. Но, будучи человеком старой формации и долга, он ежегодно впрягался в эту телегу огородных дел и тянул, как старый мерин, стараясь попасть именно в ту борозду, чтобы ничего такого не испортить.

В качестве вешдоков внучок совал деду ценники, которые предлагали сетевые магазины.

Лоскутов с изумлением тарашился на них и когда всё просмотрел, перенёс своё недоумение на жену:

– Дуся, действительно, чего мы так упираемся, давайте-ка лучше на речку сходим.

– Зато наши огурчики-помидорчики свои, безнитратные, на навозе выращенные, – завела Евдокия Степановна свои экологические побаски.

И добилась-таки своего: увела разговор в сторону, в никуда, так что и речка ушла на задний план, и мороженое, как и прочие соблазны с холодным пивом, о котором Денис напомнил деду как бы вскользь, что у того непроизвольно дёрнулся кадык, и Лаврентий Павлович затосковал о таком близком, но пока ещё недоступным в столь жаркий день пенном напитке.

– Ну, бабуля, – продолжал интриговать взрослых в меру шкодливый хитрован. – Старикам и детям мороженое, а классику марксизма (так называла Лаврентия его любимая жена) пива с раками!

– Совсем забыл! – Проняло наконец Лаврентия Павловича.

Он ещё по дороге, возле небольшого рынка, что посезонно появляются у небольших поселений и дачных посёлков, купил доведённых до пожарного цвета раков и баклажку пива.

- Надо хоть горло промочить! – И с этой установкой решительно зашагал к дому.

Пока они сидели на веранде и каждый занимался своим делом: кто-то пил пиво, а кто-то ел мороженое, как неугомонный Денис, который нашёл в «ютюбе» очередное развлекалово, стал заразительно смеяться.

В мультяшном видеоролике два джигита плясали лезгинку. Всё бы ничего, но один из них был лидер чеченского народа Рамзан Кадыров, а вторым танцором выступал президент всех россиян Владимир Путин. Рамзан, вошедший в мужскую зрелость, полный сил и желания, играючи частил ногами, широко и хитро при этом улыбался и уступал место для пляски в кругу президенту. Пляска горцев для президента в силу возраста и занимаемого им положения давалась, видимо, с трудом: он подпрыгивал, вытягиваясь в струнку, семенил ногами и при этом умудрялся сохранять на лице суровое величие и президентское достоинство.

Лаврентий Павлович с минуту смотрел на эту лезгино-половецкую пляску и не сразу понял, как совсем маленький председатель правительства РФ Дима Медведев рвался в круг сплясать на равных вместе со товарищами лезгинку тоже. Но как только он начинал жестикулировать руками и рваться в круг, выкидывая коленца, как его, словно в детском саду, за штаны стоя-

щие из охраны Кадырова нукеры возвращали обратно, на место. В общую пляску Диму решительно не брали.

– Да, – выдал глубокомысленную максиму глава семьи Лоскутов, – власть может быть всякой, но не должна выглядеть смешной. Она должна внушать, если не страх, то хотя бы уважение.

После сказанного он стал ещё более суровым, непонятно на что обиделся и пошёл к большому удовольствию супруги продолжать огородные дела.

– Я тебе, – погрозила Денису пальцем Евдокия Степановна, – юный провокатор: то о пиве с раками деду напомнил, то власть пляшущую показываешь. Зачем взрослых от дел отвлекаешь? Видишь, как дедушка расстроился.

– Ничего себе, – возмутился в свою очередь внучок, – про пиво он и без меня помнил, а то, что власть так культурно танцует, мог бы и не смотреть. Каждому своё: кто на огороде пашет, а кто танцами занимается.

– Вон ты какой, рано тебе ещё про власть так говорить... – Евдокия Степановна с ещё большим раздражением посмотрела на внука и пошла на свой любимый огород тоже.

Избавившийся наконец от старшего поколения и дачных дел Денис достал мобильник и нашёл нужную ему игру:

– Так, какой там у меня сейчас уровень?

И пиратский корабль, так лихо взявший на abordаж торговую шхуну, унёс его в параллельную реальность. Там было интересно, там шла другая жизнь. Клоны и гоблины просто отдыхали от того, что творилась на палубах. Их всех надо было победить!

Лаврентий Павлович, который глубоко изучал земельные отношения в России и написал об этом немало статей, хорошо понимал, почему крестьянство так цепко держалось за землю. Конечно, это было вопросом их выживания. Отсюда их притязания на земельные угодья с постоянными поисками свободных земель и вечное кочевье по необъятной и необжитой стране в такие дикие и запредельные места, куда власть даже и не думала соваться.

Когда спустя столетия всё узаконилось и утряслось, а людская река страждущих обрести новые земли обмелела и раскидала народ по пустошам и неудобьям, так как везде выделялась прослойка особых, наделённых властью, расторопных и наглых смотрящих, которые забирали государству и себе всё лучшее, в

том числе земли, отвоёванные первопроходцами у леса.

Но сейчас это мне всё зачем? Когда ещё лет тридцать назад в профкоме своего вуза Лоскутов получил в пользование земельный участок, думал, как славно на выходные дни он будет приезжать и отдыхать. Но всё заслонила работа. Наивная вера в хорошую дачную жизнь была похерена, как только он впервые взялся за лопату. Только в России она сохранила свой изначальный смысл ручного труда. Всё сразу ушло на задний план, и он понял, насколько прав был Маркс, когда писал свой «Капитал»: любой труд делает человека подневольным, **ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ РАБОТАЕШЬ НА СЕБЯ**. Так что, возделывая свой иллюзорный оазис, Лаврентий Павлович получил очередной мираж в своей жизни в виде активного отдыха (на самом деле – активной самобарщины) на природе. И кто бы сомневался, что смена одной работы на другую и есть настоящий отдых.

Лоскутов не спеша прошёлся по дачному участку. Ощущение какой-то пустоты, которая заполняла его, раздражало. Недавно, на шестом десятке, он удалил зуб мудрости, и своим языком постоянно ощущал эту незаполненность, которая отдавала чувством непонятной утраты того, что у него когда-то было. Со временем этот сантимент по утраченному у него прошёл, и лишь слабым напоминанием о нём был его язык, который иногда скользил по гладкой поверхности десны, места мудрости.

Притяжение к земле было сродни этому непонятному чувству лишения, когда нет той основы, которая тебя с чем-то бы связывала.

От нечего делать он копнул лопатой на участке, нагнулся и взял горсть земли, которая терпко пахла прошлогодней листвой, с перепревшей ещё не сгнившей травой, где покоились вытянутые корешки растений из белесых ниток, за них цеплялись землистые катыши, исходившие запахом какой-то сладковатой гнили. Подышав на земляной ком, он отбросил его, словно за ненадобностью.

Ответа Лаврентий Павлович не получил, да и вопроса у него тоже не было, как, впрочем, и самой тяги к тому, что он так усердно возделывал и обрабатывал, тянулся, не осознавая того, зачем это ему было надо. Скорее в силу привычки и той вездесущей инерции, которая почему-то связывает, накладывает обязанности, порождает бремя зависимости от того, что, в принципе, со

временем становится не особо нужным и где-то даже бесполезным.

«Половинчатость и лень – вот такая дребедень», – как-то произвольно сложилось вдруг в его голове.

«Пустое всё это».., – философски подумал Лоскутов, направляясь к дому, когда осторожными шагами мерил в тишине свою быстротекущую жизнь, которая уместилась у него на шести сотках.

Июль 2018 г.

Шаклеина Алла

Специалист по связям с общественностью ВУиТ, художник.

ТОМИК ИЗ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Старый томик согрею в руках
И среди снизошедших наитий
Утону в Пастернака стихах,
Словно вишня в горячем бисквите.

Там, где в трепетном беге пера
«Пахнут устрицы свежестью моря»,
С плачем скрипки, страдавшей с утра,
Затоскую ахматовским горем.

В давнем веке серебряных строк
И доньне играетя драма,
Где в надрыве живущий пророк
Душу виршами рвёт Мандельштама.

ЛЕТНИЕ ЭТЮДЫ

Плетень, склонившийся за тенью,
Играет с солнцем в поддавки,

Под голубой полдневной сенью
Салютом пенятся вьюнки.
И марево... и лень повсюду...
И жаром дышит сон-трава,
И ждёт вечернюю остуду
От дум дурная голова.
Лазурью куролесит небо,
С Куинджи цвет списав точь-в-точь.
И не понять: где быль, где небыль
В Шекспиром созданную ночь.

НОЧЬ В ЯЛТЕ

Запоминает сны ночной причал,
Уснули блики вместе с рыжим солнцем,
Из темноты мерцающим оконцем
Piano blues в морской тиши звучал.

Смиренно стихли кавалькады дум,
Навеянные ялтинским прибоем,
Раскаты волн, умерив страстный шум,
Под гладь воды сокрылись грозным строем.

Спустилась ночь... душа обнажена,
Исчезли в декорациях обиды,
И только неземная тишина
Поддерживает ночь кариатидой.

ЗАМЁРЗШИЙ АЛФАВИТ

Муаровыми тканями зима
Набрасывает звонкие велибры
Рассыпались застывшие слова
Как бусины различного калибра.

Похоже алфавит замёрз слегка,
Похоже филология устала
Я, мысли, с северного языка
Перевожу на тепло - талый.

Ещё чуть - чуть и с шевелюры крон
Ко всем чертям растает иней шалый
И разразится пьяный первый гром
Хмельным озоновым скандалом.

ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ

Вновь на перрон... Слоном трубит гудок,
Войду в вагон, и стихнет в мыслях смута.
Прозреньё – как со дна допить глоток,
Опять иду тропой, что чёрт попутал.

И что это, никак я не пойму?
Тот город иль назад в двадцатилетье...
Туда я, где ни сердцу, ни уму,
Приеду, чтоб заполнить междометья.

Где звукоподражания мои,
Рождённые от темноты таёжной,
Напомнят про утерянные дни,
Куда уже вернуться невозможно.

ЯЛТИНСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Белоснежной регатой
олеандры плывут близ Костёла,
Утопая в токкатах,
упоённые звуками фуг.

Здесь страдала когда-то
и в любви признавалась виола,
Взгляд маня за смычком,
извлекающим трепетный звук.

Охраняет покой
неприступная мощь Аю-Дага,
В облаках на хребте
заигравшись в театр теней.

Лишь хмельная волна
загуляла по морю, бродяга,
В жемчуга разбиваясь о борт
Уплывающих вдаль кораблей.

ШЛАГБАУМ В ОСЕНЬ

Тропой, петляющей среди оврагов,
Бегущей ниоткуда в никуда,
С проворностью кочующего мага,
С дежурным чемоданом, как бродяга,
Вновь лето покидает города.

Оно затеет в час солнцестояния
Орехово-цикориевый щербет,
Слетает к Ориону на свидание,
Накуролесит в звездах на прощание,
Задев макушкой млечно-лунный плед.

Открыт шлагбаум в осень – путь для лета...
Лучом прощальным сводит глаз вприщур,
Сменив на охру буйство разноцветья,
Листва в прохладу вечера одета,
В осенний бренд от модного кутюр.

КЛЮЧ ОТ ЛЕТА

Осенние приметы далеко...
Природа далека ещё от сплина,
И облаков высокая перина
Фланирует вольготно и легко.

Июльский ветер сбился со всех ног,
Считая в огороде абрикосы,
А в сонных штольнях Волжского Утёса
Стрижи пьют одуванчиковый сок.
Ещё поленце, подогревши бок
от топора,
Лежит у ветхой бани,

И ключиком, запрятанным в тумане,
Закрыто лето на сенной замок.

В ЕДИНОМ ПОЛЁТЕ

Борт набрал высоту...
Направление выбрано – море!
Но инструкциям следовать,
Я прошу, капитан, не спеши!

В параллель облакам
Выжимай на безбрежном просторе,
Чтобы скорость полёта в любовь
Совпадала с полётом души.

Средиземные воды
Отшлифованы лунным туманом,
Россыпь солнечных брызг
Разбиваясь, летит в небеса.

Переплясы волны
Набегают желанным обманом,
И влюбляют опять
В бирюзового моря глаза.

ХМЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Солнце бросило в жар, разморило,
Витаминами лакомясь впрок,
В сладких брызгах дневное светило
Пьёт захлёб апельсиновый сок.
Захмелев, растворится в закатах,
Даст остыть раскалённому дню,
А наутро десерт из цукатов
Разноцветных предложит в меню.
Млеет в цитрусовых ароматах,
Наглядевшись оранжевых снов,
Про сокровища храбрых пиратов
Апельсиновых островов.

ИЗ ДЕТСТВА

Будит сдобный дух воспоминания,
Там печали только миг всерьёз,
Нет ещё потерь и расставания,
Обухом по голове желания,
И к железу языком в мороз.

На круги за дикою смородиной.
В сотый раз глотая ягод сок,
Из-за тридевять земель
вернувшись вроде бы
Рухнуть в сон с усталостью без ног.

И еще заманчивей, чем сладкое,
Под дождём до ниточки взахлёт
Закопать секретики украдкою
И забыть до безутешных слез.

НОВАЯ ЗИМА

До зимы ещё целая ночь...
В ожидании снежной стихии
Осень грустная пятится прочь
Как низвергнутая Византия.

Снегом девственным выбелит тьму,
Очертив временные пределы
Вновь декабрь у мороза в плену
Снежным чертит по чёрному мелом.

ОСЕННИЕ МЕЧТЫ

В зеркальных отражениях дождя
Плутаю смело тропами Алисы,
Там леса зазеркальные кулисы
Меня укроют, в сказку уводя.

Подхватит ветер с лёгкостью пера
Зонт Мери Поппинс в дымчатую просинь,
И я, о лете загрустив с утра,
Утру платком заплаканную Осень.

НОЧНОЕ РУКОДЕЛИЕ

Портниха-ночь взялась за рукоделие,
Вшивает звёзды штопальной иглой,
Во время полуночного безделья
В пэчворк вплетает сон
С ночной хандрой.

Мелизмами причудливых пейзажей
Солирует ей лунно-дымный свет,
И, забываясь в творческом кураже,
По лоскутку все ткёт и ткёт рассвет.

ЗВЁЗДЫ ПОД ЗАПРЕТОМ

А вчера был на звёзды запрет
Впрочем как и сегодня, и завтра
По прогнозам, космический свет
Пледом зимним завешен до марта.

Частоколом акульих зубов
Ледовитые бастионы
Охраняют покой лунных снов
Для снегов создавая заслоны.

Эти ночи в горошинах крыш
Изучив черепичные карты
Осыпают уснувший Париж
Звездным снегом сегодня и завтра.

ОСЕНЬ – РОМАНТИЧЕСКАЯ ГРУСТЬ

Это осень, журавлиным клином
Улетают листья до поры.
Парусом прощальным бригантины
Отцветают жёлтые шары.

Вновь туманом заскучает утро,

Ветром приглушив вчерашний тост,
В рваной паутине перламутра
Лист последний распушил свой хвост.

Нот дождливых беглая
Константа
Повторяет фуги наизусть,
Осень, ты не знаешь постоянства,
Осень – романтическая грусть.

РОЖДЕНИЕ СТИХОВ

Рождаясь и волнуя душу,
В ночном эфире, наугад
Парады строк, покой нарушив,
В полете квантовом парят.
Не обращая на приметы,
Проходят сквозь парад планет,
Храня в себе, в безмолвье этом
Фосфорицирующий свет.

ПОСЛАННИКИ ЗИМЫ

Блуждают лабиринтами ветра,
Посланники земель далёких фьордов,
Летящая на снежных сноубордах
Явилась миру зимняя пора.

Не миражами и не наваждением...
Уносит листья ржавые как пыль,
Впадая то в каприз, то в умиление
Ветрами сеет снежную ваниль.

На тропах вновь плетёт интриги стужа
Идёт по следу пришвинских былин
Скрипят во льдах заиндевелых лужи
Взяв снова в плен зимы грядущей сплин.

Тарадова Мария

Художник и сказочник.

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ

***

В одном лесу, на поляне перед густой дубравой, скучали волшебные часы.

Их давний хозяин – старый филин Ух Ухыч – решил отправиться в далёкое путешествие. Но только собрался хранитель часов так быстро, что даже не успел никого предупредить о своём отъезде.

Завёл часы большим ключом и отправился в путь, держа в когтистых лапах чемодан. А завода хватило лишь на зиму, и в конце февраля волшебные часики остановились.

Поэтому весна и не торопилась приходиться. Ведь до её имени на циферблате стрелочка еще не добралась. Зачем же тогда спешить?

Лесные жители удивленно спрашивали друг у дружки: когда же вернется Ух Ухыч? и не оставил ли он какой-нибудь записки? Ёжик жил по соседству с хранителем часов, поэтому звери часто

задавали такие вопросы и ему:

– Ты ведь сосед!

– Но Ух Ухыч не очень-то общался с жителями дубравы. Даже с белочками не здоровался. Жил себе затворником.

Ёжику было очень грустно, что такие замечательные часы прозябают без дела. Но он только и мог, что приглядывать за домиком, спящим на могучих ветвях дуба. Самому-то на такую высоту как забраться?

Разве только крылья себе механические сделать и летать над кроной.

Но, даже взясь с чертежами, Ёжик еще не был уверен, что его затея с механическими крылышками удастся. Оставалось лишь просить белок следить за домиком и смахивать снег с циферблата.

А вдруг внутри что повредиться, и часики уже нельзя будет завести?

***

Одним мартовским деньком Ёжик направился в гости к белкам, хотел узнать, как у них дела. Может, нужна какая-то помощь?

Заодно решил проверить, вдруг Ух Ухыч вернулся, чтобы наконец завести отдохнувшие за зиму часики. Взял Ёжик саночки и покатился по серебряным сугробам.

Засидевшаяся в гостях Зимушка как раз запорошила лес снежком, и повсюду выросли сахарно-белые сугробы. Легкий морозец быстро приструнил захозяйничавшую оттепель, украшая спящие деревья сосульками.

В лесу было тихо, как будто все звери испугались прошедшей метели и нагрянувших заморозков, боясь высунуть нос на улицу. Проворные зайчата уже стали линять к весне, но теперь блестящий снежок не спасал их от зоркого взгляда лисицы.

Белочки, жившие на краю дубравы, в этот день устроили состязание по горелкам, будто радуясь какому-то долгожданному событию.

– Эй, вы чего? – спросил Ёжик.

Рыжие красавицы лишь засмеялись, указывая хвостиками на спящий под снежной шапкой дуб, где отдыхали Волшебные часы.

– Пойди часики навести! У них сегодня праздник! Хозяин пожаловал!

А ведь, правда, в крохотном домике кто-то настойчиво возился, махал самодельной метёлкой, громко и возмущенно чихал.

Ёжик с любопытством подошел поближе, встав под самые ветви могучего дуба. Никак не получалось рассмотреть, кто же такой проворный наводит порядок.

Наконец не в силах больше бороться с любопытством, Ёжик решил привлечь внимание новоявленного блюстителя чистоты:

– Эй! Там наверху!

Из домика тут же выглянул пушистый совёнок с метелкой в крылышке. Был он бел, как будто из снега вылепили, и вместо жёсткого оперения на крыльях трепетал пух, а на голове торчали маленькие «ушки».

По крайней мере, Ёжик не знал, как еще можно назвать эти пушистые кисточки. Вид у совёнка был деловой, будто бы он только-только выпорхнул из лесной библиотеки со стопкой берестных книжек.

– Ты кого зовешь? – требовательно спросил он.

– Тебя, наверное. Ведь тут только ты! – пояснил Ёжик, разглядывая необычного гостя.

– А ты меня разве знаешь?

– Вот и хочу познакомиться. Я – Ёжик, живу в Густой дубраве.

– А я Совик. С сегодняшнего дня живу здесь.

– Кто? – удивленно спросил Ёжик.

– Ты что, совят что ли не видел? – теперь удивился и Совик, даже «ушки» на голове стали забавно шевелиться.

– Я только Ух Ухыча видел, а он почтенный филин.

– Не может быть, чтобы в лесу совсем не было сов!

– Они живут в Еловом валежнике, на краю леса. И не очень-то жалуют гостей! – рассказал Ёжик.

– Надо будет потом их навестить! – бодро отозвался совёнок.

– Мне, как новому Хранителю Волшебных часов, нужно как можно скорее со всеми подружиться!

– Хранителю? А как же Ух Ухыч? – удивился Ёжик.

– Ух Ухыча пригласили преподавать в волшебной академии. Поэтому он так спешно собрался и улетел, а я, как лучший ученик, прибыл ему на смену, – рассудительно ответил совёнок.

– Значит, ты учишься на одни пятерки? А как к нам добрался? И откуда?

Совик озадаченно нахохрился, видимо, не ожидал услышать так много вопросов сразу. Но немного подумав, обратился к Ёжику с дружеским предложением.

– Я уже привел в порядок домик и белочки дали мне мешочек с душистыми травами! Приглашаю тебя попить чайку! И все подробно расскажу! – решительно заявил пушистый новосёл, стукнув концом метелки о порожек.

– Но ведь я не умею лазать по деревьям! – расстроено сказал Ёжик, которому очень хотелось побыть гостем совёнка.

– Зачем лазить? – удивился Совик, бросая вниз веревочную лестницу.

Ёжик даже и не подозревал, что существует способ забраться наверх. Видимо, Ух Ухыч не очень любил, чтобы его навещали.

Ёжик поправил варежки и стал взбираться по веревочной лесенке вверх, хватаясь попеременно то правой лапкой, то левой за перекладины.

На порожке гость оглянулся, окидывая взором лесную округу. Разгулявшаяся ночью метель занесла всю полянку искристым снегом. От этого казалось, что лес укрылся еще одним одеялом и продолжает смотреть зимние сны.

***

Ёжик с нетерпением переступил порог, следуя за совёнком.

Уютный домик отдыхал после недавней уборки, солнечные зайчики задорно скакали по стенам. Вьющаяся лестница спешила наверх, к открытому люку. Наверное, именно там живут волшебные часы.

На закоптившейся печке томился пузатый чайник, а круглый стол мог похвастаться румяными сушками. Совик взмахом крыла указал на табуретку и аккуратно разлил чай по кружечкам.

– Как быстро ты все в порядок привёл! – выразил своё восхищение гость.

– Конечно! Всю ночь провозился! – фыркнул совёнок, довольнo распушившись.

– Так ты ночью что ли сюда прибыл?

– Прошлым вечером с попутной вьюгой прилетел! Чуть мимо не проскочил! Но вовремя свалился в сугроб. Только лапки тор-

чали. Спасибо белочкам, что выбраться помогли. Жаль, что зонтик сломался, но валеночки уже просохли.

– А откуда ты про часы-то знал и про Ух Ухыча?! – с нетерпением спросил Ёжик.

– Всем волшебным часам ведется строгий учет! И когда один из хранителей уходит, его должен кто-то заменить. Иначе течение времени в лесу изменится. Будет весна запаздывать, зима в гостях засидится! – Совик назидательно потряс сушкой, будто демонстрируя важность произнесённых слов.

– И ты решил стать нашим хранителем?

– Посоветовался с дедушкой Совентием и решил.

– И дедушка тебя отпустил?! – удивился Ёжик.

– Конечно, я ведь уже взрослый сов! Даже летать чуть-чуть умею! – гордо проговорил Совик.

– А как это «чуть-чуть»?

– Ну, если хорошенько разогнаться! Перелетаю с места на место, поэтому с попутной вьюгой добирался. Но у моих крылышек есть перспективы роста: и размах шире, и «ух» громче!

– Скажи, когда же часы вновь заработают? Весь лес весну ждёт.

– Часики пока отдыхают, – Совик показал гостю несколько треснувших шестерёнок. – Нужно заменить повреждённые детали, а в ящичках только пылюка!

– Может, на озеро к Лягуне сходить? У нее как раз прошлым летом кто-то из туристов потерял ящик, полный разных разностей! – рассказал Ёжик.

– Здорово! А кто такая Лягуня?

– Это наша знаменитая лягушка! Каждый год путешествует вниз по реке, а ещё она составила первую карту леса!

– Как интересно! Но только ведь сейчас зима, все лягушки спят в своем водном доме?

– Лягуня в спячку не впадает, она ведёт активную подводную жизнь и передвигается по дну в согревающем скафандре!

– Тогда нужно скорее идти к ней, чтобы успеть до темноты! – Совик поспешил к вешалке с одеждой.

– Хорошо, что я взял санки. Быстрее доедем по сугробам! – радостно откликнулся Ёжик.

***

Они быстро добрались до замёрзшего озера, по которому вились следы от коньков. Ёжик бросил в прорубь снежок и громко позвал Лягуню.

– Нужно немножко подождать! Вдруг она с самого дна к нам поднимается.

– Ладно!

Из проруби показалась зеленая лягушачья мордочка в прозрачном шлеме. Лягуня и правда была одета в скафандр, с необычным рюкзачком за спиной.

– Привет, Ёжик! Ты по делу или просто так?

– Привет, Лягуня! Знакомься, это наш новый хранитель волшебных часов!

Совик высунулся из заворотов шарфа и попытался забавно поклониться, едва не потеряв шапку с огромным помпоном.

– Здравствуйте! Меня зовут Совик! – сказал совёнок, поправляя непослушный головной убор.

- И мне приятно! Как здорово, что ты решил заботиться о наших часах! Ведь скоро весна, а кругом все еще снег и холод!

– В часиках сломалось несколько маленьких, но очень важных шестерёнок! – Ёжик рассказал, что в озере затонул ящик с деталями...

– Да-да! Приезжали прошлым летом юные натуралисты, так их наш буян Сомунтий напугал! Всё хотел силами померяться с невиданным чудовищем! В общем, пока они на батискафе со дна поднимались, один ящик вниз упал. Я его потом долго из ила выкапывала! По-моему, его забрала бабушка Щука, чтобы швейную машинку отремонтировать.

– А она согласится помочь часикам и дать нам ящичек? – забеспокоился Совик.

– Конечно! Бабушка Щука тоже хочет, чтобы к нам поскорее пришла весна! Думаю, нам стоит поискать её на поверхности, я слышала неподалеку плеск воды.

И друзья решили прогуляться по замерзшему озеру, считая темнеющие на льду проруби.

***

– Помогите! – послышался писк тоненьких голосов.

Друзья удивленно обернулись, чтобы узнать, кто это зовёт на

помощь.

Подозрительная чёрная фигура спешно грузила на снегоход ведро с пленёнными щурятами.

– Помогите! Он хочет заставить нас выполнять желания! – кричали маленькие рыбки.

– Ой, да это же Хорёк! Зачем он щурят из проруби выловил?! А ну, стой! – Лягуня припустила за удаляющимся снегоходом.

– Вот воришка! Нельзя маленьких обижать! Скорее в погоню! – возмущённый совёнок топнул валенком.

– Но у него снегоход на педалях, а у нас всего лишь санки?! – удивился колючий друг.

– Мы разгонимся, и я взлечу! Тогда он от меня никуда не денется! – Совик ловко запрыгнул на саночки.

И тут началась нешуточная погоня, ведь набрать нужную скорость получилось едва ли не с третьей попытки. Несколько раз друзья чуть не увязли в снегу.

Когда совёнок оттолкнулся и взлетел, Ёжик испуганно зажмурился, боясь посмотреть наверх. А если хранитель вдруг не удержится в воздухе?

Но Совик сумел правильно расправить крылышки и через несколько мгновений нагнал коварного ворюгу.

Маленькие щурята пытались выскочить из ведёрка и дать Хорьку подзатыльник.

– Отпусти нас!

– А кто мои желания будет исполнять? Нет уж! – отвечал Хорек, что есть силы крутя тугие педали.

Тем временем Совик неуклюже спикировал на мохнатого воришку, оказавшись аккурат на мордочке незадачливого зверька.

– Слезь сейчас же! Ты мне дорогу загородил! – заверещал Хорек, вцепившись в руль.

– Сначала щурят отдай! – потребовал совёнок.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта погоня, если бы с отважного хранителя не слетели валеночки. Залатанный сапожок упал в сугроб, а его братец попал под полозья снегохода, подстроив ему спотычок.

– Ой! – щурята почувствовали, как тесное ведро падает вниз. – Летим!

Совик ойкнул и, успев назидательно клюнуть Хорька в затылок, свалился в мягкий сугроб.

Едва опомнившись, заправский летун увидел, что заветное ведро с пищащими рыбками снижается после невероятного кувырка. И хлоп! Совик умудрился поймать перепуганных щурят.

– Спасибо тебе! – наперебой закричали чешуйчатые малыши.

Взволнованная Лягуня уже бежала к приключенцам, а следом семенил Ёжик, таща за собой санки.

Лягушка тут же поспешила к снегоходу, который увяз в большом сугробе.

Расстроенный Хорёк даже не пытался убежать, а лишь сидел на снегу и грустно поглядывал на свой пострадавший транспорт.

– Как тебе не стыдно?! – возмутилась Лягуня. – Обижать маленьких нехорошо!

– Я просто хотел желание загадать! Мне бабушка Щука отказала в этой просьбе! – шмыгнул носом Хорёк.

– А что ты пожелал? – удивленно спросил Ёжик, которому не верилось, что добрейшая бабушка Щука может отказать кому-то в исполнении желания.

– Я хотел научиться читать, – Хорёк даже покраснел, закрывая мордочку лапкой.

– Фи! – фыркнул Совик. – А чего сам-то научиться не хочешь?

– Страшно! – признался неудавшийся похититель.

– А щурят, значит, так пугать не страшно?! Почему они из-за твоей трусости страдать должны? – возмутилась Лягуня. – Неправильно это – заставлять других исполнять свои желания! Мог бы попросить о помощи друзей!

– Все будут надо мной смеяться. Скажут, что стыдно не уметь читать.

– Читать учатся все. Никто еще из яйца умным и мудрым не вылуплялся! – авторитетно заявил Совик.

– А вот заставлять других выполнять твои желания действительно стыдно! Особенно если можешь сам что-то сделать для этого! – заявил Ёжик.

– Давай я тебе помогу! Будем каждый день заниматься! И скоро ты научишься читать и писать! – ободряюще предложила Лягуня.

Хорёк обрадовался такому предложению и даже согласился пойти попросить прощения у бабушки Щуки за свой поступок.

– Никакого ему прощения! Лентяй! – заявили щурята, выпрыгивая из ведра в прорубь.

***

Старая Щука была счастлива вновь увидеть своих внучат. Но в ответ на слова извинения, грозно клацнула зубами. И Хорёк поспешно убежал к своему снегоходу, поджимая дрожащий от испуга хвост.

– Я с ними еще раз воспитательную беседу проведу! – пообещала Лягуня.

– Вот еще! – фыркнула Щука. – А тебе, Хранитель часов, спасибо большое!

Совик скромно поклонился и опять чуть не потерял шапку.

– Бабушка, а можно вас кое о чём попросить?

Услышав про задержавшуюся весну, бабушка Щука мигом нырнула на дно за ящичком. Друзья поспешили отвезти его домой на саночках, чтобы скорее починить волшебные часы.

– Приходите в гости и Весну зовите! – сказала напоследок Лягуня.

– Обязательно! – радостно ответил совёнок.

***

Дома Совик сразу сел за чертежи, даже едва успев снять героические валенки.

– Теперь закроюсь в мастерской и буду приводить в порядок часики! – радостно сообщил пушистый хранитель, раскладывая на верстаке нужные шестерёнки.

– Можно мне как-то помочь тебе? – спросил Ёжик. – Я давно мечтал посмотреть на загадочный механизм часиков.

– Конечно! – отозвался Совик. – Ты и так мне помог!

– Чем же? – удивился Ёжик.

– Помог найти новых друзей! Ведь настоящий Хранитель часов нуждается не только в деталях, но и в хороших друзьях!

А через несколько дней в лесу зазвенела мелодичная капель. Волшебные часы спешно затикали, будто стараясь нагнать упущенное время и позвать долгожданную весну.

Совик стоял на порожке, прислушиваясь к тягучей тишине. Зеленые шапки леса упоительно качались на теплом ветерке, роняя стремительно тающие сосульки.

– Ты что там делаешь? – спросил подошедший Ёжик.

– Весну встречаю! – ответил Хранитель часов, глядя, как солнце выглядывает из-за серых тучек.

МОХОВАЯ ВПАДИНА

1.

Весна уже пробралась к самым дальним тайничкам леса, настойчиво сгоняя снежный покров с земли. Аномалия в этом году вела себя на удивление спокойно, послушно пребывая в прежних границах и отвлекая сталкеров лишь вспышечными очагами активности.

Возможно, именно поэтому дежурившее «подполье» буквально проспало всю зиму, выбираясь на патрулирование территории крайне редко. Да и Фадей с Агной в этом году долго находились в состоянии симбиоза, а меж тем их привычные мирские дела скучали в сторонке.

Однако «лещи» из деканата все-таки прилетели и как раз накануне майских праздников. Письменные выговоры буквально были сложены в форме этих речных рыбок и забавно раскрывали рот, будто ловя воздух.

Первый встрепенулся староста, провозглашая привычный для всех стипендиатов постулат. «Главное из рейтинга не вылететь! Хлопцы, по участкам!» – бодро гаркнул Лёшик, отряхивая с ушей засохшие иголки.

В старом, заношенном тулупе этот белобрысый великан смотрелся весьма забавно, прямо-таки классический призрак сталкера, путешествующего по лесным угольям.

Ведь если в лесу живешь, то сам покрываешься моховой растительностью и мухоморы гордо носишь на лбу. Весьма расхожее мнение среди обывателей, для которых сталкер представляется эдаким лесным духом.

Велимир пламенных порывов старосты не разделял, хотя развернул свою бумажную «рыбку» и ознакомился с недовольством деканата.

– Какое по участкам, ты даже карту еще не посмотрел! Может, у нас на определенном участке уже капец, и туда надо! И вообще, кто без плана работает! Давай доставай черновик, дели местность на районы! – возмущенно отозвался главный бунтарь курса, теребя золотые колечки бороды.

Остальные дежурные по аномалии расселись вокруг покосившегося порога, явно ожидая, что староста таки угостит их чаем в честь первого собрания курса.

Правда, Лёшик, по природе деятельный и болтливый, не был склонен к излишнему вниманию, полагая, что сталкер сыт одной верой в бесконечность Аномалии.

Всё еще сонные парни лениво шарили в сумках, надеясь найти хотя бы сухари. Вероятно, и на зимовках у этих студентов припасов осталось крайне мало.

Лёшик неохотно достал из кармана интерактивную карту, показательно разворачивая мерцающий экран к взору смутьяна.

– И что ты мне это показываешь? Ты, вообще, староста или как? Тоже мне одолжение сделал! Твоя первая обязанность – проверить общее состояние, а уже потом посланцев клепать!

– А ты мне как старосте не указывай! – взъелся Лёшик, демонстративно отворачиваясь от Велимира.

Смирницкий хотел было вспомнить всё величие родного языка, но его намерения прервал верный друг и товарищ.

– Лёшик, давай без горячки. Свяжемся с Рейтаром, заслушаем прогноз наблюдательной станции. Мы же такими темпами сейчас разбежимся как тараканы. А точек много, между прочим. Я уж не говорю, что на визит в «глубокую» зону нужно хотя бы устное разрешение, – Давид настраивал шипящую радиостанцию.

Дальнейшие разборки студентов прервал голос, доносящийся из хрипящего динамика.

– Ну что, филоны и дармоеды, как живется на весенних харчах? – поинтересовался декан факультета.

– Уныло, – коротко ответил Лёшик.

– Неужели? – иронично отозвался Рейтар.

– Ну так прожрали! – громогласно ответил Велимир, грубо толкая старосту в бок.

Лёшик ответил сокурснику звонким подзатыльником, и закадычные «друзья» повалились на землю. Сталкерская братия миготом отряхнула остатки сна, наблюдая за потасовкой.

– Я надеюсь, эти болваны наконец-то друг друга поубивали? – прозвучал голос декана.

– Нет, все в порядке, – с улыбкой ответил Давид.

– Жаль. Короче, пляшите с бубном, лентяи! Высылаю карту активности! Сверьте показания станции с интерактивными. Потом разбейтесь на пары и топайте по точкам.

– А как же «глубина»? – пропыхтел Велимир.

– Таких ослов на «глубину» не посылают. В крайнем случае

сдёрнем кого-нибудь из «погруженников», – отозвался Рейтар.

– А как же парность?

– Да что вы как дети малые?! За зиму уже элементарное протоколирование забыли!

– Опять бумажки же, – проворчал Лёшик.

В радиии послышалось шипение и череда отменных ругательств.

– Прибавь звук! Послушаем хоть новые конструкции родного языка! – хохотали однокурсники, обращаясь к Давиду.

Лёшик злобно зыркнул на развеселившуюся сталкерскую братию, но дослушать трансляцию деканского гнева не позволил. Переносной старенький принтер закрипел, выплёвывая перфорированную бумагу на едва просохшую траву.

Лёшик в темпе вальса стал раскидывать участки, нехотя сверяясь с интерактивной картой. План обхода записывал тут же, чиркая в контрольном журнале карандашом.

Сзади послышался раскатистый хохот, будто кто-то насмешил грозовое небо, и оно треснуло по швам.

– Ну что, товарищи?! Кому на хвост упасть?! – спросил внезапно появившийся страж.

Честно признаться, сталкеры до сих пор не привыкли к неожиданным появлениям Фадея. И всякий раз, наблюдая, как столп дыма превращается в человека, инстинктивно тянулись к импульсному оружию.

– Тьфу, ты! Бес! – красноречиво отозвался Лёшик, продолжая записывать план обхода.

Фадей лишь усмехнулся, пожимая руку Сашке и Юрику, которые как раз пошли в сторожку за снаряжением.

– Мне Рейтар спел классическое произведение деканатского репертуара! Называется: «Ай, люли-люли! Ай люли-люли! Ну-ка на обход вали!»

– У нас группы уже все разбиты по парам! – отозвался староста, не стыдясь приукрасить реальность.

– А что ты с Агнешкой не пойдешь? – спросил Юрка, волоча по земле серый ранец.

– Как бы так литературно выразиться. У нас отходняк после симбиоза не очень-то задался, – страж леса засучил рукава, показывая царапины на руках.

– Ну, уже не синяк! А ты что?

– Да так, по мелочи! Вихрем вокруг дома прошёлся, за что получил подзатыльник и пожелание долго здравствовать! На сем наши хаотичные порывы закончились! Ну так кто с побитым идет?! – вновь спросил страж.

– Я! – буркнул Велимир, закидывая на плечо изношенный ранец.

– Староста отдаст в мое распоряжение столь ценный кадр?! – иронично поинтересовался Фад.

– Забирай! Только в журнале мне распишитесь, куда свои стопы направите! – Лёшик ехидно улыбнулся.

Ох, уж эта мужская дружба.

Фад и Вел решили обойти болотистые места Аномалии, одевшись для сего случая в крайне модные рыболовные сапоги. Скрипя упругой резиной, парни не спеша прошли по сосновому бору, направляясь к ближайшему селу, за которым, будто россыпью, раскинулись охраняемые памятники природы.

Помимо биологической ценности эти места были плотно заселены представителями славянского бестиария. Шишиги порой встречались даже неподалеку от людских домов. А уж в местах, где почва наполнялась водой от всякого следа, эти нечёсы так и норовили заманить путника в топь.

Совершенно в обход инструкции Смирницкий изрядно прокостерил старосту за безалаберность, все еще остывая после недавней ссоры. Дух леса терпеливо слушал столь эмоциональный монолог, изредка делая выговор товарищу за излишнюю злость. Велимир же, кажется, позеленел от двух кислочих конфет, которые пришлось съесть по ходу пьесы.

Интерактивная карта то и дело скатывалась к звуковым изъяснениям, подтверждая необходимость совершаемого визита. Но пока они шли до Болотной калитки, такое сюжетное название носило село, руки порядком устали от периодического обращения к зометру и прочим вспомогательным приборам.

– Ну что, на Узелковое заглянем после села? – спросил Фадей, наконец, отряхивая с ушей жалобы друга.

– Вообще, признаться, не люблю по болотам ходить, но у меня гайка что-то накалилась. Аж грудь жжёт через водолазку. Да и беспокойный фон до сих пор на карте трещит. Как будто минивспышка собирается. Хотя, по данным, может быть, просто нечисть слишком развеселилась, – Велимир снова посмотрел на

карту, будто надеясь, что показатели могут резко измениться.

– Веселье нечисти не столь рискованно. А вот если кто-то погиб на болотах, то может пойти фоновая реакция. Опять получим фантомные явления, хрономиражи и кучу мистификаторов в селе, – проворчал дух леса, пытаясь разглядеть за сосновой стеной границы села.

– Значит, к людям зайдём. Поспрашиваем, не было ли за последнее время каких-нибудь происшествий?

– К болотнице надо наведаться.

– Соскучился по веселой и милой девушке? Терпеть не могу, когда меня за ноги хватают ее патлатые служанки.

– Просто вы ходили к ней одни. А нужно было взять кого-то из бестиарщиков. Не переживай, со мной эта прекрасная дама не будет позволять себе лишней неучтивости.

Старое село выглядело крошечным и почти что открыточным на фоне голубого неба с пушистыми облаками.

Ребята прошли по главной улице, бегло представляясь егерями и собирая последние новости. Подробных изысканий устраивать не стали, ибо морок в бутылочке стремительно иссякал. Поэтому игра в «привторялки» норовила вот-вот закончиться на самом интересном месте, аккурат в середине рассказа отдыхающих бабушек.

– Ну из всего вышесказанного я понял, что неплохо бы к Ефимычу заскочить. Раз уж он самогон вздумал гнать! – ехидно заметил Велимир, скидывая с себя морок.

– Да ладно тебе. Не суди по одной сплетне в целом о селе. А к Ефимычу заглянем, если ему черти болотные станут помогать!

– Фадей запустил вязаной шапкой в одного из рогатых озорников, плясавших на покосившемся заборе.

– Ох, распоясались по весне! Надо бы постращать, а то не ровен час кто-то из местных жителей увидит! – Велимир спешно пробормотал нужный приговор, и целая стая мелких чертенят опрометью ринулась к виднеющемуся лесу.

Ребята спустились к тропке, ищущей болотного внимания. Потом спешно заторопились нырнуть под сосновые своды, памятуя о том, что солнышко не будет вечно плясать на небе. По пути подобрали огромные палки, так легче будет нащупать старую гать.

Узелковое болото отдыхало в кольце леса, сосны как будто

специально обнимали его, пряча от чужих глаз. Издалека казалось, что за рыжими стволами виднеется возобновившаяся вырубка берёзок. Хрупкие деревца окружили чашу болотную точно девушки, боящиеся пройти к суше.

Среди парней-сталкеров даже ходили шуточные байки, будто летним вечером в шелесте их молодой листвы можно услышать девичьи голоса. Фадей и Агна лишь посмеивались над таким фольклором, списывая звуковые миражи на общий механизм Аномалии.

«Вы слышите то, что хотите услышать. Поди, один балбес погулял в том месте с мыслями о своей бывшей! Вот пространство и откликнулось на эмоциональный фон. А потом отклик перешел в систему и выработался привязанный звуковой мираж. Надо процесс чистки лучше проходить перед дежурством!» – назидательно вещала Агнешка, слушая подобные «страшилки» сталкеров.

Само же болото пряталось под мягкой сплвиной из переплетения мха, корневищ осоки, отмерших стеблей и корней. То тут, то там на этой царской перине росли карликовые сосенки, хотя в действительности эти крохи были старше самих студентов.

Здесь, на болоте, деревья тянулись вверх медленно, оставаясь в росте молодого саженца. Но даже их куцей кроны хватало, чтобы можно было спрятаться маслёнку или ярким бусинкам клюквы.

Хозяйка столь необычного места зачастую встречала гостей на плавучем бревне, пряча гусиные лапки в покрытой ряской воде. Вот и сейчас, наблюдая, как парни нащупывают мощными палками гать, бледная красавица горделиво расчёсывала длинные волосы.

– Ой, расселась, как всегда! Вся из себя! – ворчливо отозвался сталкер, видимо, припомнив разом все давние обиды.

– Ну, подумаешь, в болоте пару раз чуть не утопила! Это же проявление симпатии! А ты дуешься! – хмыкнул Фадей, посмеиваясь над другом.

– Ога, может, им службу знакомств устроить для нежити. А то у меня в овраге как раз один водяной у озера всё тоскует, воду мутит со скуки! – едко предложил Вел, сдавая ходу и вперившись в почерневшие от влаги доски.

– Да ты иди, не бойся! Не будет она дурить, может, ее даже

твое предложение про водяного повеселит! – отозвался страж леса, толкая друга в спину.

– Здравствуйте, хозяйюшка! – бодро отозвался Велимир, вместо приветствия помахав огромной палкой.

– Мог бы и руку хозяйке подать для разнообразия, – шутливо отозвалась красавица, вода гребнем по заляпанным ряской прядям.

– Ещё чего! У тебя, где здороваться, там и обниматься! А где обниматься, там и купаться! – заметил сталкер, подходя поближе к воде.

Болотница лишь хмыкнула, поправляя цветок лилии, торчащий над ухом. Из украшений в причёске также имелись различные побрякушки и дешёвая бижутерия. Таким незатейливым способом сию капризную особу задабривали девчонки.

Сталкерицы и бестиарщицы часто носили хозяйке болот маленькие подарочки, прося не лютовать и селян не обижать. И надо сказать, что девушек болотница привечала охотнее, даже любила с ними пошутиться да сплетни поперебирать вдоволь.

Сама же, бывало, говорила со смехом: «Девичьи души мне не нужны. Топить не буду, разве только по глупости нырнут! А вот мужичка у нас тут не хватает! Утащила бы охотненько!»

– Привет, красавица! – весело крикнул страж леса, показывая свою дымную суть одним лишь кивком.

Болотница брезгливо поморщилась, но все же снизошла до приветствия, брезгливо поджав губы.

– Доброго дня и тебе, дух леса!

– Вот и я вижу, что ты соскучилась! А теперь давай-ка признавайся, что зреет во владениях ваших дюже болотных! Поди опять с крестьянских душенек денежки трясешь! Хрономиражи, говорят, у тебя тут, как киносеансы, по расписанию.

– Это тебе дед Ефим в уши заливает? Так он нарочно! Наговаривает на честную девушку! Нечего для своих бражных дел мою вечно нарядную ягодку собирать! Привык, что у нас на кочках клюква и в зиму под шапкой хранится. Я его уж гонять замучалась!

– А тебе-то и ягодкой со стариком жалко поделиться! – упрекнул сталкер, отпихивая ногой приставучую шишигу. – Давай признавайся, что у вас тут за волнение аномалии происходит! Больше ведь не приду в гости, когда ещё такого красавца уви-

дишь!

– Фи! Что за подозрения! У меня на болоте все тихо, мирно. Если уж и будет шухер, то только на Моховой впадине... – будто нехотя обронила хозяйка, хитренько поглядывая на гостей.

Фадей втянул ноздрями воздух, будто пытаюсь понять: является ли ложью столь небрежно оброненная загадка. В общем-то, нечисть никогда не говорила напрямую обо всех тайнах Аномалии. Тоже боялась спровоцировать определённую цепь событий.

– И кто же послужит причиной этого шухера? – поинтересовался Велимир.

– Та кого здесь уже давно нет, хотя любила она по болотам гулять, – смешливо отозвалась болотница, выуживая что-то блестящее из полой коряги. – А вот что за прелестную вещь я нашла недавно в своих кладовых!

На ладони лежала изрядно позеленевшая «луковица» часов, лишь внимательное солнце могло выявить ее золотую основу.

– И что такого в дорогих цацках? – едко заметил Велимир, разглядывая необычную находку.

В ответ хозяйка болота лишь хмыкнула, щёлкнув тонким пальчиком по ободку. Луковица неохотно заскрипела и с трудом раскрылась. Внутри вместо привычных часов тикал циферблат с лунными фазами, и функционировали странные песочные часы. Правда, вместо двух колб они делились на три сообщающихся сосуда с разным видом песка.

Фадей медленно забрал из рук хозяйки столь необычную находку и стал тихонько подкручивать время на замысловатом механизме. Вместо серебряных лун вдруг заблестели лучистые солнышки. А из блестящей сердцевины выскочил странный прибор, чем-то напоминающий навигационный секстант.

– Что еще за астролябия? – фыркнул Вел.

– Не знаю. Надо нашим показать. Достань покуда нейтрализующую ткань, – хранитель леса обернулся к улыбающейся болотнице. – А с чего это вдруг нашлась столь необычная пропажа? Раньше-то отдать не могла? Вон как вещь-то зацвела. Не первый год лежит.

– Хозяин приходил искать. Да еще явился в облике тени. Ну мы-то его быстро пошугали, – девушка игриво накрутила прядку на ладонь.

– Что ещё за хозяин? Почему я не почувствовал чужое при-

сутствие? – Фадей мигом выпрямился, переходя из видимого обличия в дымный силуэт.

– Просто он сам родом из этих мест. Поэтому, возможно, ты его не чуешь, – предположила болотница.

– Кто? – спросил страж леса, почти что дыша дымом.

– Не могу сказать. Ну, правда, не моя тайна! Спроси у старших! – внезапно перешла на капризный фальцет девушка. – В любом случае его визит сулит мало хорошего!

Велимир подозрительно прищурился, смерив собеседницу суровым взглядом. Вместо учтивости последовала столь привычная мужская грубость с хватанием за пушистые лапы.

– Ай! Вот все вы мужики такие! – закричала болотница, мгновенно переходя на злобно шипение.

Девичье лицо вдруг схлынуло к черной старости, обезображенным контурам загрубевшей кожи. Так обычно проявляет себя нечисть по время агрессии, стараясь напугать противника. Из темной воды мигом показались нечёсанные макушки прислуги. Тревожа воду злобным бульканьем, шишиги подплывали к берегу, а по запутанным вихрам ловко прыгали лягушки.

– Отпусти её! Если это дело давно минувших дней, то логичнее будет обратиться к кому-нибудь из деканата! – остывая, проговорил Фадей, вновь обретая видимую форму.

В руке блеснула замысловатая фенечка, стремительно падая в раскрытые женские ладони, как сплетённое из шёлковых лент извинение. Верные прислужницы обступили хозяйку, порываясь отнять нежданную обновку. Бледное лицо все еще отражало черную злость, но пальцы, перебирающие скрупулёзное плетение, казалось, отдыхали в этом размеренном действии.

– Спасибо за находку. Мы побеседуем со старой гвардией, – Фадей спрятал чудные «часы» в карман и поклонился хозяйке болот.

Еле хватило сил, чтобы не захлебнуться в многочисленных подозрениях. Так хотелось узнать, откуда взялся этот навигационный прибор и что за тень ходит по владениям лесного духа. Всю дорогу до моховой чаши Фадей пребывал в раздумьях, скрупулёзно припоминая недавние сны и видения.

Ведь бродил он по этим землям будучи частью Стража, так почему же не получается найти в канве времени чужое присутствие.

Даже его собственное восприятие, изредка отделявшееся от общей сущности, весьма туманно припоминало хоть что-нибудь стоящее в хронологии ранних дней весны. В мысли Агны заглянуть не получалось, к сожалению, ее впечатления после последнего симбиоза остались в памяти лишь расплывчатыми отпечатками.

«Надо будет у нее спросить», – бубнил себе под нос Фадей.

Велимир же сумел уловить суть зреющего события, нещадно тарабаня пальцами по экрану карты.

– Знаешь, я тут провёл характеристики по ряду формул и, судя по результатам, за сосновым бором нас ожидает хрономираж развёрнутого действия.

Фадей на миг вынырнул из своих раздумий, но хронологические погрешности в Аномалии были весьма распространены в той или иной степени, поэтому такая новость никак не заострила его внимание.

– И что? Оценим обстановку, поставим нивелирующие чары. Хотя участники хрономиража зачастую не выходят за границу своего времени. А даже если вдруг проявят излишнее любопытство, просто делается заговор на отведение глаз. Это вроде бы программа первого курса? – в голосе парня слышались нотки презрения, будто поднятая тема была чем-то до щекотки обыденным.

Велимир давно привык к столь горделивому поведению друга и даже не опускался до привычных замечаний. Ведь нельзя говорить об Аномалии пренебрежительным тоном, а уж тем более рассматривать даже хрестоматийную ситуацию, как нечто легкое и шаблонное. Мало ли какое преобразование может пойти...

Но, тем не менее, заранее был приготовлен нужный заговор, и исходили парни из намеченного сценария.

Хотя Велимир сомнительно морщил нос, будто чуя, что все предположения пойдут прахом.

2.

Даже из-за сосновой стены можно было разобрать чёрные стрехи порывистого бега. Девичий крик будоражил игольчатые шапки. Карта завибрировала, давая понять, что по инструкции не положено подходить к границе временной брешы.

Парни по привычке хотели остаться сторонним наблюдате-

лями, так как зачастую вмешиваться в хронологическое явление крайне опасно. И выйдя на открытое пространство, они встали напротив границы совершающегося действия.

Молодые люди в сталкерской маскировке шурились на солнце и с громким свистом и улюлюканьем зазывали к себе хрупкую девушку, которая убегала в глубь болотистой местности.

Со стороны сценка казалась забавной, как будто студенты немного развеселились на свободе, играя в догонялки.

Велимир даже вспомнил, как они по первой ходили всюду гуртом, тревожа Аномалию несусветным весельем и студенческими частушками. Но, кажется, стоящий рядом Фадей не разделял столь радужного восприятия ситуации.

– Ты чего такой хмурый? Дети дурачатся!

– Дурачатся? Судя по настроению, дурь их, вполне возможно, обернётся крупными неприятностями! – резко возразил друг, вперившись взглядом в стройный квартет молодых сталкеров, ищущих путь в сердце топи.

– Утонут что ли? – с опаской спросил Вел, крепче сжав свой берёзовый посох.

– Ты что не слышишь, что они ей кричат?! – хранитель леса пораженно уставился на собеседника, словно не веря в столь поразительную невнимательность.

Велимир послушно наострил уши, стараясь разобрать в перекатывающемся гомоне обрывки слов и фраз.

– Эй, киса, иди сюда! С нами весело!

– Да, ладно! Пускай бежит. Там ее завалить будет проще.

– Типа побоится ножки замочить?

Утробный смех прозвучал раздражающе, настолько раздражающе, что отвращение, казалось, стекало по плечам, липло к ладоням. Группа парней вразвалочку пошла по гати за беглянкой, насвистывая какой-то веселый мотивчик.

Чуть подождав, пока разболтанный квартет пройдет вперед, Фадей решительно направился к границе хрономиража.

– Ты куда? – испуганно окликнул его друг.

– А ты предлагаешь её там одну оставить? – возмущённо отозвался Фад. – Передавай по рации протокольное сообщение. Пусть будут готовы, если что. И сам дуй следом за мной.

Дух леса решительно двинулся к моховой впадине, не упуская из виду смеющихся парней. Велимир едва успел рвануть за

ним, выуживая из волны сиюминутного испуга детали последней драки, в которой ему приходилось участвовать.

Ему была непонятна столь яркая перемена планов, ведь еще недавно Фадей предполагал просто изолировать временную брешь. А теперь... Но спокойно смотреть на зреющее действие у Велимира все равно бы не получилось.

Проснувшаяся рация тут же затихла, во временной петле любая вещь из будущего теряла свою суть, становясь лишь игрушкой. Мышцы протяжно заныли, а костяшки пальцев стали призывно чесаться, будто предчувствуя хорошую драку.

Скача по болоту, ребята чували, как Аномалия начинает отражать чужую оторопь, воспламеняющуюся от пульсирующего в висках страха. Зачин драки вышел динамичным, под стать сериальным сценам.

Фадей сходу ударил двоих парней по согнутым спинам, Велимир уцепил сидящую на коленях парочку за капюшоны курток. Девушка едва дышала после жалящего поцелуя, все ещё впившись пальцами в мокрую землю.

– Ты чё за левый? Это наша земля! – горланили сталкеры, приготовив кулаки к драке.

– Какая земля?! Совсем мозги поехали! Это тебе не двор в хрущёвке! – Велимир пересчитал палками напружиненные колени соперников.

Драка на болоте – это как игра в жмурки посреди активного участка Аномалии. Фатально и щекочуще... удивительно быстро входишь в атакующий раж, стремясь осилить врага.

За пять минут импровизированного боя путешественники во времени успели изрядно подмочить ноги и попасть в весьма невыгодное положение.

Велимир едва не нырнул в сплаvinу, заработав нехилый синяк.

Фадей же хоть и сумел вывести из строя одного из соперников, но глупо попался в ловушку из кольца рук. Чудилось, что от давления на горло изо рта гротескно вылезет язык в виде красной ленты. Чернота, застилавшая взор, казалась знакомой, словно тело уже переживало подобные цейтноты.

– Ну что, мелочь чужеродная? Кислорода хватает? – громкий смех раздражал, не давая выключиться сознанию.

Краем глаза Фадей заметил резкое движение, кажется, това-

рища не хило ударили в живот и Велимир зарычал почти по-звериному. Волна смеха стремительно нарастала, звучали какие-то пошлые шуточки, и сосны над головами смиренно ждали развязки.

Но временная победа стремительно угасла от прокатившегося по мху крика. Обычно так жалуется раненая птица, падая в камышовую крепость.

Аномалия мгновенно среагировала на созревшую внутри эмоцию. Гнев отраженный вовне настиг лишь четверых участников драки, пробегая по телу растительным орнаментом.

Велимир не сразу понял, что произошло, когда его соперники упали как подкошенные в объятия болота. В голове звенело, будто тысяча колокольчиков выпали из спрятанной коробки. А вкус крови под языком всё еще будоражил тело, призывая к резким движениям.

Фадей поднялся с мокрой земли, разглядывая поверженных сталкеров. Вьющийся цветок оплетал парней, не давая шелохнуться.

Ползучие «усы» растения скорее удивили, чем напугали. Лишь по раскатившемуся вдоль впадины гневу понял, что волна исходит от девушки.

Кажется, первогодка обладала даром эмоционального воздействия. Медленные соображения Фадея прервала череда воплей и отборный мат с привкусом дюжего испуга.

Теперь зеленые путы вместо обездвиживания вдруг стали увядать, а сквозь маскировочную форму пробивались дрожащие ростки.

«Боже, они же растут прямо из плоти», – страж леса в ужасе закрыл рот ладонью, наблюдая, как с треском разрывается ткань.

Симбиоз человека и растения?

Эмоциональный фон накалился до такого предела, что ощущение грязи и липкости передалось путешественникам. Велимир тоже быстро догадался, отчего вдруг болото зацвело такими забавными соцветиями.

И как некстати вспомнился процесс формирования ростка и проклёвывание через землю. К горлу подступила тошнота, чересчур бурная фантазия порой играет злую шутку.

– Иди-ка успокой её... – еле вымолвил страж леса, нагибаясь к замолкшим врагам.

Парень хотел было возразить, что в данном состоянии он небо от земли не может отличить. А уж разговаривать с перепуганной насмерть красавицей, которая даже в пограничном состоянии способна наслать смертельное проклятье...

В общем, вид покрывшихся растительностью недругов явно не вдохновлял на излишнюю строптивость. Но очевидно, юная студентка даже в шоковом состоянии сумела отличить врагов от друзей.

Девушку била крупная дрожь, а широко распахнутые глаза будто смотрели куда-то вовнутрь себя, забыв об окружающем мире. На фоне пронзительно весеннего неба ее хрупкая фигурка казалась случайно оброненным пером с крыла ворона. Чёрная форма – знак новичка...а лицо бледное и тонкое. И зеленые глаза, большие и красивые, как у нимфы.

– Эй, ты как? – Велимир коснулся плеча девушки пальцами, стараясь, чтобы его внимание не истолковали как угрозу.

Незнакомка нервно дернулась, обжигая внезапно злым взглядом. Даже гайка на груди вдруг стала испуганно подпрыгивать, отбивая ритм сердца.

– Тихо-тихо! Вот видишь деталь?! – парень указал на взволнованный талисман, отчаянно пытающийся сорваться с цепочки. – Это же сталкерский отличительный знак. Смотри, резьба золотом покрылась! Это значит, что у меня добрые намерения! Твоя-то гайка где?

– Кто вы такие? – просипела красавица, нащупывая свой талисман под рубашкой.

– Друзья. Это если кратко. Тебе никто не говорил, что первокурсникам запрещено ходить по Аномалии без старших? Где твой...м-м-м провожатый? – аккуратно поинтересовался Велимир.

Гайка ее покрылась маленькими трещинами, очевидно, не выдержав столь яркого энергетического всплеска. Крайне редко встречаются ведьмы с большой эмоциональной амплитудой. Когда чувства могут проецироваться в реальность, мигом обретая форму.

Но, скорее всего, этот милый ребенок свою силу искусно скрывает, обычно таких талантливых ведьм не принимают в сталкерские ряды. Аномалия очень чувствительна к внутренней требухе человека.

Уж обычный-то студент только после курса тренировок может приобщиться к сталкерскому делу и побродить по лесу, не оставив в земле своих косточек. А зрелый эмоциональник хорошая провокация для считываемых зон. Тут не просто миражи могут расцвести, а настоящие ловушки созреют.

– Провожатый? Там, – отрешённо кивнула девушка, обращая взор к лежащим на земле телам.

Велимир посетовал на свою недогадливость, поправляя на девушке съехавшую куртку. Тело ее по-прежнему негативно реагировало на чужое тепло, но волна злобы, зревшая в торопливо бьющемся сердце, пока не спешила вновь захлестнуть внешний мир.

Преподаватели рассказывали, что раньше старшекурсники предпочитали одно весьма «милое» развлечение.

Делили между собой юных новобранцев и уходили гулять по глухим местам Аномалии. Вот откуда появилась россыпь свежих ловушек на карте...

По сути, этой красавице так же «повезло» с наставником, жадным до девичьего внимания.

Из заднего кармана выпала интерактивная карта в кожаной обложке. Вел потянулся к раритетной вещице, желая отдать ее хозяйке. Но из любопытства решил пролистать старую модель, которая, кажется, была разработана на уровне простого артефакта.

На корешке мигнула приветственная надпись, выдавая имя перепуганной девушки.

«Здравствуйте, Елена Сама! Задайте область на карте!» – отозвалась разлинованная обложка.

От неожиданности сталкер едва не выронил путеводную тетрадь, заслышав столь знакомое имя.

- Елена Николаевна?! – недоверчиво спросил молодой человек.

Юная Елена пожалала плечами, явно не понимая, что такого загадочного в столь предсказуемом имени. Было страшно смотреть в сторону лежащих на земле ребят. Лена лишь видела, как ползучие ростки уже коснулись моховой сплавнины.

В своих мыслях она призывала это проклятье обвить всю чашу болота, чтобы компания старшекурсников навсегда осталась в этом укромном месте.

А ведь всё начиналось с невинной прогулки, когда милую студентку пригласили пройтись к водопаду с крайне романтическим названием.

«Хочешь поглядеть на водопад Девичьи слёзы?» – раскати-стый баритон подобно призраку прокатился по моховому ложу.

Девушка судорожно обхватила голову, словно стараясь изгнать прочь привязчивое воспоминание. Запах мужчины лип к коже, в кармане, как назло, сияла брешь. Видимо, флакончик духов сгинул в топи, когда...

Снова пошла фоновая реакция.

– Ой, родная! – Велимир вытащил из сумки упаковку «кислючих» конфет.

Елена нервно ухватила за пачку, разом теряя весь набор спасительных сладостей.

– Стоп! Нельзя лопать такие вещи горстью, как таблетки! – парень покачал головой, аккуратно хватая девушку за хрупкое запястье.

Воспитательные меры лишь превращали его в еще одного врага, который издевательски отнимает запакованную в фантик возможность спасения.

Лена в ответ только приглушённо зашипела, сощурив зеленые глаза. Физическое внимание вызывало жгучую волну гнева так, что даже взор застило жжёной краснотой.

– Будешь бездумно есть нейтрализаторы – заклинит тебя и переварит Аномалия! – едко заметил Велимир.

Зеленый ус коснулся ноги девушки, расцветая голубыми цветами. Наплыв гнева вновь перерос в панический испуг, парализуя волю. Лена так и вперилась в конвульсивный танец сталкерского квартета, лежащего на подушке из бурого мха.

Велимир ловко подсмотрел девичьи мысли, медленно распаковывая шуршащий фантик «рабочего» лакомства.

– На их месте могла лежать ты. Эти же балбесы удостоились великой чести – пасть от женской руки, – теплые пальцы вложили в ладонь шероховатый шарик.

– Нет, они ещё живы... Они... – девушка едва не подавилась угощением, под вкусовым напором лакомства теряя последние слова сожаления.

– Нет смысла падать в гнев. Ты накличешь беду на нас всех. Но и нет смысла их жалеть. Иначе будешь потом мотаться сюда,

как на могилу к родственникам. Помни, сталкер проявляет свое уважение к павшим через безразличие. Иначе пойдет реакция...

– А что насчет убиенных? – Лена сама не верила, что может даже произнести это слово.

Велимир не успел ответить, наблюдая за тем, как прямо по выющимся путам шагает страж леса.

Фадей был внешне спокоен, будто только что склонился не над умирающими ребятами, а всего-то кукольные лица взглядом щекотал. Голос его звучал громко, по сравнению с ветряным шёпотом девушки.

– Ситуация такая. Пошло изменение материи, человек медленно превращается в некий симбиоз растения и плоти. Даже если они выживут после такой метаморфозы, в дальнейшем их существование будет не лучше, чем у здешней нежити. Плюс осложнения в работе Аномалии. Придется устанавливать карантин на весь участок, – Фадей смотрел на девушку в упор, будто ожидая какого-то решительного шага.

Она же в ответ болезненно пожала плечами, срываясь в слезливый хрип. Слова предательски застревали в горле, и чудилось, что молчанием можно обратить все вспять. Паническая боязнь звука наконец трансформировалась в цепочку едва различимых слов.

– Что вы предлагаете?

– Добить. Где твой импульсник?! – осведомился Фадей, требовательно протянув руку.

Девушка испуганно посмотрела на незнакомца и порывисто прижала кобуру к телу, тревожно прощупывая импульсный пистолет через куртку.

– Не надо, – жалобный голос, почти что слезный.

Фадей нахмурился, будто натываясь на чужеродную мысль в потоке рассуждений. Велимир же растерянно наблюдал за этой немой сценой, словно потакая страху девушки.

Страж леса вздохнул, стараясь развеять ненужные опасения. Тем временем пространство уже начинало откликаться на девичий страх, спадая к напряженному звону. Еще немного и на периферии могут появиться тени или другие фантомы.

Минутное помешательство прервалось решительным движением. Впрочем, девушка почти не сопротивлялась, когда у нее забрали оружие.

– Чтобы последствия не распространялись на тебя, я сам это сделаю, – успокаивающе произнес Фадей, поворачиваясь спиной к вопрошающим взглядам.

Велимир последовал за другом, на ходу припоминая нейтрализующий заговор.

Фадей прислушался к монотонному бормотанию сталкера, медленно обходя пострадавших людей по кругу, словно запечатывая произошедшее.

– Как думаешь, получится? Чтобы хотя бы миражей потом не было? В будущем? – спросил Вел, напряжённо следя за руками товарища.

Фад шумно вздохнул, не желая опускаться до банальной угадки.

Признаться, на данный момент ему было все равно, насколько изменится будущее, в которое они вернутся. Эта мысль казалась вообще финальным звеном в цепочке, которое зависит от своих предшественников.

– Смирницкий, ты лучше скажи, вы у себя в сталкинге когда-нибудь двенадцатый пункт... применяли? – отрывисто поинтересовался визитёр из грядущего.

– Лично наша группа никогда. И от старших не слышал. Но нам говорили, что...

– В этом случае ты совершаешь благо. Для погибшего. Для Аномалии. Для всех.

Всем новичкам при инструктаже по несколько раз повторяют постулаты, закреплённые в двадцать первом протоколе.

Нет ничего опаснее, чем инверсионная гибель в Аномальной зоне. Сие значит, что Аномалия вплетает человека в свою канву. Усиленно провоцирует симбиоз отпущенного духа и окружающего пространства.

Ведь даже в сон можно проваливаться лишь с широко раскрытыми глазами. Во время пиковой активности реально привязать к себе и живого человека, пока он не способен контролировать свое сознание.

Фадей прекрасно понимал, что эти мальчишки уже не являются людьми, видя, как меняется человеческая сущность, перестраиваясь на иную частоту. По сути, эти сталкеры просто не были достаточно хорошо подготовлены.

И под воздействием Аномалии их внутренняя «грязь» вылез-

ла наружу, заранее предопределяя столь некрасивую гибель. Фадей на миг задумался, был ли у этих парней переходный момент, когда они могли вернуться из негатива в позитив.

Чтобы провокация Аномалии сработала в плюсовом значении. Но на прощупывание данной детали времени не оставалось. В сухом остатке была лишь пара минут. И полуразряженный импульсник. Лес дрогнул, услышав несколько последовательных выстрелов.

У краев моховой чаши стали появляться странные тени, больше похожие на подтеки акварели. Обычно подобным образом начиналась фантомная реакция, когда все произошедшее пыталось всплыть поверх текущей реальности, как отрывистая кинолента. Лена с ужасом различала в полупрозрачных движениях знакомые силуэты.

Фадей проследил за девичьим взглядом и недовольно покачал головой.

– Ты провоцируешь. Успокойся. Вел, ты дай ей конфету.

– Нельзя больше одной в течение пятнадцати минут!

– Тогда давай дедовским способом!

– Каким еще дедовским?! – настороженно спросил Велимир, прекрасно понимая, о чём идет речь.

– Тем самым, который Ефимыч гонит по вечерам!

Вел мигом достал из внутреннего кармана куртки флягу и решительно протянул Лене.

– М-м-м...Это что? – опасливо спросила ведьма, болтая стальной сосуд в руке.

– Отвар! Успокоительный! – четко обозначил границы Фадей, настойчиво глядя на девушку.

– Надо выпить! – утвердительно кивнул Велимир, встретившись со взглядом зелёных глаз.

Лена почувствовала, что если хоть на минуточку увязнет в подступающих сомнениях, то уже не сможет сделать даже маленького глотка. К тому же, вид стремительно чернеющих теней, скользящих к сердцу топи, сподвиг ее на резкий глоток.

Спиртовая основа травного сбора жгучим потоком прошла по гортани. Лена едва не поперхнулась таким огненным напитком, уронив флягу на изношенную гать.

– Ничего себе отварчик! – прохрипела девушка, испуганно откашливаясь.

– Зато твое богатое воображение наконец отдохнёт! – отозвался Велимир, перекидывая девушку через плечо, словно добычу.

– А теперь моя любимая часть! – Фадей вновь скатывался к дымной основе лика.

– Какая же? – иронично поинтересовался сталкер, снимая с шеи вновь задрожавшую гайку.

– Бежим!

Бег с препятствиями оказался весьма хорошей щекоткой для нервов. Правда, жгучая настойка все же помогла, и Лена даже восприняла следующие по пятам тени как забаву и приветливо помахала им ладошкой.

К удивлению спешащих парней, «преследователи» вдруг стали таять, оставаясь на земле в виде наплыва непонятной серости.

В забеге подвела лишь хрупкая гать, трещащая и разлетающаяся на щепки. Велимир, признаться, не особенно разбирал дорогу, только следовал за дымным полётом друга. Непривычное ощущение ускользающего тепла, всё время казалось, что одно неудачное движение – и он уронит девушку.

Плети усов коварно хватили за ноги, пытаясь утянуть к бурой сплавине. Зелёные стебли теперь стали самостоятельными, очевидно, решив захватить моховую чашу полностью, заполнить ее до краев.

Только резкое шиканье уставшей девушки ненадолго смиряло их порывы, но гостей из будущего вольные растения считали явными врагами.

– Они скоро завянут, – задумчиво изрекла Лена, глядя на оставшееся позади болото.

Когда ребята уже отдыхали под сводом сосен, девушка присела на землю, пытаясь осознать все произошедшее, сплести его в один хронометраж.

Чтобы точно быть уверенной в реальности событий, ощущать их как окружающий мир, а не оставлять как сон за плечами. Только вот принять или отторгнуть свое участие в этой «киноленте»...

Лена балансировала на грани двух забавных мыслей, которые по общепринятому сценарию не должны уживаться друг с другом, а тем более пускать корни в столь юной голове.

С одной стороны, девушке было жаль Эда и его незадачли-

вых друзей, умереть так внезапно, проходя через физические мучения.

Не особенно приятная прогулка, что тут скрывать. Но синдром жалости никак не задевал столь знакомое нам чувство вины. Наоборот, Лена считала себя законно свободной от угрызений совести, как если бы вырвала сорняк из клумбы, который отравлял почву. Но вот жалость к этому сорняку, который завял в руках её...

О, это чувство прилипло к горлу, обволокло его как приторный сироп с ярко выраженным вкусом.

В размышление вмешался Фадей, неохотно принявший зримую форму. Лицо его было усталым, но усталость эта выглядела как нечто естественное, глубоко залегшее в морщинке презрения, опущенных уголках рта.

– Вы все там...на болоте умирали. Только эта развилка внутренней, портативной смерти, которая до поры до времени не имеет внешнего проявления, позволила сделать выбор. Возможно, если бы эти парни поменяли свое решение, вы бы все остались целы и невредимы. Если бы ты не дала отпор, скорее всего, лежала бы сейчас на моховой подушке.

– Я могла бы пожелать им не смерти...

– А ты смерти и не желала. Просто фраза «навсегда остались здесь» легко выворачивается наизнанку. Не забывай, что для Аномалии наши слова и чаяния – прекрасный повод так же поступить в соответствии со своими представлениями о ситуации. Даже если проорать во все горло фразу: «Хочу вкусно пожрать!», далеко не факт, что тебе сверху упадет что-то действительно вкусное в твоём представлении.

Ну, это я так, утрирую для примера. Просто, по сути, ты этой самой жалостью ставишь под сомнение выбор собственной жизни, собственного благополучия. Переживаешь за этих придурков. Но поверь на слово, за твою жизнь из этой компании никто бы не побеспокоился.

– Что мне сказать в учебной части? – Лена попыталась перевести разговор в более безопасную тему.

Хотя, с точки зрения установленного распорядка, первокурснице может сильно нагореть за самовольную прогулку, поэтому о безопасности оставалось лишь рассуждать.

Фадей прекрасно понял уловку, но не хотел торопиться с со-

ветом. Как тут можно сыпать словами, если не знаешь, к чему приведут твои «научения».

Вечерело, солнце неумолимо катилось к закату, и холод весенний уже стал подступать к прогретой за день земле. Вместо товарища ответил Велимир, потирая ободранные костяшки.

– В любом случае пройди сталкерскую чистку. В методичке для новичка есть подробная инструкция. А так... что тебе парень может в этой ситуации посоветовать? Я-то, конечно, нагорожу, но...

Смирницкий пожал плечами, выражая сомнение через внешнюю подвижность.

– Сказал бы просто... Ты сильная, ты справишься, – слегка раздосадованно буркнула Лена.

– А ты и так справилась, – улыбнулся Фадей.

Велимир утвердительно кивнул и, глядя на потемневшее от усталости лицо девушки, помог ей подняться с усыпанной иглками земли.

– Сейчас идешь по карте к ближайшему порталу. Перед телепортом лучше отсидись на воздухе и заглуши все мысли кислой конфетой.

И не смей возвращаться с чувством жалости или, еще лучше, вины! А то уже доходишь до кондиции! Иначе тебя может зажевать. Останешься в этой впадине навсегда. Будет тебе эта компания видаться наяву! Помнишь упражнение для фиксации себя в этом мире? – Велимир все еще держал девушку за руку, словно боясь, что ее внимание вновь уйдет в другое русло.

– А разве есть такое? – растерянно спросила она, судорожно припоминая все формальные комбинации для очищения сознания.

– Есть. Становишься ровно. Смотришь вверх, на небо. Потом переводишь взгляд на землю и отслеживаешь свое положение относительно линии горизонта. Или относительно неба и почвы. Потом подходишь к дереву, касаешься его ладонью. Называешь по имени. Ну, в смысле, сосна там или берёза. Ощупываешь себя. Можно начать с коленок, щипнуть за локоть, провести пальцем по носу. Обязательно называй часть тела. Постепенно сосредоточившись на себе, избавишься от заикленности мыслей и подавленного состояния.

Лена неловко зажала локоть рукой, следуя услышанным ука-

занятиям. Упражнение она выполняла автоматически, пытаясь подавить шквал самых противоречивых мыслей.

Испуг стушевался до дикого ощущения ирреальности происходящего. Казалось, что лес, качавшийся над головой, – это своеобразный маятник Аномалии. Коснувшись пальцами земли, девушка заметила, как в темноте стволов исчезли две мужские фигуры.

3.

Как только парни оказались в своём времени, брешь стремительно заросла и вид моховой впадины представился весьма обыденным пейзажем из туристических буклетов.

Фад окинул взглядом округу, будто сверяясь с внутренним образом. Велимир достал карту, отслеживая затухание вспышки. Названия окрестностей, мерцающие на экране гаджета, не изменились. Болотная округа отличалась теперь ровным фоном, мало что напомидало о произошедшем.

– Теперь надо самим к порталу идти. Где ближайший?

– За соснами колышек вбитый должен быть. Надо три раза обойти. Скажи, а ты знаешь, что это за девушка была сейчас в той хроновспышке?

– Сталкер из прошлого. Что такого? – пожал плечами Фадей.

– Я считкой не занимался, некогда было.

– В то время интерактивные карты были строго подотчетны, и на корешке указывалось имя студента.

– И? – неопределённо откликнулся страж леса.

– А зовут эту девушку Елена Николаевна Сама, – будто не веря своим словам, сказал Велимир.

Фадей очень удивился столь неожиданному откровению, но не перестал мерять твердь шагами, даже не замедлил темп. Скорее, наоборот чуть ли стал парить над землей, следуя через сосновое зазеркалье.

– Получается, нас ждёт эффект Григоровича. Когда ранее затуманенное событие из прошлого резко приобретает необходимые подробности. Значит, после нынешнего вмешательства следует идти напрямую к ректору.

– По-твоему, это так называемая точка «А», из которой истекла нынешняя реальность? То есть наше вмешательство было предопределено? – недоверчиво спросил Велимир, уж больно фантастически звучало такое утверждение.

Эффект Григоровича – штука редкая, да и вообще любое вмешательство в так называемую временную заплатку чревато необратимыми последствиями. А тут...

– Я сейчас исхожу чисто из желаемой логики. Если бы эти парни сбросили девчонку в болото, жили бы мы при другом ректоре. Пошли быстрее, что-то мне кажется, мы до конца светового дня не успеем.

В ответ на такое предположение проснулась рация, зашипев серией помех.

– «Три, пять, пять». Моховая впадина. Был запрошен двадцать первый протокол. Опишите ситуацию с помощью кодового языка, – знакомый голос говорил быстро и резко.

– Саныч, ты ли это?! – рывкнул в динамик Велимир.

– Ты как с деканом разговариваешь, щенок! Вышли на связь, а потом пропали на пару часов! Тут вся дежурка на шухере, ректора с занятий сорвали!

– Ой, Саныч, ты лучше вспомни схему диалога в случае «временной заплатки»!

Рация на миг замолкла так, что даже стало слышно, как на заднем плане доносится гул приборов.

– Назовите ориентировочную ситуацию.

– Две тысячи двенадцатый год. Университет Волжской Аномалии. Ректор Елена Николаевна Сама. Декан факультета Практического сталкинга Рейтар Александр Александрович. Действующая персонификация Аномалии Фадей и Агна. На связи студент третьего курса Велимир Смирницкий, позывной «Три, пять, пять».

– Ситуацию подтверждаю. Знакомая форма ответа. Ситуация остается по текущему протоколу. Но пока не будем торопиться с официальной схемой действия. Бумажки и больничка отменяются. Телепортнитесь к чёрному ходу главного корпуса, и поговорим о произошедшем. Сейчас активируем временной скан, но этот процесс может длиться до следующего утра. До выяснения обстоятельств информацию не разглашать.

– Принято, – сухо отозвался Велимир.

– Что-то Рейтар подозрительно быстро сбавил тон. Мы, по идее, сейчас должны прямиком в госпиталь чесать и ждать приезда федералов. А тут... – задумчиво произнес Фадей.

– Мне тоже это не нравится, – нехотя признался Велимир,

боясь утонуть в предположениях.

Время неумолимо близилось к вечеру. Где там заветный колышек?

4.

Передвижение в пространстве с помощью телепорта весьма неприятное занятие. Тело долго отходит от перегрузок, да еще впридачу звон в ушах, как звуковое сопровождение. Парни же едва успевали отряхивать с плеч усталость, казалось, что тело слеплено из песка, который стремительно теряет влагу.

Так что встретивший ребят декан весьма кстати захватил с собой термос с бодрящим напитком. Но даже первый глоток сопровождался настырными вопросами.

– Надеюсь, вы осознаете, что я нарушаю протокол только из-за щепетильности ситуации. И только по поручению ректора!

– Саньч, это петля Григоровича. И про щепетильность правильно говоришь! Базарить без разрешения Елены Николаевны некрасиво будет! – устало огрызнулся Велимир, вытирая ладонью кофейные усы.

– Участок назови! Я подробности лучше вас знаю!

– На моховой впадине лет сорок назад... – пробормотал Фадей, нащупывая пульс на запястье.

В голове вновь плыл туман, а у сердца жгла необычная находка, принесённая с болот. Мысленно пробовал звать Агнешку, хотя внутри вертелись прыткие сомнения. Ведь сам он редко отзывался на мысленные вопрошания.

– Ты все сделал правильно, – отозвался в уме мелодичный голос девушки. – Я видела эту ситуацию во сне.

– Почему не предупредила?

– Иначе могла бы пойти отрицательная реакция, и брешь бы не проявилась. Или с тобой что-нибудь случилось бы. Нельзя озвучивать все предсказания, ибо человек чересчур стремится за ними успеть. Кто та зеленоглазая девушка?

– Она тот призрак, которого ты видишь? Помогает тебе?

– Да. Это чья-то персонификация, ставшая самостоятельным элементом Аномалии. И, кажется, вы совсем недавно ее создали. Кто эта девушка? – голос напряженно загрубел.

– Елена Николаевна...

– Неожиданно.

– Скажи, ты во время симбиоза ощущала присутствие чужа-

ка? Может, видела какие-то тени?

– Не знаю, зачем ты спрашиваешь. Надеюсь, есть весомые причины. Нет, я никого не видела. Только ощущение беспокойства было сильно перед началом...

– Устал. Пожалуйста, пройдишь бегло по Аномалии. Хоть в образе дыма. Мне кажется, у нас появился гость.

– Сделаю, – отозвался смешливый голосок.

Странно, но после возвращения в реальность Фадей вдруг столкнулся с необъяснимым наплывом видений. Под красной пеленой прошлого в голове вертелись обрывочные сюжеты, словно чья-то память открывалась перед ним на манер книги.

Вновь появлялась испуганная Лена, но теперь она сквозь слезы рассказывала кому-то обо всем произошедшем. И сердце трепетного слушателя то и дело норовило провалиться в темноту. А поток мыслей заикнулся на паре непонятных мыслей: «Почему я не пошел с ней? Почему отпустил одну?». И сия словесная петля как будто затягивалась на горле, так что вздох казался лишней роскошью.

Фадей не заметил, как стал повторять эти досадные вопросы вслух, как закольцованную мантру. Страх вперемешку со стыдом жёг под языком, будто довелось растревожить рот перцем.

После появления Рейтара колесо образов лихо закрутилось, переходя на чрезвычайно интимные моменты, когда незнакомый юноша носил на руках молчаливую Ленку, что-то напевая.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:

- Затонуло ты, Степанове счастье!

Не эти ли стихи любит напевать многоуважаемый декан?

Фадей резко остановился, осознавая, кому принадлежат сии воспоминания. А ведь и правда, ходили слухи, что у них в сту-

денческую пору случился яркий роман.

Но, увы, попытки поговорить напрямую о случившемся не увенчались успехом.

Получив от декана грозный наказ держать язык за зубами и об увиденном не распространяться, ребята все же не задали грозному Санычу один любопытный вопросец.

– Слушайте, а вот вы как будто уже осведомлены обо всем, что с нами произошло. Хотя запрос я сделал абстрактный. Что бы это могло значить? – Велимир прищурился, направляясь к черному входу.

– Вообще, такое впечатление даже, что услышав про петлю Григоровича, вы как будто знали, о каком событии идет речь! – поддакнул Фадей.

Рейтар перешел от обороны к наступлению, явно не собираясь делиться со студентами лишней информацией. Все же недоверие прочно вшито в манеру поведения, и Александр Александрович предпочитал не отпускать секреты на волю.

Тем более когда сказанные слова могут повредить дорогому человеку. Хотя, по сути, в этих двух балбесах Рейтар не сомневался. Болтать не будут, у самих приключений на солидный приказ об отчислении накопилось.

– Довольствуйтесь тем, что увидели, сыны мои! И скажите спасибо за то, что я вас не провел по всему федеральному протоколу.

– Судя по произошедшей истории, сие невозможно. Мы же просто хотим знать степень секретности той истории, из которой пришлось уносить ноги! – парировал страж.

Велимир изрядно устал, и только непонятная ярость прибавляла ему сил, да и любопытство настойчиво терзало разум. По всем священным правилам после временной петли нужно смиренно лежать в карантине, чиркать ручкой протокол и отходить от курса иммуномодуляторов.

– Да! Давайте-ка проясним ситуацию! А то все как-то сумбурно и непонятно. И протоколом пугать не надо! По идее, это в ваших интересах поставить свою роспись на федеральных бумагах. Таким образом, стряхивается лишняя ответственность с плеч. Да, комиссия и куча бумажной волокиты. Зато компенсации студентам платить не надо, реально выбить деньги из федерального бюджета на восстановительные мероприятия.

Но вы вместо медицинского пункта тащите нас к ректору напрямиком! Да еще о ситуации так туманно изъясняетесь...

– Он просто боится признать, что ее там чуть не убили. Ему стыдно. И стыд этот пробирает до костей. А где вы были тогда? – деловито поинтересовался Фадей. – И почему вы в данном случае жалеете себя? Что не стали для нее опорой? Пострадала здесь Ленка, а вы слюни пускаете о своей некомпетентности!

Велимир даже застыл от изумления, мысленно предугадывая, как скоро на стол ректора ляжет представление декана об отчислении столь дерзкого студента.

Но Саныч отпрянул, словно обжёгся услышанными словами. Растерянное лицо залилось краской, и декан стал похож на пристыженного сорванца. Кислый запах разлился в воздухе, возводя внезапно нахлынувшую духоту в статус пытки. Сухие руки дотянулись до клетчатого платка, с трудом сдерживая дрожь.

Александр как будто хотел что-то сказать, но слова липли к горлу, а в голове невнятным потоком мелькали картинки из ушедшего прошлого. И поверх этой гипнотизирующей пестроты иллюзорно выглядели фигуры студентов, как будто текущее время было лишь видением.

– Ты вот так до отчисления докрякаешься! – резко шепнул Велимир, наблюдая, как декан протирает залысину салфеткой для очков.

– Я вот так хочу расставить точки над «ё»! Мы сделали то, что ему было тогда не под силу! Ты разве не ощущаешь этот дивный букет ароматов?! Страх перетекает стыд, а стыд – в зависть. Эта же мерзкая эмоция провоцирует злость! Люди, желающие проигнорировать федеральный протокол, идут на мировую! Они не грозят этой бумажной волокитой студентам! Разве не видно что он...

– Да чего ты на этом местоимении застопорился!

– Чего-чего? А как еще назвать этого человека? Длинной именной конструкцией!

– Ты просто не видишь всей ситуации! А я знаю, что он был в курсе, с кем именно пошла Ленка! И мог сам стать ее провожатым!

– Кстати, о птичках и провожатых! Мне кажется или мы с тобой вообще не переживали по поводу случившегося? У тебя даже руки не дрожат, – заметил Велимир.

– Гордишься или думаешь, что мы законченные моральные уроды? – иронично спросил Фадей.

– Радуюсь. Хотя ситуация двоякая. Мы не могли знать точно, какая именно реакция последует. Удивительно, однако жалеть таких гадов не хочется.

– А как же милосердие и все прочее? Вера в лучшие побуждения сталкера?

– Твоя язвительность достойна похвалы. В этом плане думаю, сцепились два выбора. Всех нас на первых занятиях инструктируют, что Аномалия – это не парк для прогулок. Уходя в лежку или делая обход, ты должен знать, что в этом месте твои мысли, чувства и намерения могут отразиться на других людях. И глупо ожидать, что, в ответ на твой выбор быть эмоционально неустойчивым, другой человек обязан будет прогнуться. Иногда даже самые безобидные желания приводили к катастрофам. Например, чувство жажды или голода.

– Я думаю, тут было сразу несколько решений. Признаться, до сих пор не могу воспринимать ту девочку и нашу Елену Николаевну как одного человека. Как будто две ипостаси.

– Главное, чтобы она себя правильно воспринимала. Хотя я тоже под впечатлением.

Ребята прошли мимо огромного зеркала, и амальгама шутки ради отразила сталкеров, одетых в старую, ещё советскую форму, больше похожую на жуткую робу.

Велимир занес мощный кулак над дверью, намереваясь громко постучать. Но ручка сама покорно щёлкнула, приглашая ребят войти.

– Доброго вечера, Елена Николаевна, – громко произнес Фадей, будто тем самым закрепляя позитивное завершение светового дня.

За окном уже назревали сиреневые сумерки, больше похожие на легкую кисею, наброшенную на темнеющие очертания домов.

Искусственный свет резал глаза и казался лишним обрамлением комнаты. Но, может, именно электрической желтизной Лена хотела отгородиться от навязчивых воспоминаний, которые сегодня неожиданно ожили и приобрели весьма необычный оттенок.

Внутри мгновенно воскресла девятнадцатилетняя девчонка, возвращавшаяся с болот в разорванной одежде. Удивительно, как прошлое может легко проявиться и овладеть уже давно успоко-

ившимся разумом.

– Добрый вечер. Полагаю, путь был неблизким. Садитесь, – едва слышно проговорила женщина, устало проводя по лицу рукой.

Молодые люди не спеша подошли к столу, внимательно наблюдая за движениями ректора, будто ожидая какого-то подвоха.

– Что не верится, что молодая девчонка может настолько постареть?! – саркастически усмехнулась Елена Николаевна.

Ребята сконфуженно промолчали, вспоминая ту робкую дикарку, путешествующую по болотам. И правда, они по привычке ринулись выискивать признаки былой юношеской красоты в постаревшем лице.

– Вот, оказывается, какая она... петля Григоровича, – пробормотал Велимир, стыдливо опуская взгляд.

– Елена Николаевна, скажите эти парни... В общем, как Вы тогда всё объяснили? – спросил Фадей.

– Никак. Я рассказала только «своим». Боялась, что исключат из университета. В тот момент казалось, что лучше умереть, чем вылететь с первого курса. Уже позже служба спасения прочёсывала участок дежурства той компании. И таким образом добрались до моховой впадины. Решили, что на парней напала нечисть. Все болотницу изводили вопросами. Да и что я могла сказать? Все хронологические явления протоколируются при двойном свидетельском подтверждении. К тому же, первокурсница, своевольно убежала в столь дальний участок Аномалии. Не дисциплинарное, конечно, но пожурили изрядно. Год потом себя на карантине держала. Эмоциональное ограничение и диета.

– Тогда вы и познакомились с Александром Александровичем? – подал голос Велимир, щеголяя любопытством.

– С вашим деканом мы познакомились чуть раньше, а подружились при весьма щекотливых обстоятельствах.

– Кстати, об обстоятельствах. Мы, перед тем как впереться в эту брешь, побывали у болотницы. Она-то и намекнула на грядущее. Но интересно другое. Хозяйка болот сказала, что ее недавно кто-то навещал. И вот какую вещичку хотел вернуть.

Фадей достал из кармана причудливую луковицу, найденную на болоте. Увидев необычную находку, Елена Николаевна настоятельно поднялась с кресла.

Казалось, что эта блестящая вещица буквально расколола уста-

лое спокойствие ректора. На мгновение вновь ожила та испуганная девчушка из прошлого, присутствуя в своем будущем и дивясь его разветвлению. Сухая рука в морщинах вдруг стала гладкой, с нетерпеливым трепетом пальцев схватила золотую луковицу.

Ребята пораженно уставились на помолодевшую женщину, которая теперь казалась едва ли не их ровесницей. Затаив дыхание, Лена щёлкнула серебряным ноготком по выпуклой крышке. И находка мигом проснулась, к удивлению зрителей, раскрываясь как бутон цветка. На лепестках зрели фазы луны.

Внутри сердечника мерцали странные камни, а сам «цветок» вдруг стал тихонько тренькать, словно силясь воспроизвести мелодию музыкальной шкатулки. Повернув лепестки против часовой стрелки, Лена увидела, как по ним вместо половинчатых лун забегали чудные надписи.

– Изгнанный враг забыл свое бесценное сокровище в наших краях! – девушка с удовольствием разглядывала принесённую находку.

Ребятам упорно казалось, что в зелёных глазах мерцают всполохи огня. Нынешняя Леночка была не похожа на испуганного ребенка, который жаждет наесться «кислючих» конфет. Скорее наоборот, эта девушка вряд ли бы стала убегать от обидчиков, наслал бы на них свежий, настоящий морок.

– Елена Николаевна, вы выглядите очень пугающе, – тихонько отозвался Велимир, который за годы учебы все же не привык к эмоциональным преобразованиям ректора.

Фадей хотел было сказать, что уж лучше быть столь пугающе вдохновленной, чем в слёзном захлебке поедать кислючие конфеты.

Но сия дерзкая мысль мигом растаяла, будто верёвочка, показала свой узловатый кончик. А ведь Елена неспроста стала вдруг скатываться к зримым эмоциональным реакциям. Возможно, именно недавнее происшествие, хотя по линейным рамкам времени оно давно кануло в Лету, оставило свой след в сознании этой гордой женщины.

Внезапно в дверь постучали, и сразу после глухого звука в кабинет вплыла сонная Верочка. Видимо, девушка только отошла ото сна, стоя на пороге в некоем подобии пижамы. Розовая кофточка с рюшами, черные лосины в полоску – подражание мотивам зебры. И забавные тапочки в форме пушистых собак. Девушка потирала глаза, сонно моргая.

Ребята смущённо отвернулись, явно не ожидав увидеть кого-то из «спящих красавиц» в кабинете ректора.

– Студентка Зуева, вы ко мне с каким-то вопросом?! – спросила Елена Николаевна, мигом схлынув до своего обычного облика.

Девушка же, наконец прозевавшись, уставилась на блестящий в руках ректора прибор. Сон мгновенно испарился, оставляя в сухом остатке удивление.

– Эту вещь я видела во сне! – сказала Вера, явно не услышав заданного вопроса.

Елена Николаевна нахмурилась, словно припоминая, о каком сновидении идет речь.

– Ты уверена? – осторожно спросила женщина, подкручивая странный механизм.

Потайной секстант повернулся под определённым углом, а песок в часах стал двигаться в обратную сторону.

– Да! Этот черный человек! Он искал ее!

– Так вот кто к вам приходил... – Елена Николаевна стала задумчиво постукивать по столу.

По стенам кабинета мигом поползла чернь, похожая на вьевшееся чернильное пятно. Ребята разом почувствовали, что несмотря на плотно затворённые окна в кабинете становится холодно. Стоящая рядом Вера испуганно впилась в плечо Фадея, будто ощущая, как внутри всё покрывает иней.

Велимир же, припомнив некоторые детали из предыдущих визитов, аккуратно вытащил из-под завалов бумаги череп грифона.

Живой артефакт щёлкнул клювом, будто отпугивая ползущую темноту.

– Он сам пришёл к нам в лапы! – довольно продекламировала черепушка.

– Думаешь? – женщина понемногу стала выходить из оцепенения, пристальнее разглядывая молчаливых студентов.

В этот момент Вере показалось, что ректор будто бы оценивает их готовность к завязывающемуся сюжету.

– Могу с уверенностью сказать, дорогие мои, мы накануне весьма интересных событий, – улыбнулась Елена Николаевна, аккуратно щёлкнув по золотой крышке.

Ребята опасливо переглянулись, следя за вдохновенным взглядом женщины. И даже Верочка, до этого чинно зевавшая, мигом сбросила с себя сонный флёр. А ведь скоро лето...

Иванов Герман

Выпускник юридического факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева. Любит читать, увлекается жанрами фантастики и философии, коллекционированием монет и банкнот, музыкой. Пишет стихи около восьми лет. Жанром футуризма заинтересовался еще со школьной скамьи.

Поэма

Всё по новой

(Футуристический уклон)

Глава 1

Личиной новой силы света,
Как сто тысяч лепестков,
Покрыта вся вокруг планета
Мудрым замыслом Богов.
Больше нечего скрывать:
Лица, маски – всё долюю,
Силой мысли всё менять,
Чтоб остаться тут с тобою.
Вы же спросите меня:
«Про что пишу я, вдруг зазря?»
А я отвечу, вам, друзья...
Пишу про остров день ото дня,
Тот, который, обитаемый

Людьми же, серый всех мастей
И алчных, добрых, и вменяемых
И злых, бродяжных, одобряемых,
Мечтающих порой зазря
Открыть же заново себя.
И так уж всё же по порядку:
Начнём же с алчной серой мыши,
Что заняли вокруг тут крыши,
Они стремятся выделяться
Чтобы забрать же всё богатство,
Поделить же меж собою
И не давать его другим.
Другая каста – добрых Лим,
Своеобразных пацифистов.
Ни капли в духе анархистов,
Мечтающих всегда за мир.
Третья сила – злых Сапфир.
Антагонисты прошлой касты
Мечтают силой подчинить народ,
Но последний так убог...
Кварта же того народа –
Одобряемые госпОды,
Элита всех людей на свете,
Уваженья больше метит.
Вся у власти, вся у дома,
Никто не тронет пальцем их,
Пятый слой того народа –
Те вменяемые госпОды...
Вся начитанная рать
Не признаёт же ту всю власть,
Хочет изменить всё к миру...
...Но по утрам находит Лиру
И бросит биться за Сапфиры...
И наконец шестой тот слой
Бродяжных лиц! О Боже мой!
Их никто не признаёт,
Все странятся их общенья,
Если кто и узнаёт,
Сразу просит тут прощенья!...

...Такой порядок там сложился
Людей же серых всех мастей
И также сильно закрепился,
Как берега у тех морей.
Откуда едет наш герой?
На вид он смуглый, белый парень,
Мечтает жить же в той стязи,
Имеет стержень самурая
И улыбку той любви...

Глава 2

Приехав в город же тот смелый,
Сперва понять никак не мог
Наш герой весь тут, как белый
Как ворона; смуглый кот...
Все же ходят в спецодеждах,
Как зомбированный народ,
Наш герой вдруг сразу встретил
Одного из добрых Лим.
Тот же сразу тут ответил:
«Вам здоровья, Господин!...
...Проходите, будьте гостем!...»
Я прервал его тут речи
И зажёл как будто свечи,
Спросив его же сей вопрос.
Сказал герой наш, как ЛогОс:
«Скажи же, друг мой, милый Лим,
Как всё устроено тут сразу?
Нежели не быть одним
Из вас, как бы на глазу?»
Но Лим ответив, приуныл:
«Зачем же ты сюда приехал?
Хотел же сказку? Приоткрыл
Завесу тайны сей планеты,
Ты здесь чужой,
Завидуй свету...
Мой совет тебе же, братец,
Уезжай же с сей земли,
А то будешь голодранец,

Как мой сосед Люсей Кюмри...
Я тут подумал и спросил:
«А что с ним стало, друг мой милый?»
Остальное проглотил,
Будто же хранил кристалл сапфировый.
Лим ответил не стесняясь:
«...Искал он власти же богатства
Пока не понял наконец,
Что бестолковые предранства
И спорить с алчным же – конец...»
Я всполыхнул, как жгучий перец,
И крикнул я ему же вслед:
«..Ведь так нельзя же жить тут, Венец!!!»
...Мой сосед заулыбался
И сказал тут наконец:
«Друг же мой, ведь ты зазнался!
Убирайся же домой...»
Я же стал тут заикаться
И подумал: «Боже мой!»
Как же все вы тут живёте?
Ни свободы, ни мечты,
Так возьмёте и умрёте
Без забот и суеты...
Отвернулся я, подумал:
Быстро время же летит.
Тут приехал я угрюмым,
А со мною малахит...
Я пошёл навстречу дальше,
Вдруг кого увижу раньше
Одного из этих каст
И почувствую балласт
Ответственности за себя.

Глава 3

Поехал дальше я угрюмым
И встречаю же, друзья...
И сто раз тут передумал
Не будет ли за всё статья,
Если вдруг начну я говор

Непонятных же для всех,
Не воспримут, как за сговор
Лим, Сапфир, Бродяжных тех.
Алчный люд того народа
Будто жаждит всех и вся,
Не сказать ни слова плохо,
А то будет тут беда.
Я попытался тут начать,
Но меня тут оттолкнули,
Попытаться закричать –
Быстро бы тебя «прильнули».
«Я хочу поговорить!» –
Крикнул я же вслед охране.
Подошли тут двое бдить
И отвели же быстро к Кане.
Каном был у них главарь –
Вождь всего народа.
Титул был почти как царь
Золотого рода.
Начал я свою тут мысль:
«Почему же не принять
Демократию народа?
Почему же, друг мой, ждять
Бюрократию породы?
Ведь дальше будет всё, друг, хуже
Революции, стрельба,
Жизней будет много дюже –
Так кричит людска молва!»
«Нет же, друг мой милый, тоже» –
Отвечал же с добротой,
Как по ходу злой был тоже
Ибо ждал мой путь домой.
«Здесь порядок свой сложился,
Не поменяется же он.
И каждый с ним же тут ужился
Все же ходят на поклон».
«Но так нельзя же жить, мой друг,
Поделить же вокруг слуг
На чёрное и белое,

На красное и жёлтое...
Увидеть же то светлое,
Понятное и громкое...»
«...Нет же, друг мой милый, тоже
Не понимаешь ты сего,
Что сложилось тут, похоже,
Как большое, друг, село –
Такой порядок тут веками,
Не нарушить бы его,
Ты пожил бы тут годами,
Чтоб понять: тут кто кого...»
Как сказал он эту фразу,
Я же понял тут, друзья,
Чтобы понять всю эту базу,
Нужны года, года, года.
«...Но ведь можно что-то сделать?
Невозможно так же жить.
Жизнь нормально, чтоб смотрелась,
Чтобы людям не тужить?!...»
«... Можно что-то сделать, точно!
А вот что? Придумай ты!
Я стараться тут не буду,
Мне и так тут хорошо.
Приглянись-ка, Мальчик Вуду,
Ведь для тебя же всё чужо...»
И засмеялся...

Глава 4

После тех же слов, друзья,
Я приуныл, как никогда,
И что сказать же мне в ответ
И услышать же «Привет!»
И слова же все пропали,
И все мысли тут упали,
Не сказать, не помогать,
Ничего же не принять.
Сказал же Кану, не стесняясь:
«Не знаю я, что делать здесь!
Ведь ты ж правитель рода, каюсь,

Что полез же в эту спесь...
Но надо ж всё же изменить,
Предпринять и удивить
Ведь народ же он так тонок,
Что взбунтуется за раз.
И как переполненный бочонок
Разорвётся на несколько фаз.
Поэтому придумай что-то,
Друг мой милый,
Чтоб не завязнуть же в болото,
Как правитель, будто хилый...»
Кан подумал, повернулся,
Покачал же головой,
Одобрительно прильнулся,
Настроенье – как сухой.
Через минуту произнёс:
«Здесь ты прав, мой добрый странник,
Народ же наш, как тот посланник,
Развернётся кем угодно.
И государство – непригодно,
Но нельзя же всё пускать
На самотёк судьбы опять.
И держать же в рукавицах
Тех «ежовых», будто птицах.
Народ и так ведь тут напуган
И теперь же наконец
Не сбежит, как будто к слугам,
И придёт же всем конец.
Если всё оставить так же,
Весь же строй порою краше,
И сложившиеся порядки
Не сыграют с тобой в прядки.
Установить же демократов
Не получится, мой друг,
Так как люди тут, попрятав,
Подостают же быстро лук.
Поэтому же всё оставим,
Чтоб беды же не случилось.
И тут пыл же свой убавим,

Чтобы всё тут отличилось...»
После этих слов я понял:
Не получится идти,
Так как быстро все утонем
На всё том же полпути.
После этого всего
Я решил, что не изменить
Быстрый ток всего того,
В чего же приходилось верить.

Глава 5

Неразрешённый спор остался,
Что изменить тут, друзья,
Хорошо, что не проданся
Полных знаний жития.
Я же быстро развернулся,
Ехать быстро приказал,
Что как будто бы очнулся,
Вспомнил я про тот же бал¹,
Ехал долго и всё думал:
Зачем я всё это удумал?
Зачем же спрашивал у тех?
Как будто бравый сей морпех.
Ведь люди жили и живут,
Ни от кого ничто не лгут.
Рассказали мне про строй
И отправили домой.
Каждый здесь живет же жизнью
Хоть своей, хоть, друг, чужой
И покрывается ту пылью
С чрезмерной добротой.
Что алчный, добрый иль вменяемый,
Что злой, бродяжный одобряемый
Мечтает же порой зазря,
Чтобы открыть порой себя.
Таким порывом смелым тоже

---

¹ История с балом. – См. Иванов Герман, Бал // Между строк: Сборник произведений молодых литераторов. Вып. 4 / Сост. и вступ. статья С. Сумин. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2016. С. 64-71.

Открывает всем добром,
Будто быстрый тут прохожий
Кан ведёт же за кордон.
Весь народ тут подчинился,
Всё ему как будто снится...
Не измЕнить тут того,
Что построено веками,
Не измЕнить тут сего,
Что пролито же годами...
Пока я размышлял на тему,
Описанную дилемму,
Мы приехали домой.
Как будто быстро ехал конь,
Слез с кареты, вОшёл в дом,
Попил тут чаю и пардон ...
Описать же всё тут надо
Все же мысли рассказать,
Что порой случилось там-то
Что же нам тут поменять?
Что же сделать тут такого,
Чтобы потом же не карать...
Описал я все те мысли
Что копились тут во мне
Может, кто-то их осмыслит
И предложит всё взамен.
Нет, тот строй же был некчёмен,
Лучше жить же как и есть,
И если, друг мой, ты не сломлен,
Останься тут и будь, и есть.
Мы все сильны же тут
И вместе,
Мы найдем же сильных слуг
И двести.
Но шучу же я тут точно,
Надо оставаться прочным,
Но менять же всю тут тень
И начинать же новый день.

Науменко Алина

Поэт, по образованию филолог, член литературной студии
Волжского университета имени В.Н. Татищева.

ЛОТЕРЕЯ РОЖДЕНИЯ

Паляндра неслышно летела через луг в сторону небольшого уютного домика, откуда доносились голоса мальчишек и девчонок.

Приблизившись, она стала различать и их самих. Некоторые ещё сохранили свою прежнюю внешность, некоторые уже готовились приобрести новую. Её появление, как всегда, взволновало всех. Кроме одного, больше похожего на сгусток дыма. Именно к нему первому и обратилась Паляндра.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – ласково спросила она.

– Лучше, – отозвался он. – Даже говорить теперь могу.

Паляндра вздохнула.

– Предупреждала я тебя, а ты? Да, богатая и успешная, но ребенок, в принципе, не вписывался в интерьер её квартиры. Теперь восстанавливайся лет сто, а то и двести.

– Нет, с меня всё, – уверенно заявил он. – В первый раз родился у богатой дамы, а она в корсет затягивалась до последнего. В итоге я родился больной и лет в десять умер. Потом и вовсе аборт. Нет, я в эту лотерею больше не играю.

Паляндра пожалала плечами.

– Заставлять тебя не будут. Но времени у тебя еще более чем достаточно – восстанавливайся пока. А я займусь остальными. Тем более что появилась возможность родиться.

У тех, кому предстояло родиться в первый раз, загорелись глаза. Умершие недавно скромно молчали – им еще нужно было восстанавливаться. Паляндра вытащила из кармана синий платок и бросила.

Платок плавно зашелестел и замер в воздухе. А вскоре вместо ткани появилось оконце, за которым они увидели берег моря и гуляющую там красивую женщину с гривой черных волос. Смуглый мужчина держал в руках странную штуковину, похожую на зеркало.

– Какая красивая! – восхитились дети. Неродившийся усмехнулся.

– Как раз такие и не хотят портить свою красоту, – со знанием дела заметил он, но его никто не услышал.

– Знакомьтесь, Наташа – художница, – представила ее Паляндра. – В данный момент отдыхает в Италии вместе с мужем. Вопрос детей они пока не обсуждали.

– Италия? – ожила одна из душ. – Так я в Италии жила, когда была Инессой!

Паляндра кивнула.

– Поэтому тебе туда будет попасть гораздо легче. К тому же, у вас прекрасная энергетическая совместимость. Более удачного случая тебе может и не представиться.

Инесса кивнула.

– Хорошо. Но есть еще одна семья. Там всё несколько сложнее. Жена чайльдфри.

– Кто? – не поняли души. Паляндра презрительно сморщилась.

– Те, кто принципиально не хочет иметь детей. Она пьет особые лекарства, чтобы у нее не было детей, но муж оказался сообразительным – лекарства подменил на витамины. И если кто-то из вас согласится, есть надежда, что муж и вся семья свяжет ее по рукам и ногам и не даст сделать аборт. Только вот шансов получить достаточно материнской любви в такой семье уже гораздо меньше.

– Ничего, я готова! – заявила еще одна Душа, тоже девочка. – Мне бы только родиться, а дальше я уж разберусь!

Паляндра снисходительно улыбнулась.

– Родиться мало. Надо еще вырасти и научиться уму-разуму. Я не говорила вам еще об этом, но когда вы родитесь, вы всё забудете. Напрочь.

Души будущих детей переглянулись. В это трудно было поверить.

– Но ладно, Инес, пойдем. А ты готовься. Я приду за тобой позже.

Вторая кивнула, уже чувствуя приятное волнение от страха и надежды на грядущее рождение.

Паляндра снова превратила окно в платок и подозвала к себе Инес. Та обняла своих друзей и подошла к ней.

– А что делать нам? – осведомилась одна из душ. Паляндра улыбнулась.

– Идите на уроки. Ваши учителя вас уже ждут.

И они с Инес исчезли.

Остальные направились в сторону Города, где их уже ждали.

Город был заполнен совсем особыми душами. Теми, кто до конца выполнил своё предназначение в прошлой жизни. Знаменитые педагоги, художники, писатели, актеры, модельеры, иллюзионисты. Группа детей быстро разбилась – каждый пошел туда, куда его тянуло его Предназначение. Не задумываясь о том, что было бы, зайти они еще и в другой Дом.

Дом Модельеров, куда зашла вторая Душа, был весь завален обрывками тканей и выкройками. Стены заклеены страницами из журналов мод.

Хозяничали здесь две души – Коко Шанель и Эльза Скиапорелли. Те были вынуждены жить вместе и даже вместе обучать будущих королей и королев мира Моды, хотя при жизни, как знала Душа, были злейшими врагами. Она вежливо поклонилась им, а они ответили легкими кивками.

– А я скоро смогу родиться! – похвасталась Душа, усаживаясь за стол. Мадам Шанель улыбнулась.

– Ну что ж, удачи. Главное, постарайся не забыть своё Предназначение. И наши уроки.

Душа нахмурилась.

– Так это правда? И как же тогда? Как вспомнить, кто ты есть и для чего предназначен?

Дамы-модельеры кивнули.

– Увы, да. Тебе придется заново вспоминать, кто ты, каково твое предназначение, кто твоя вторая половинка – вообще все.

Душа задумалась. ОН, который был предназначен ей, уже покинул их школу и родился. Так, выходит, он действительно уже забыл о ней? И забыл, что он ювелир?

– А почему нельзя сделать так, чтобы души об этом не забывали? – осведомилась она. – Было бы гораздо проще!

– Проще только здесь, – заметила Эльза. Коко Шанель вздохнула.

– Жизнь, действительно, – очень сложная территория. Если всё будет хорошо, и ты успешно пройдешь стадию рождения и вырастания, то наверняка услышишь обо мне не только как о великом модельере. Дело в том, что я именно модельер. Но жила накануне Войны. Понимаешь? – она сморщилась. – Вот на черта она мне сдалась, эта война? Я – МОДЕЛЬЕР! Моя миссия – делать женщин красивыми. И я была лишена качеств, которые нужны в такие времена мужчинам и женщинам. Смелость, преданность Идее, готовность все вытерпеть – это было не про меня. Но эпоха безжалостна. Она может потребовать с тебя гораздо больше, чем просто заниматься своим Призванием.

– Хватит уже ребёнка пугать! – остановила ее Эльза, забыв, что их ученица пока не ребенок. – Сейчас другое время.

– Я просто хотела сказать, что ее как-то испытают, – сдержанно ответила Шанель. – Не знаю, как.

Душа задумалась. Однако страх не мог победить в ней жажду узнать Земной Мир. Тем более, если она ни разу не рождалась. Шанель полезла в шкафчик и достала коробку со шляпкой.

– Ладно, а пока ты здесь, отнеси вот это Соньке Золотой Ручке в Дом Воров.

Душа неохотно кивнула.

– А потом возвращайся, повторим правила корректного использования цветочных орнаментов, – добавила Эльза. Душа улыбнулась и послушно побежала к Золотой Ручке. Надо было торопиться: успеть сбегать туда, вернуться и пройти урок, пока не призвали рождаться.

Однако по дороге она успевала заглядывать в окна соседей. Ближайшим к Дому Модельеров был, разумеется, Дом Фотографов, где её друзья как раз изучали игру света и тени. Дом Педагогов, Дом Танцовщиц, Дом Актёров. Ну, где же эти воры?

Она остановилась, чтобы перевести дух и обнаружила, что стоит перед Домом с высокой стеной. Как ни старайся – внутрь не заглянешь. «Странно, – подумала Душа. – У нас везде все открыто. Нам нечего таить друг от друга. Кто же это может быть? Может, это и есть Дом Воров?» Дверца в стене приоткрылась, и оттуда выбежала Душа мальчика. Уже почти оформленная, скоро готовая превратиться в живого ребенка. Душа поздоровалась.

– Скажи, что здесь такое? – осведомилась она. – Почему здесь такая стена? Это не Дом Воров, случайно?

Душа Мальчика даже обиделась.

– Сама ты – Дом Воров! Это Дом Магов. Здесь готовят тех, кому суждено уйти отсюда с магическим Даром.

– А зачем такая стена? – удивилась Душа.

Мальчик снисходительно улыбнулся.

– Это для охраны наших Знаний и напитка, который нам дадут перед уходом отсюда. Он и даёт нам способности видеть Будущее.

Душа задумалась.

– Слушай, я как раз хотела посоветоваться. Ты не боишься, что мы забудем, кто мы такие и для чего предназначены?

Мальчик усмехнулся.

– Мы уж точно не забудем.

– А если я тоже выпью этого вашего напитка, что со мной будет? – любопытствовала Душа. Мальчик вздрогнул и взглянул на нее.

– Ты из какого Дома?

– Модельеров, – призналась Душа. Мальчик фыркнул, и Душе это не понравилось.

– Так к чему тебе магия? Она тебе что, тряпки шить поможет?

Душа девочки нахмурилась. Ей никогда не приходилось думать, насколько почетна выделенная ей миссия. Да, такие споры не были у них приняты. «Балбес самовлюбленный», – подумала она, но решила в спор не вступать.

– Просто я боюсь, что забуду, что я модельер, – объяснила она. – Этот ваш напиток мне может помочь.

Душа мальчика задумалась.

– Не знаю... Это вопиющее нарушение правил! Как бы тебе вообще рождение не отложили лет на сто.

Такая перспектива не радовала будущую наследницу Коко Шанель, но и другого выхода она не видела. «И не стыдно им устраивать нам такую игру? – подумала она. – Прямо лотерея. Родисься – не родишься, а если родишься, вспомнишь или нет, кто ты есть».

– Так Паляндра нам сама говорила, что ничего хуже быть не может, чем свой шанс родиться ни во что разменять! – заметила она. – Я так не хочу.

Душа мальчика уважительно усмехнулась.

– Понять не могу, рисковая ты или, наоборот, слишком продуманная. Ладно, пойдем, – он открыл калитку, и Душа скользнула во двор. Однако через несколько шагов остановилась, будто впереди была толстая стена.

– Не могу, – заявила она. – Не пускают.

Душа мальчика кивнула.

– А ты думала, у нас всё так просто? Заходи, кто хочешь? Нет. Мы же не какие-нибудь фотографы или тряпочных дел мастера. Мы – Волшебники, – мальчик усмехнулся. – Ладно, попробую принести тебе нашу настойку, если получится. А ты иди в свой Дом Воров. Он там, за городом, – и мальчик махнул рукой. Девочка кивнула и убежала.

***

Между тем душа Инессы следовала за Паляндрой по итальянским улицам в сторону красивого дома с красной черепичной крышей. Инесса оглядела его и ахнула.

– Так я ж здесь жила! Как они сюда попали?

– Прошло уже несколько столетий. Теперь это гостиница, – с улыбкой объяснила ей Паляндра. – И твои будущие родители сняли здесь комнату. Ну что ж, удачи!

Инесса кивнула и скользнула в комнату, а оттуда – в чрево своей будущей матери.

Работа Паляндры была выполнена, но уходить она не торопилась. Инесса ей нравилась больше других, и она искренне хотела ей помочь.

На следующий день Наталья с мужем решили пойти на концерт органной музыки. Как они думали – вдвоём, но на самом деле – втроём.

Паляндра скользнула в зал, невидимая и неслышимая, и

остановилась возле Натальи. Между тем стены старой церкви дрогнули от странной, ни на что не похожей органной музыки. Сердце Натальи замерло.

– Удивительная музыка, не правда ли? – шепнула ей Паляндра. – И велики те люди, которые выкрали ее с небес! А разве не счастливы их родители, подарившие миру великих музыкантов?

Она замолчала. Чуткая душа Художницы живо отозвалась на её слова. Наталья вдруг безумно захотела, чтобы у неё был ребенок. И чтобы он стал Музыкантом. «Надеюсь, Инес не обидится, – подумала Паляндра. – Если это будет гарантией, что Наталья оставит ребенка, пусть так».

После концерта Наталья с мужем вышли молча, мысленно переваривая впечатления.

– Я ребенка хочу, – заметила Наталья. Муж приподнял бровь.

– А почему ты именно сейчас об этом задумалась? – удивился он. «Да догадайся с трёх раз!» – усмехнулась Паляндра.

– Не знаю, – честно призналась Наталья. – Просто вдруг захотелось родить ребенка, и чтобы он стал музыкантом.

– И сочинял такую же потрясающую музыку? Не очень удачная мотивация для рождения ребенка, – отозвался её муж.

– Было бы у тебя столько не пристроенных к рождению душ, как у меня, приветствовал бы любую мотивацию, – заметила Паляндра. – Ладно, мне пора – надо еще эту привести, из Дома Модельеров.

***

Уроки Дома Воров проходили на пустыре, спускающимся к болоту. Находиться здесь было неудобно, но ученики у Соньки не переводились. И она старательно передавала им азы своего мастерства, создавая по своему желанию макеты ювелирных магазинов и гостиничных номеров – для тренировки. Около дюжины будущих воров и воровок следовали за ней, с жадным любопытством ожидая следующих заданий. Их не смущало даже то, что их обожаемая предводительница ходит с трудом из-за тяжелых кандалов на ногах. Им пока не дано было понять, что такое «тяжело» и «больно».

– Мое почтение, госпожа Блювштейн, – вежливо поздоровалась с ней Душа девочки. – Я вам принесла шляпку из Дома Мо-

дельеров, – и она протянула ей коробку. Сонька кивнула.

– Благодарю, – и она повернулась к своим ученицам. А перед ними появилась копия гостиничного номера, каким его застала Золотая Ручка.

– А что вы будете делать? – с любопытством осведомилась Душа из Дома Модельеров. Сонька усмехнулась:

– Если хочешь посмотреть, запретить не могу. Мой личный метод гостиничных краж – «доброе утро». Алиса, действуй! А ты ложись в постель и делай вид, что спишь. Я тебе объясняла, что это такое.

Она кивнула Душе Мальчика. Он кивнул и послушно лёг в постель. Девочка, которую при жизни звали Алисой, решительно кивнула и скользнула в «гостиничный номер». Быстро огляделась и принялась изучать вещи.

– А теперь просыпайся, – велела Сонька «жертве». Он кивнул и, превосходно отображая «просыпающегося», начал вставать. Алиса замерла и принялась мило извиняться, сказав, что приняла его номер за свой.

– Зря стараетесь, госпожа Блювштейн! – услышала Душа Модельера позади себя. Она повернулась – Паляндра. Душа будущего модельера с удивлением воззрилась на всегда спокойную Паляндру. Сейчас она была крайне раздражена. – Сейчас все умные стали. А в гостиницах двери теперь совсем другие.

– Какие? – немедленно оживились будущие воры и воровки.

– Их человек только изнутри открыть может, – холодно объяснила Паляндра. Взгляды учеников Соньки обратились на Наставницу.

– А как же мы тогда?

– Ничего, умными будете, вам люди сами двери откроют и деньги отдадут, – с улыбкой объяснила Сонька. – Вот это, я вам скажу, высшее мастерство! Мои накладные ногти не сравнятся. Только мое условие не забывайте.

– Грабить только богатых! – немедленно отчеканила Алиса. Сонька кивнула.

– Я же вам рассказывала о женщине, которую ограбила, а потом узнала из газеты, что она вдова с тремя детьми? Так я ей всё вернула и даже больше! Мы с вами вершители справедливости. Запомните: воров, которые забирают последнее, презирают все, а тех, кто грабит богатых, поддерживает и прикрывает сам же

народ, – она вздохнула. – Даже в моё время в нашем ремесле оставалось какое-то благородство. Впрочем, это дело вкуса, – спохватилась она и обратилась к своим ученикам. – Идите отдыхать.

Дети закивали и убежали. Паляндра проводила их взглядом, полным сочувствия и презрения.

– Но вы же говорили, что воровство – это плохо? – уточнила Душа из дома Модельеров. – Что воров в ад отправляют!

Паляндра кивнула.

– Отправляли и, надеюсь, отправлять будут. Но, видишь ли, в незапамятные времена было создано правило: кто на земле достиг высокого мастерства в своем деле и прославился в народе, имеет право здесь набирать учеников. Воровство тогда признавали как нежелание заниматься ремеслом. Правило было создано, и менять его не положено. Да только мир людей меняется несказанно, и воровство само по себе стало ремеслом. Имя Соньки Золотой Ручки прославили среди людей, ей даже памятник поставили. Да и иными средствами прославляют. Вот эта негодяйка и подала прошение в Высший Суд, что тоже имеет право обучать нерожденные души, как твоя Коко Шанель.

– Ну сравнили! – обиделась Душа девочки. Паляндра вздохнула.

– Да уж. Ей было нужно только из ада вырваться, а до дальнейшей судьбы её учеников ей дела нет. Вот и устроили её: обучает, но за городом. И ведь находятся желающие! – она усмехнулась. – Одно утешает: она может обучать только тому, что сама знала. А люди тоже не дураки, много нового придумали для защиты от таких, – она махнула рукой. – Ладно, пойдем. А мне все равно сюда скоро возвращаться за вот этими, – она кивнула на ту, которую при жизни звали Алисой, и того, кто играл ее «жертву». – Пойдём.

Душа девочки кивнула.

– Хорошо. Ой, а как же моя коллекция?

Паляндра усмехнулась и протянула ей руку ладонью вверх. В сгустках разноцветного воздуха появились наряды, которые душа девочки намеревалась воплотить, если не сразу после рождения, то, по крайней мере, при первой же возможности. Она прикрыла глаза, и все они немедленно впитались в нее, став частью ее самой. Другие души называли это «багажом», с которым

они покидают этот уютный и безопасный мирок, чтобы принести это в тот, другой мир. Паляндра взяла ее за руку и увела.

Они вышли к комнате с серебряной площадкой. К удивлению и радости Души девочки, там уже был её знакомый из Дома Магов. Он слегка кивнул ей и незаметно подмигнул, указывая на что-то, спрятанное под синей мантией. Душа девочки заулыбалась и быстро кивнула. Но тут же удивилась, что Паляндра ничего не заметила – хотя обычно та видела все их мысли. «Может, это потому что мы скоро родимся и уже не принадлежим этому миру», – подумала она.

О том, что перемещение на землю – дело нелегкое, часто рассказывали новичкам те, кто на земле уже побывал. Но тем, кто еще ни разу не родился, было трудно представить, в чём именно эта трудность заключается. Чем ближе было к земле, тем больше и больше они ощущали свою тяжесть. Всё вокруг становилось... осязаемее что ли. Душа девочки с жадным любопытством оглядывала все вокруг.

– Кого сначала? – осведомилась Паляндра, оглядывая обоих.
– Расстояние большое, сразу предупреждаю.

– Давайте его, – Душа девочки указала на своего друга. Паляндра кивнула.

Вскоре они уже стояли на берегу озера. Хотя здесь было несколько десятков мужчин и женщин, будущий маг сразу узнал своих родителей в довольно приятной супружеской паре. Женщина с темно-каштановыми волосами сидела рядом с мужчиной, который её чем-то укрывал.

– Это зачем? – тут же полюбопытствовала Душа девочки. – Что он делает?

– Укрывает её, чтобы не замерзла, – равнодушно объяснила Паляндра. – Вы скоро узнаете, что такое холодно, жарко, больно, что такое есть и спать.

– Не могу сказать, что великое удовольствие, – усмехнулась душа будущего мага, и он быстро вытащил из мантии склянку со светло-зеленой жидкостью. Душа девочки ахнула – до ТАКОЙ наглости не могла дойти даже она. Но пока Паляндра не смотрела в их сторону и ничего не видела. Значит, или сейчас, или никогда.

Душа девочки быстро схватила склянку и выпила. Снова стало легко, как до того, как они спустились сюда, и это напугало – неужели он действительно был прав, и её вернут обратно?

Между тем, Паляндра содрогнулась и повернулась к ним.

– Мне только что сообщили, что планы насчёт тебя, душа девочки, меняются.

Душа девочки вздрогнула.

– Почему? Мне не позволят родиться? – она жалобно воззрилась на Паляндру. Она как-то странно улыбнулась.

– Тебе даётся выбор. Ты можешь родиться там, где твоя будущая мать не хочет твоего появления, а можешь остаться дочерью вот этой женщины, – она указала на рыжую, сидевшую немного в стороне. – Сюда она приехала одна, но уже приглянулась их Учителю. Ну так как?

Душа девочки задумалась.

– А почему вдруг? Ведь про меня же было другое намерение?

– Не надо было соваться, куда не следует, – спокойно ответила Паляндра. – Магия, моя дорогая, это не игрушки, а тяжкое испытание.

Оба будущих ребенка вздрогнули.

– Так вы всё знали? – ахнула душа девочки. – Но почему не вмешались?

– Высшие силы не требуют от душ безоговорочного повиновения, – спокойно объяснила Паляндра.

– Соглашайся! Там тебя точно не ждут, а здесь, наверное, будут рады! – заметила душа мальчика. Она кивнула.

– Я остаюсь здесь! – заявила она. Паляндра улыбнулась.

Между тем, скоро появился и Учитель.

Толпа заволновалась. Мальчик кивнул Душе будущего модельера на прощанье и скользнул в чрево своей будущей матери. Женщина ничего не заметила, продолжая во все глаза взирать на Учителя.

– И что теперь будет? – осведомилась душа Девочки. – Когда он родится?

Паляндра улыбнулась.

– Пока он остается только душой. Теперь ему нужно ждать, пока его родители обеспечат его телом. Это чудо, значимость которого эти люди даже не осознают. Ну что, останешься здесь?

Душа девочки решительно кивнула. Паляндра обняла ее на прощанье.

– Удачи, – заметила она ей. – Ничего не бойся.

Душа девочки кивнула и решительно зашагала в сторону ры-

жеволосой женщины.

Та её не замечала, но душа Девочки стала ощущать, что какая-то сила захватывает её и уже сама притягивает к ее будущей матери. На миг стало страшно.

Но толком осмыслить происходящее она не успела, как поляна исчезла, и ее отовсюду окружило приятное тепло.

***

Карина проснулась и потянулась. «Ничего себе сон! – подумала она. – Только причём тут её Учитель? Мой папа же психолог? Ладно, разберёмся. Слава Богу, сегодня не в школу».

Карина улыбнулась, как всякий ребенок, которому не в школу и можно заниматься тем, чем хочется. В ее случае – шитьём.

Она приподнялась и взглянула на свой стол, заваленный разноцветными лоскутками и распечатанными из Интернета выкройками. Карина встала и приблизилась к ним.

Среди лоскутков лежали две фотографии, вырезанные из журналов – Коко Шанель и Эльза Скиапорелли. Но теперь Карина смотрела на них несколько иначе: «Интересно, а если это правда? – подумала она. – Если я просто вспомнила всю историю своего рождения? Фиг его знает». Она взяла фотографию Шанель.

– Не волнуйтесь, я вас не подведу! – заверила она. Дверь сзади скрипнула.

– О, ну кто бы сомневался! Проснулась – и сразу творить! – усмехнулась мать. Карина повернулась. Её мать была такой же, как во сне, – красивой и рыжей.

– Доброе утро, мам. Нужна твоя консультация по сновидениям.

– Я как-то не по ним, – призналась мама. – Не совсем мой профиль. Могу позвонить тёте Лере. Ну ты её помнишь. У неё еще сын твоего возраста. Кирилл.

– Но они же в Италии живут? – уточнила Карина. Мама кивнула.

– В отпуск приехали. В выходные я к ним в гости собиралась. Пойдёшь?

Карина уверенно кивнула.

Завтракали они все втроем, чем Карина всегда гордилась. Ни у кого из её одноклассников не было в ходу даже три раза в день

собираться за одним столом. Даже когда все были дома, все делились между телевизором и Интернетом.

За завтраком она пересказала свой сон и только потом осеклась, вспомнив, что по сну её отцом являлся мамин учитель по эзотерике. Что вряд ли могло понравиться её настоящему отцу.

Она замолчала и оглядела родителей. Мама напряглась, а папа слушал внимательно и с явным интересом. Как всегда. Карине это нравилось, но она старалась не обольщаться – папа психолог. Выслушивать чужие бредни – его профессия.

– Я только не понимаю, почему там, в Городе, были и мальчики, и девочки, – заметила она. – Души же бестелесны.

– В эзотерике считается, что пол не меняется в каждом воплощении, – мягко ответила мама. – Просто мужчинам и женщинам нужно нарабатывать разные качества за череду перерождений. Хотя не все экстрасенсы разделяют эту точку зрения.

Отец положил в свою чашку с кофе несколько ложек сахара.

– Но сон интересный, – заметил он. – Можно я его позаимствую? Рождение как выигрыш в лотерею... Такой формулировки в терапии я еще не использовал.

Мама и Карина с улыбкой переглянулись.

– Думаешь, поможет твоим самоубийцам? – усмехнулась мать. – Кстати, Карин, а Дома Психологов ты не видела?

Карина улыбнулась.

– Я видела только дома, связанные с искусством. Ну еще магов и воров.

– Мне нравится, что ты их поставила рядом, – заметил отец, за что получил подзатыльник от мамы. Карина немного смутилась.

– Только интересно, почему в качестве отца видела не тебя?

Мама с папой переглянулись.

– Карин, видишь ли... – осторожно начала мама, – в общем...

– Я познакомился с твоей мамой, когда тебе уже два года было, – заявил папа. – Так что твоим биологическим отцом я, как ты понимаешь, быть не могу, – он замолчал. Родители напряженно смотрели на неё, ожидая её реакции.

Карина молчала. Она понимала, что логичнее всего было бы спросить сейчас, кто её биологический отец, а потом обидеться, что её тринадцать лет обманывали (одиннадцать, точнее). Но первое было не особенно интересно.

– Вот именно, пап, что биологическим, – наконец ответила она. – А это весьма условно. А мой так называемый биологический создатель кто? Чисто из любопытства, – тут же поправилась она.

Ее мать усмехнулась.

– Я планировала тебе когда-нибудь об этом рассказать, но Вселенная, видимо, решила взять эту миссию на себя. Я ездила в Карелию, на занятия к одному известному экстрасенсу. Всё закрутилось очень быстро. И весьма банально, если не забывать, что речь идет об экстрасенсах. Он был женат, поэтому на продолжение я не рассчитывала. Я слишком его боготворила.

– Типичная ситуация для секты, – заметил папа. – Но если там, наверху, действительно кто-то есть, кроме наших соседей сверху, то я понимаю, почему они послали к вам меня. Чтобы разбавить вашу эзотерику каплей здравого смысла.

– Или наоборот, – немедленно ответила Карина.

Гостевая

Книга

Маркелов Николай

Военный пенсионер, 65 лет

СЕРИЯ «СКАЗКИ ВНУКАМ»

ШАРИК

На новогодней ёлке висел шарик необыкновенной красоты. Он сверкал и переливался всеми цветами радуги. Внутри него светило солнце, по краям сверкали молнии, шёл снег и дождь. То вдруг появлялись неведомые звери и птицы, то менялись времена года, падали листья, бескрайние поля заметали снега. Внутри него цвели цветы, а над ними порхали красивые бабочки. Взошла луна. На шарике появились звезды и бескрайний космос с неизведанными планетами. Распушив хвосты, пролетали кометы, и звезды Млечного Пути указывали путь к новым галактикам.

Люди, смотревшие на шарик, шептали: «Какое чудо, это просто фантастика». От шарика искрилось тепло, и исходили счастье и радость. И вдруг все пропало. Шарик погас и превратился в простую стекляшку. А это просто лампочка в гирлянде, которая висела рядом с шариком и подсвечивала его, перегорела.

Чтобы творить чудеса и приносить радость и любовь окружающим тебя людям, нужно чтобы кто-то рядом отдавал тебе свою частичку света, любви и надежды.

ХЛОПУШКА

Ну вот я и дома! Где это я? Дерево с иголками, а рядом висят какие-то игрушки: зайчики, мишки, машинки, разноцветные шары и золотистый дождь. На самом верху ёлки висит и переливается ярким светом рубиновая звезда.

«Я тоже хочу туда, я ведь такая красивая! Не то что эти игрушки. У меня такой богатый наряд. На нём звезды и молнии, вспыхивают искры. И даже написано «СУПЕР». Я – неотъемлемый атрибут праздников. Балы, карнавалы, триумфальные шествия, дни рождения и свадебные торжества – это всё моё. Хочу! Быстро! На самый верх! Да, я хочу быть самой заметной, и чтобы все мной любовались!»

Когда открывали форточку, чтобы проветрить комнату, хлопушка немного раскачивалась от сквозняка. «Ну! Еще немножко, еще чуть-чуть», – думала хлопушка. Она старалась изогнуться всем телом и подпрыгнуть как можно выше.

И вот один раз, когда была открыта форточка, открыли настежь дверь. Поток воздуха подхватил хлопушку, и она взлетела вверх. «Ура-а-а! Моё желание сбылось. Я буду выше всех!». На свою беду, хлопушка петелькой зацепилась за ветку. Раздался оглушительный хлопок, и всю ёлку осыпало конфетти.

Хлопушка, пустая и жалкая, никому не нужная, лежала на полу. Разноцветные бумажные кружочки мелкого размера валялись под ёлкой. Теперь это только мусор.

Кроме красивой обертки и большого самомнения о себе, нужно иметь внутри что-то большее, чем разноцветную мишурку.

Блинова Александра

8 лет

ОДУВАНЧИК

Я родился и вырос на футбольном поле. У меня была красивая жёлтая прическа и стройное тело. Я смотрел на весеннее солнышко и жмурился от удовольствия. Когда мальчишки играли в футбол, я так боялся, что меня затопчут, что аж поседел от страха. Потом подул ветерок, и все мои волосы разлетелись во все стороны. А надо было просто жить, а не бояться.

Вовненко Анастасия

Живет в Самаре, работает в сфере туризма.
Мама троих детей. Хобби – путешествия.

БРЕШУТ, КАК ОЧЕВИДЦЫ(С)

(Услышано и рассказано мною в почти здоровом уме и почти трезвой памяти.)

У Анечки есть в Турции квартирка. Туда приезжает она отдыхать и набираться сил. В другое время туда приезжают её многочисленные друзья и родственники. В общем, не пустует никогда.

Решила Анечка снова на отдых смотнуться. Пригласила Леночку. Леночка вдова 58 лет, она не утратила жизнелюбия и задора. По официальной версии, вечно молодая женщина.

Анечка и Леночка на отдыхе отлично проводили время, много купались, ели свежайшие фрукты и великолепные восточные сладости. Обе они были стройными натуральными блондинками и успех среди местного мужского населения имели феерический.

Но всегда с юмором отшучивались:

– Нет, уважаемые, мы все отечественных производителей поддерживаем посильно, хотя чем дальше, тем непосильнее...

И шли дальше купаться.

Как-то они шли с пляжа и им встретились знакомые аниматоры. Аниматоры сидели в уличном кафе и наперебой стали зазывать их разделить компанию. Делали они это радостно! С весёлым гиканьем и залихватским куражом!

Целая конница османских принцев на белых конях скакала

навстречу, предлагала халявную выпивку и закуску. Ну кто бы устоял? Дамы чуть не ослепли от сияния доспехов.

Присоединившись к молодой мужской компании, они отлично провели вечер: много смеялись, ели, пили.

Вечер был чудесным. Потом дамы засобирались домой. Со всеми пообнимались и пошли восвояси. За ними увязался один мачо из компании, лет тридцати. Они его ласково увещевали, что идут домой, а ему бы надо идти к себе домой. На глазах горделивый османский принц превращался в малое теля, который норовил найти мамкино вымя. Дамы прятали вымя как могли (парень явно перебрал).

Леночка решила поставить точку:

– Давай обнимемся напоследок и расходимся.

Они обнялись.

Тут Леночка услышала, как Анечка ей сказала:

– Валим отсюда быстро!

Краем глаза она заметила, как через всю площадь огромными скачками на неё бежит черногривая фурия – прекрасная молодая турчанка лет двадцати пяти.

Подбежав вплотную, она отвесила звонкую затрепину турку. Продолжать не стала – берегла своё имущество. И развернувшись, вцепилась в волосы Леночке. Повалила её на асфальт и начала мутузить. Леночка тут же познала дзен! В смысле, мигрени приступ. И знаете что? Это поначалу очень красиво... В такой ауре всё плывет...

Отовсюду к ним бегом ломанулись люди, окружили плотным кольцом, но не стали разнимать. Они достали телефоны и стали снимать. Анечка одна пыталась оторвать разъярённую турчанку от подруги. Потом на крики прибежали аниматоры и растащили дерущихся дам. Турчанка сразу стала спокойна. Невозмутимость и безмятежность – это основополагающие качества при наблюдении за проплывающими трупами врагов!

Анечка и Леночка быстро поймали такси и уехали домой.

Уже находясь в безопасности и вычёсывая из причёски клочки выданных волос, Леночка радостно делилась с Анечкой:

– Представляешь, девочка двадцати пяти лет приревновала ко мне! Значит, я ещё ого-го!

– Лена, ну конечно, ты – супер, даже не сомневайся никогда, – ответила Анечка, поправляя пилочкой сломанный ноготь.

– Хорошо, Анечка, что мы приехали сюда. У меня друг в Ялте сейчас сидит в номере как дурак.

Бархат сезона доступен лишь в баре...

А у нас вон какие приключения.

И Леночка счастливо засмеялась.

– У нас тут, Анечка, саморегулируемая организация: наше счастье/несчастье в наших руках.

– Видишь, какие преподоткрылись перспективы))))

Довольные они легли спать. Впереди был ещё месяц моря и солнца.

П. С. Как мало, в общем-то, нужно даме, чтобы почувствовать себя счастливой.

ПОЖАР В СЕРДЦАХ

Дама Ольга была женщиной деятельной и тревожной. Выйдя в отпуск, она решила причинить добро все окружающим и тем, кто не успел спрятаться.

На свою беду попался ей свежеразведённый Олег. Жена недавно его покинула в надежде на новую счастливую жизнь, и он пребывал в раздумье и тоске.

Ольга сразу взяла быка за рога:

– Ой, как тебе идут эти зелёные брюки под твой красный пиджак и синие ботинки! – подняла она его самооценку.

– Ты веришь в меня больше, чем я. Ты что-то знаешь? – изумился Олег.

– Так у меня ж женская интуиция и старческая прозорливость! – гордо распушила седину Ольга.

– Тем более, что у тебя есть дом, машина и надувная лодка с мотором! – При слове лодка она мечтательно закатила глаза. – Ты просто клад, и я найду тебе невесту!

– А может, не стоит? – поёжился Олег.

– А может, стоит? – возмутилась Ольга. – Смотри! Станешь самодостаточным – девки уже не понадобятся!

У Олега, конечно, произошло выгорание в плане семейной жизни, но фитиль ещё теплится и требовал огня.

– Возражения не принимаются! Найду тебе невесту.

– А у тебя невест этих склад что ли?

– У нас есть приданое. Невесты на такое добро слетаются тучами! Невест этих поле непаханое! Кстати, есть одна Леночка – уже

рыхлая – вспахивать неглубоко. К ней и поедem. Не избалованная: купил пирожок и она моментально превратилась во внимательную слушательницу.

– А поехали к Леночке! – согласился Олег.

Быстро сложив вещи, купив мяса для шашлыков и бутылочку вина, они поехали к невесте.

Леночка жила в частном секторе, и место во дворе для шашлыков было замечательным.

Олег был парень высокий, а Леночка – полненькая и маленькая.

«Она может во время войны незаметно перегрызть провода во время боя», – патриотично подумалось ему вдруг.

Ещё одна мысль мелькнула в голове. Но последнюю мысль он сразу заглушил как преждевременную. В общем, Леночка ему понравилась.

Леночка пошушукалась с Ольгой – она тоже уловила разницу в росте.

– Пушкин писал стихи шестистопным ямбом, Наталья Николаевна ему все равно с Дантесом изменяла. Размер не имеет значения! – отрубилa Ольга.

Олег деловито стал готовить угли и мясо и, взяв жидкость для розжига, решил ускорить процесс.

И тут случилось страшное: он поджeг невесту.

Жидкость воспламенилась, а так как погода была ветреная, часть горящих капель попала на Леночку, на её лицо, на волосы. Леночка быстро сменила красивую позу на стремительно носящуюся и кричащую. Олег выронил из рук всё от внезапности и ужаса.

Быстро потушив подругу, Ольга с Олегом повезли её в ожоговое отделение.

Добрый доктор с удовлетворением сказал, что за сегодняшний ветреный день это уже пятый случай. НО что Леночке очень повезло, и через две недели она станет как новенькая. НО в больнице оставили.

Ехали обратно в тяжелом молчании. Олег потом спросил:

– Ольга, надо же что-то делать? Надо что-то делать. Но что?

– Что, что... Какой ты обеспокоенный и даже немножечко озбоченный... Женись на ней, вот что! – отрубилa Ольга.

Отсюда резюме: соблюдайте правила пожарной безопасности!

(С моих слов записано верно, мною прочитано. Подпись.)

ЗИНАИДА

Муха Зинаида была томима желанием любить. Как-то раз она влетела в окно к человеку.

Человек спал, и Зинаида невольно залюбовалась правильными чертами его лица. Она подлетела поближе и даже села на его нос. Человек поморщился и открыл глаза. Ах, какие это были глаза – синие как море! Зинаида бы нырнула в них и плавала стилем бабочкой бесконечно. Отчего-то она мечтала о море, которого никогда не видела.

Зинаида взлетела и стала осматривать квартиру. В ней жили и другие обитатели.

Таракан Егорий считал себя программистом (часто он вползал в системный блок компьютера, грелся там и считал, что разбирается в компах очень хорошо). На самом деле он был алкаш и обжора.

В углу высоко жил паук Автандил.

Он сразу стал кричать Зинаиде:

– Дэвушка, идём покачаемся в моём гамаке!

И добродушно чесал пузико. Был он чёрен, могуч и волосат, одним словом, потомственный аспид.

Егорий вызвался быть гидом по квартире и показал Зинаиде, где бывают самые свежие крошки, где капает варенье на пол и прочие блага жизни с человеком.

– Вчера так славно накидавши, ну малость не рассчитали масштабы, просто организм ликовал, – хвалился он. И лез греться в системный блок.

Каждое утро Зинаида нежно будила человека, садясь ему на нос. Он открывал глаза, и Зинаида быстро улетала. Человек уходил на работу, а она хлопотала по хозяйству.

Крылышками стряхивала пыль с подоконников и книжных полок, пыталась даже пыльцу на цветах переносить, как пчелы, но она вызвала приступ аллергии и страшного чиха.

– Какая сочная бабёнка... – цокал языком в своём углу Автандил.

Егорию Зинаида тоже нравилась, но он был гордым тараканом:

– Ладно, не буду мешать вашему захватывающему флирту с человеком! Но и помогать не буду!

Мухи-подруги, прослышав что Зинаида влюблена, прилетали к окну посудачить и посмеяться.

Они хотели дать Зинаиде массу полезных житейских советов,

но в результате мозгового штурма коллективный мозг был повержен. И они просто орала ей в окно, что она дура набитая.

Зинаида ревниво заглядывала через плечо, кому писал в телефоне человек. Он часто жаловался дамам на душевное одиночество и выгорание, однако фитиль его ещё теплился.

Женщины у него откалиброваны были по разрядам. Полненькие, худенькие, замужние и разведённые... Педант... Простите за удачное слово.

Зинаида злилась и томилась. Однажды она, вместо того чтобы нежно разбудить человека, укусила его за нос. Он подскочил, грубо выругался и стал гоняться по комнате за ней с газетой «Советский спорт». На газете было фото улыбастого Дзюбы. «Этот парень нет-нет да таки попадал по воротам», – опасливо подумала Зинаида. Спрячусь-ка я подальше от греха. Человек снова выругался и ушел на работу.

– Сражайся! – кричал пьяный Егорий, – борись за своё счастье! Акт гражданской обороны исполняется сразу после акта гражданского неповиновения и перед актом гражданской панихиды! – и заржал.

– Так свадеб может быть навалом, а похороны, как правило, одни! – весело пробубнил Автандил.

– Что ж они такие завистливые до нашего несбыточно счастья? – грустила Зинаида.

Теплое лето заканчивалось, и Зинаида уныло летала из угла в угол. Подруги – помойные мухи – кричали ей что-то в окно, но она, погруженная в унылые мысли свои, ничего не слышала. Зинаида была в вечном поиске, у неё можно было поучиться вере в людей.

Густым баритоном кто-то за спиной пророкотал:

– Добрый день, барышня.

Зинаида увидела статного незнакомого муха.

– Знаете ли, милая барышня, что в Геленджике лето никогда не кончается? Давайте вместе улетим туда! Там тёплая вода, фрукты, и в море мы сможем плавать на плотике из экскрементов! И петь: на-а-а маленьком плоту-у-у...

Так красиво Зинаиду ещё никто не кадрил.

– Какой замечательный мужик, – подумала Зинаида.

Она глубоко вздохнула, жмурясь от счастья, махнула крыльшками Егорию и Автандилу и улетела в Геленджик со своей новой любовью.

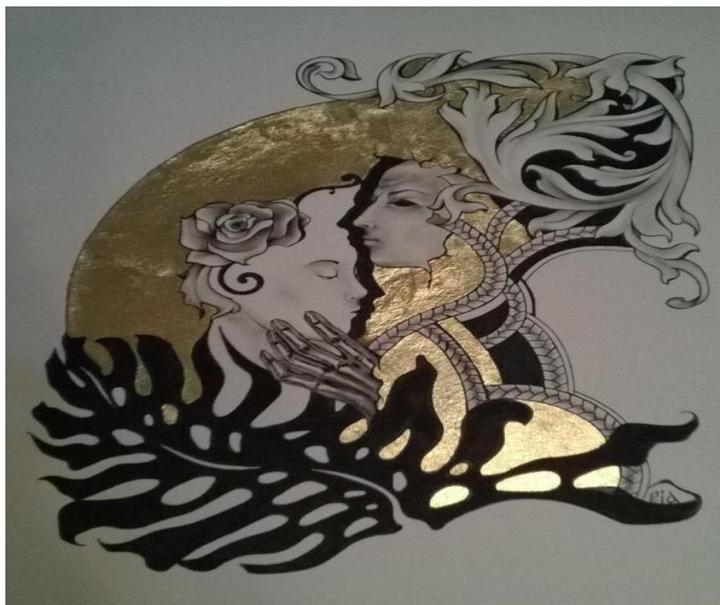
Екатерина Малащенко

Живет и работает в Норильске преподавателем
по журналистике во Дворце творчества.
По образованию – журналист, училась в ТГУ.

ПИСЬМО К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Как только я Вас повстречала,
Замедлило вдруг время бег.
Моим сокровищем вы стали...
Мой лучший в мире человек!
Вы так прекрасны, благородны.
И я не стою Вас, увы...
Но если б и была достойна –
Остались все ж мечтою Вы.
Ведь я сказать бы не посмела
Все то, о чем сейчас пишу.
Пред Вами я бы оробела,
Любовь сковала речь мою.
Вот так покорно, молчаливо
О ней могу лишь я писать.
Чтоб Вашего ответа было
Мне никогда бы не узнать.
Да и зачем? Он мне не нужен,
И Ваши не нужны слова.
Они согрели б мою душу,
Но правду ясно вижу я...
Что и надеяться не смею
На Ваш ответ, что стал бы мне
Оплотом, радостью моею,
Но так бывает лишь во сне.
А в самом деле, мои чувства –
Моя лишь ноша, мой удел...
Пусть и нелёгкое искусство –
Держать в себе их столько лет!

НАСТАВНИКУ

Спасибо Вам, наставник милый,
За то, что рядом были Вы!
За ваш характер терпеливый,
И что вы верили в мечты.
За те слова добра и света
В часы отчаянья сего...
Я Вам вверяла беззаветно
Все тайны сердца своего!
Учили Вы меня быть сильной
И за мечтой идти своей.
И рисковать, чтоб быть счастливой.
И верить людям, и в людей...

ВСЕ СКАЖУТ...

Все скажут: «Он тебе не пара,
Не твой он вовсе человек».
Но лишь его я повстречала –
Замедлило вдруг время бег.
Все скажут: «Он тебе не нужен».
А я дышу лишь им одним.
И каждый раз калечит душу
Одно лишь расставанье с ним.
Все скажут: «Брось, найди другого».
А я ищу в других черты

Того любимого, родного...
С кем связаны мои мечты.
Все скажут: «Позабудешь вскоре».
А я всё помню, каждый миг...
Его мне плен дороже воли
И краше всех его мне лик.

ЛЮБИМЦУ ЗРИТЕЛЕЙ

Вас зритель любит, несомненно,
За несравненный Ваш *талант*.
И Вас на сцене непременно
Увидеть очень будет рад!
Вас зритель любит за *душевность*,
С которой Вы, играя роль,
Рассеиваете повседневность
Своей прекраснейшей игрой.
Вас зритель любит за то *чувство*,
С каким Вы можете играть.
Ведь это высшее искусство –
Всю суть героя передать!
В Вас зритель любит *пониманье*
Души героя своего.
Его и счастье, и отчаянье
Вы воплощаете легко.
И, наконец, Вас любит зритель
За *голос*, что звучит в тиши,
Как звонкий, чистый сотворитель
Надежды, веры и любви.

ЧТО НАМ НУЖНО?

Нам в мире всем нужна семья,
Что нас поддержит, не осудит.
И, в сердце злость не затая,
По жизни нам опорой будет.
Нам в мире всем нужны друзья,
Чтоб легче нам жилось на свете.
Куда б не направлялась я –

Мне с ними лишь попутный ветер.
Нам в мире всем нужна любовь...
Она – весь смысл жизни нашей.
Она на подвиги зовет
И мир наш делает всё краше.

ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО

Он для меня сравним с героем,
Похож на света яркий луч...
Его взгляд ясен и спокоен:
Ведь знает, что он всемогущ!
Играет он аристократа,
И будто знает наперед:
Какое представленье надо
Сыграть и вновь идти вперед.
Врагов его улыбка губит,
Друзьям же даст надежду вновь,
Что Монте-Кристо не забудет
Помочь в беде им, дать любовь...
Любовь отцовскую, что будет
Им покровительством еще.
Граф зло, конечно, не забудет!
Но помнит он и про добро.
Он золото с умом лишь тратит.
И свои чувства – тоже так.
Граф всех спасёт и все наладит...
Но не забудет о врагах.
Ведь он уверен: провиденье
Ему дало и жизнь, и дар...
Чтоб для друзей он стал спасеньем,
Ну а для зла он – Трибунал.

Анастасия Устинова

Устинова Анастасия Валентиновна родилась в 1995 году в Оренбурге. Автор поэтического сборника «Я иду по солнечному лугу» (2013 г., Самара) и сборника рассказов «Эпоха по имени Люська» (2014 г., Санкт-Петербург). Печаталась в журналах «Русское эхо» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Траектория Творчества» (Калуга), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Молодёжная волна» (Самара), в альманахе «Отчий Дом» (Новокуйбышевск), в журнале «Второй Санкт-Петербург» и др. Лауреат премии «Чаша Бытия» для молодых поэтов. Член Союза писателей России. Учится в Самарской государственной академии культуры.

***

Листья наземь опадали,
Под ногой у нас шурша.
Мы тогда ещё не знали,
Что у листьев есть душа.

И шептались, и шуршали,
И, тоскуя о тепле,
Каждой жилкой припадали
К милой матушке-земле.

Только мать-земля не знала,
Как спасти от ветра их.
Жгучий ветер умоляла,
Чтоб скорее он затих.

Ну а ветер непокорный,
Не желая ей помочь,
Деловито и упорно
Гнал листву из парка прочь.

***

Жизнь мимо несётся, как бурный поток,
Разбитое сердце – разбитое чудо.

Никак не смириться, что мир так жесток,
В нём кровь как вода проливается всюду.

Побольше души да поменьше злодейств –
И сердце, и разум об этом мечтают.
Столкнувшись с барьером людских лицедейств,
Надежды на счастье безжалостно тают.

Врагам и друзьям все лукавства прощу,
Попав в западню бесполезного круга.
Но снова ошибки-вериги тащу
И твари последней готова стать другом.

Улыбчива и безмятежна на вид,
Пройду сквозь огонь, сквозь обман и увечья.
И снова душа в небеса воспарит.
Ведь что есть добро? – не душа ль человечья?..

***

Швыряй на ветер, словно годы, фразы:
Ведь рокерам к тому не привыкать.
Кричи, что все вокруг – сплошные мрази,
Кричи про мать, а также перемать.

Из ничего трагедию раздуем...
Ведь ты вульгарной пошлостью пленён.

А я, увы, из касты чистоплюек,
Из коей рокеры не выбирают жён.
Уж много лет, как длится эта пытка –
Попытка быть во всём самим собой.
Я только саркастической улыбкой
Могу тебе помочь, любимый мой.

ОЛИМП ДЛЯ ГЕНИЯ

Олимп, где прочим бездарям на зависть
Пируют те, кто прославлял страну.
Здесь гении из праха возрождались,
И жизни их стояли на кону.

Не пощадил их век наш быстротечный.
Ведь жизнь не расположена к добру.
И современность ей важней, чем вечность,
И хэппи-энд всегда не ко двору.

Моя мечта – стать им своею в доску,
Хоть не поэт я, а простой придурок,
Поговорить с небритым Маяковским,
Терзающим свой тлеющий окурок.

Есенину пожать покрепче руку.
Назвать его по-дружески Серёжей.
Есенинской лирической мукой
Все наши души русские похожи!

Со Львом Толстым поговорю о славе,
Она порой над смертными смеётся.
А повезет – сам Пушкин мне лукаво
И солнечно, как мачо, улыбнётся.

Ведь для меня они живее многих,
В убогой современности живущих –
Жующих, словоблудствующих, пьющих,
В пустопорожней суете снующих.

У них прошу совета и подмоги,
Хоть говорят – они не всемогущи.
Все гении, хотя порой и строги,
Но очень сострадательны к живущим.

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

Воспоминания о Вас не подлежат забвению,
Пусть даже доживу я до седин.
Эпохи технотронной откровение,
Вы есть, вы будете, Распутин Валентин.

В литературе ничего не ново.
Но в мир иной ушли Вы столь некстати!
Побеждена негромким Вашим словом,
Я не найду вам равных в результате.

Я не прощалась никогда с Матёрой,
Урок французского сменяется английским...
Я думаю, что мы поймём не скоро,
Что к бездне не подходят слишком близко.

Чему Вы научить меня хотите?
Спасать Россию или самой спастись?..
С укором из учебника глядите,
А тот учебник написала жизнь.

***

Мой друг, ты сегодня уйдешь навсегда, наверно.
Вот полночь пробьёт, и закончится наша игра.
И станет совсем не опасна житейская скверна.
Когда настаёт, как расплата, печальных прозрений пора.

И пусть я тебя ненавидел, отныне не скрою.
Поверь, о потере тебя я сейчас сожалею.
Ты был виртуальной эпохи типичным героем,
Хоть дружба нас делает хлипче, слезливей, глупее.
Порой не спасает от дружбы проклятый обычай
Не быть, но казаться елейно-сусальным.

Так терпкая ненависть с чистой любовью граничит
Немыслимо, странно, причудливо, парадоксально.

Напрасно ты, словно убийце, доверился другу.
Убийца тебя пожалел бы, а друг улыбнётся,
Ступив, как палач, за периметр вещего круга,
Где ненависть страстной любовью порою зовётся.

ДВОЕ

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали: что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое, столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

ВАЛЕНТИНУ УСТИНОВУ

Есть новости – от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет
С небес, как снег, летит, крылат и светел.
О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе.

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

АЛЛЮЗИЯ НА ЛУКОМОРЬЕ

«... У Лукоморья дуб зелёный...»

Вот ты какой – хвалёный дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот – не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллектуал.

На каждом дубе – золотые цепи.
Под каждым дубом – чёрный «Мерседес».
Русалки оккупировали ветви –
У них там свой интимный интерес.

Там интеллектом гопота исходит,
По падикам сидя на кортанах.
И речи заунывные заводит
Про космо-экзистенций тлен и прах.

Самарское лихое Лукоморье
На тридцать три версты сквозит окрест.
Там каждая берёза на просторе –
Поистине невеста из невест.
Там на кривых заснеженных дорожках
Тебе охотно прикурить дадут.
Пока оклемаешься немножко,
Айфон твой трижды перепродадут

Там восьмиклассницы прекрасны ликом,
Вскрывают вены наперегонки.

Плейбои там исходят бабьим криком,
Их даже бить по морде не с руки...

Чего греха таить, и я была там,
С поэтами пила не только мёд.
И крыла всех пятиэтажным матом...
Кто был в Самаре – тот меня поймёт!

***

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обрастёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

В потёртой рокерской кожанке
Я рассекаю в Запанском.
И, как заправская волжанка,
Клянуну, любя, родимый дом.

Вчера заметили на Стошке
Девчонку, схожую со мной.
И каждой подзаборной кошке
В Зубчаге стала я родной.

В моём смятенье скрыта сила,
Так виски сладковат на вкус.
И в Инстаграм я загрузила
Сто фоток про любимый вуз.
А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьской метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод.
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Я могла бы к Переделкино прибиться,
Водку пить и никотин курить.
И у здешних старожилов научиться –
Прожигая жизнь, уму других учить...

Никогда на жизнь свою, мой друг, не сетуй.
Не всегда ты будешь молодой.
Пусть тебя одарит светом речка Сетунь,
Рыбой, рифмой, звонкою водой.

Я брожу по Переделкино приبلудой
И не сетую на Сетунь. Боже мой!
Хоть писатели – последние паскуды,
Но мне нравится такую быть самой.

Как же в нас так уживается всё это
И нахально называется стишком –
Акварельность дерзкой лирики поэта
И цинизма ледовитый снежный ком?

УТОПИЧЕСКОЕ УТЕШЕНИЕ

То не сердце заныло под ребрами –
Невпопад перепады давления.
Опасение вкрадчивой коброю,
И пророческих снов наваждение.

То не барские, братцы, объятия.
Рубиконы, препоны, предательства
Мимоходом затёрлись в приятели,
По привычке вина обстоятельства.

То не крыльям просторы наскучили.
И не плечи, от горя поникшие.
К ядовитым усмешкам приучены
Губы, от поцелуев отвыкшие.

И не книги, что напрочь зачитаны,
Пребывают в душе утешением.
А поэзии выдох молитвенный,
Не подвластный земным искушениям.

БАЮН

Расскажи нам, кот Баюн,
Только без утаек,
Почему ты вечно юн –
Житель сказок-баек.
Вроде сиднем не сидишь,
Ходишь влево, вправо.
Но при этом дорожишь
Русскою державой.
Русской розни не избыть
Гневом трёхэтажным...
Научи в согласье жить
Россиян-сограждан.
То направо нас ведёт,
То несёт налево.
Режут слух который год
Чуждые напевы.
Сколько им ещё дурить
Города и веси...
Не пора ли заводить
Русской славы песни?

***

Да что ты говоришь? Я обозлилась?
Сдалась? Слилась? Так слушай мой ответ:
Не для того на свет я появилась,
Чтоб слушать лингвистический твой бред.

Анапестами-ямбами владея,
Свой блеф ты выдаёшь за мастер-класс.
Но дольник отличая от хоря,
Ты ничего в итоге не создашь.

Не для того мой путь тяжёл и долог,
Чтобы стяжать дешёвый фимиам.
Ты, как никто, способен, друг-филолог,
Завидовать талантливым стихам.

Но не старайся! Ямба от хоря,
Как Пушкин, не желая отличать,
Я сердцем души и лечу, и грею,
И за слова готова отвечать.
Твои интеллигентные словечки –
Всего лишь эмпирическая блажь.
Небось, слабо тебе на Чёрной речке
Мне прямо в сердце разрядить лепаж.

Мелания Калита

Свободный поэт, любитель минералов и скрипки.

ПО ТУ СТОРОНУ СТРАНИЦ

Ноут вырубается. Чернота экрана засасывает мои мысли. Это удар по эстетике почище квадрата Малевича – прямо в разгар работы. Ошпаривающая сенсорная информация. Опять перезагрузка? Он старенький, и хоть по количеству ремонтов ему еще далеко до Тысячелетнего Сокола, но тревога тараканом шастает по задворкам сознания. Как же я без него? Мне бы еще свою презентацию пересмотреть. Ага, скачал обновления. Десятая версия мейкрософтовской операционки в энный раз выбрала воистину волшебный момент. Ну я-то хоть на пять минут вырублюсь, третий час ночи в гостиничном номере, а с утра мне забрасывать вещи на вокзал и делать доклад.

Уютненькая кровать, хоть блинчиком катайся, в такой бы целый день спать...

Рывок тела, и чувство меча в руке. Гиперпространство, и включаются реакции пилота. Эдаким баннером разворачивается объяснение – я в игре. Старый грех затягивающих грг. Давно бросила, но разве ж во сне разуму кто-то указ? Так, надо огля-

нуться, где моя команда. Кто на сей раз со мной?

Девушка в белом поднимается из кресла второго пилота. Оно такое огромное, что успешно скрывало и её трепетную фигурку, и причёску. Очень примечательную. Заметив мой взгляд, она улыбается.

– Хан и Люк скоро проснутся, и я покажу тебе одно средство для укрепления твоих волос, сама пользуюсь. Косы – и в космосе роскошь для храбрых. Ты выручила нас, и моя благодарность могла бы быть официальной грамотой, но мы решили приготовить тебе личный сюрприз, Арианрод.

Одно из моих имён. Других имён для сторонних миров. Тех миров, где я летящая. Вход туда строго стережёт моя физическая реальность.

Тепло ладони Люка.

Сила всегда с тобой. Но порой ты словно отрекаешься от нее. Тускнеешь.

– Разве так приветствуют пилотов? – Улыбка Хана возле моего уха. – Все эти джедайские штучки и твои бальзамы, Лея, подождают.

Меня обнимают. Гудит дружественно корабль, я передаю привет Чубакке и дроидам. Когда стихают сполохи гиперпространства, нас выбрасывает возле планеты странной формы. Диск на черепахе?

Тем не менее приземляемся. К нам спешат дама в странной шляпе, парень с лютней и Мастер Йода.

– Однако ваш зелёный парень знатно поднаторел в головоломии, – объявляет дама. Мелковат, но с големами и троллями конфликт уладил. Не чета этим университетским. Петер, ты ведь расскажешь об этом приличной балладой? Этот мир заслужил песен, а не только ехидную прозу.

Человек с лютней гладит инструмент, зажмурив глаза.

Я делаю шаг. И вдруг – лёгкость и звонкая ясность понимания.

– Спасибо за пример, ребята. Ты прав, Люк, как и твой учитель. Мне нужно принять мой голос и моё влияние на людей. Как Петер Сьядек способен петь о других мирах, оставаясь в тени, так и я норовлю замолчать, чтобы не задевать струны чужих эмоций. И как для Силы нет границ, так и я должна отбросить страх. Делать, а не пытаться.

СКАЗАНИЕ ОБ ИВАНЕ И ЕГО ПИСАНИИ

Уж ноченька тёмная в утречко ясное грозила перейти, а Иван-Царевич, наследник царства огородного, почивать не изволил. Велика ли радость, коли нету рядом верного дракона да красной эльфийской девицы в объятиях. А есть чистый лист курсовой на тему налогообложения.

Почесал чело своё, премудростями учёбы перегруженное, Ванька и бодренько отрапортовал друзьям, что жизнь – боль ненастная и подвиг им совершён великий для борьбы с супостатом деканом, файл создан и титульная страница есть по шаблону, кафедрой освящённому. Рать друзей прислала мемчики в ответ.

Эх, такой бы дружиной орков косить, а не над экономикой гнить. Тем более, что вот-вот примут новый закон – и переделывай снова весь труд. Зато папенька – царь всея картофельной ботвы и земель, чесноком да луком славящих округу, – потчевал назиданиями. Выучишься, дескать, работать в банке будешь. Иван и сам жаждал до скрежета зубовного распроститься с помидорами, с огурцами, со всем тасканием сельхозпродукции этого нигде не зарегистрированного предприятия. Отец дразнил его хлюпиком, когда, взвалив очередной мешок, Ваня нёс его к машине, а потом выгружал у дверей покупателя. Сервис, однако. Речь главы семейства при этом перемежалась словечками, кои летописцы официальные из хроник вымарывают, а ребятня на заборе гордо выцарапывает. Изрекал сие, и колыхался величественно весь центнер живого веса от осознания мощи мысли владыки.

Ваня встал, размялся, прошелся по комнате. Все в ней дышало мещанской обыкновенностью, от ковра с узорами, купленного еще бабушкой, до мебели, не знавшей взгляда дизайнера. Радовала только полка с собранием «Властелина колец» и «Гарри Поттера». Мечта о Ведьмаке всё еще зияла. Учебники с этого места переместились на стол и в тайной надежде на нечистоплотность кошки – под кровать. Толстого удалось убрать долой, хоть и с клеймом юродивого. Матушка, библиотекарь в отставке, посвятившая себя целиком любви земной к обожающему обильные обеды мужу, почитала Анну Каренину величайшей героиней. Отец же не читал ничего вовсе, и все свары из-за макулатурного направления печатной промышленностью воспринимал с решимостью Цезаря: «Сожгу в печи всё, если хоть один таракан по-

тревожит меня из-за этих стопок!»

Эх, чего там в ленте интересного? Так, у соседки Дианы фотка новая. Лайкнул. Дианка бухгалтер и маминой подруги дочка, к Машке (если есть Иван, то какая ж сказка без Марьи?) заскакивает порой. Зря, конечно, Диана пытается боком к камере стать, пышнотелость не скрыть. Может к ней за помощью обратиться? Океюшки, неловко, но она добрая, авось пожалеет. Хотя... Должен же я сам решать свои проблемы. Мужчина.

Спит себе сейчас Машулька послушно, всё-то у неё сделано. Прошмыгнула даже мыслишка и у неё совета спросить, но стыдно как-то: студент, и у школярки... Прилежная ученица, в отличие от него, бестолочи и хулигана. Даже английский ей даётся, щебечет себе, мультики да сериалы посматривая.

Когда Ваня смотрел на младшую сестру, то ощущал себя нескладным черновиком. И шуточки о первом блинчике сопровождали его все последние годы. Невнятно выгоревшая солома волос, серая невзрачность глаз. Веснушки да прыщики. Она же, как чистовая роспись – в очах свет луны и серебра, каскад локонов спело-пшеничных. Зубки ровнее, улыбка приветливее. Изящная статуэтка против увальня.

Э-э-эх, миры меча и магии, миры чудес, а не клавиатуры, конспектов и костюмных преподав... Только в них Ваня герой, решительный и прекрасный, звезда баталий и властелин всего. Вот бы сейчас хоть поиграть, вдохнуть свободы и силы!

Ваня хотел было уже выключить комп, надеясь в сон грядущий сбежать от когтистых лап вины и совести, но заметил объявление в рассылке. Сто тысяч рублей за лучший рассказ в стиле фэнтези! Конкурс «Лучший из миров!» Подробности на сайте. И эльфийка в доспехах стиля «хоть сейчас на подиум мисс этого самого лучшего мира» гордо обнимала дракона цвета ювелирной вставки в маминых серьгах.

Ссылка скопирована, сохранена и репостнута в одно мгновение. Аккурат перед тем, как испытать на себе влияние...ну того бога, который пробудил Нео в «Матрице», как же его... Малфой... не, это не белобрысый гад, травивший Гарри...брр...мерзостный аристократишка со своей надменной гривой... Геральт вот тоже с волосами, но Геральт крут, свой, хоть и без денег, а у того злата немеряно... вот выиграю и тоже... путешествовать... и все честно, Гаррет... Хроники Сиалы... Гарри...

друг советовал... я круче, я прославолюсь, отец заткнется...

Ритуальное вставание с поиском носков, заботливой мамой, сующей в рюкзак бутерброд, и сестрой, упорхнувшей аки фея в розовом. Отец всё еще солидно храпел на диване после пирушки в честь дня рождения приятеля, боярина из соседней усадьбы о трёх окнах и десяти сотках.

Утро раннее, утро туманное, дождиком хныкающее по поводу первой пары, соболезновало джинсам Ивана, уже познавшим брызги маршрутки, его алеющим кроссовкам (хотел скромные синие, но последняя пара его размера со скидкой), их медленному приобретению цвета...гм...гнедой лошади.

Под капюшоном черно-серой спортивной курточки с надорванным карманом сюжеты выстраивались как струи, бегущие по стеклу. Наперегонки стекали образы. Бравый герой со шрамом на левом колене, ничего не помнящий о прошлом, оказывается обладателем дара читать мысли и предотвращает заговор... М-м-м... заговор против кого? Седобородого как лунь (а кто видел этого луня в жизни? Ладно, фэнтези же, и не такие твари водятся...) короля, у которого дочка... Нет, герой рожден ведьмой между двумя мирами и наделен волшебством... а ведьма умерла, рожая его, и воспитан он суровой инквизицией... О, а если забросить парня из современного мира?

Вот хоть себя, вместе с магазинчиком серебряных украшений к вампирам, вмиг бы расправился: цепочку одному, крестик в сторону другого, тот дорогуший кулон, который соседки с мамой обсуждали, третьему... Достойная литературная месть за то время, когда на прошлой неделе его потащили смотреть все эти цацки когорта из мамы, Дианы и Полины Игоревны, еще одной маминой приятельницы. Ваня презентовал мужской взгляд любящего старшего брата в выборе подарка Маше и тихо страдал от шепотков о кольцах. Единственное кольцо, достойное внимания, было бы кольцо Всевластия, о чем Ванюшка заявить во всеуслышание постеснялся, но пару острых словечек в личной переписке оставил.

На мысли, что надо бы записать удачные идеи, пришлось транспорт покинуть. Задев рюкзаком старушку с напوماженными губами, выслушав новые слова от подростка с заднего сиденья и приметив на улице фею в красной юбке и с рыжими волосами, Иван таки вернулся в реальный мир.

Асфальт вёл надежно, знакомые трещины покорно змеились,

пока ноги ускорялись, перепрыгивая в порыве догнать время звонка. Телепортацию бы сюда.

Уже в аудитории на галерке ощутил толчок.

– Что, решил бабок срубить на своем интересе к драконам? Смотри, как бы у Драконовны не получил, ха-ха. – Володька Ясно Солнышко хлопнул друга по плечу. Никакого родства с князьями у сего холопа не водилось, Рюриковичами и не пахло в роду потомственных деятелей станка и мелкопоместных канцелярий, разве что возле винного погреба отирались, в это можно было бы поверить. Прозвище же свое кареглазый крепыш получил за привычку называть солнышками всех девушек и на все их перепады настроения и выяснения отношений отвечать кратко, невзирая на содержание вопроса, одно и то же: «Ясно, солнышко». Они таяли, как Снегурочки в опере Римского-Корсакова, и даже Тамара Игнатьевна, заместительница декана, именуемая за свой пост и характер Драконовной, оказывала Володьке милостивое содействие и снисхождение в вопросах учебных. Ваня, входивший в число «драконоборцев», то есть студентов, каждая встреча у которых с этой многоуважаемой госпожой походила на поединок взглядов и битву за жизнь на свободе, а не в армейском строю, поёжился. Курсовая чистотой снегов Килиманджаро проплыла перед его внутренним взором.

– Ты мне лучше скажи, как твой дядька поживает. Тот, что шаманом заделался.

– Да замечательно, выменял коллекцию у внука покойного геолога на коньяк для вечеринки, днюха как раз намечалась. Теперь кристаллов завались, и фотки во все газеты, сайт в Интернете открывает. «Маг трёхсотого колена Златоуст Кондратьевич, избавлю от семейного проклятия до двухсотого колена, каждое десятое колена со скидкой, каждое пятидесятое – бесплатно. Акция к Хэллоуину».

С этим друзья продолжили раскалывать своими головами гранит науки. Коридоры сочались угрозой предстоящей сессии как послания того, кого нельзя именовать, аудитории мёрзли, шарфы, шапки, перчатки и сумки соскальзывали на истёртый страждущими пол, всеобщее смешение совершенно сместило писательские планы Ивана. Одногоруппники уже всю комментировали, тысячи мысленно потрачены, меж тем как все сюжеты критиковались нещадно.

Добравшись обратно к домашнему компьютеру сквозь су-

мрак неряшливого города, Иван ощутил пустоту. По дороге к нему привязалась Полина Игоревна. Кайма чулка выглядывала в разрезе ее платья, прическа соперничала окраской с осенней листвой, а сама шепотком пыталась уточнить у парня, вот если у нее завелся поклонник с сайта знакомств, этот... изотроп, энтозо-троп, этозотерик, нет, эзотерик, точно! С ним на свидание можно? А то ей в ресторан охота, в кафе последний раз на дне рождения тётки... и правда, что у таких мужская сила... того?

Насилу вырвавшись, наследник десятков поколений трезвомыслящих селян бурно заработал с иной реальностью, создавая один файл за другим. Строчки стопорились. Фразы отличались гениальной краткостью. «Он дракон. Эльф встречает, стреляет и падает поджаренный, как лук на маминой сковородке». «Очнулся в Средневековье. Макдональдсов нет, бифштексы надо сначала словить в лесу в сыром виде, замариновать в вине, а гамбургеры посеять, то есть злаки посеять. Похитивший принцессу дракон мешает посевам... И картошки тоже нет! И чипсов нет, значит... Он узнает...»

Что там должен знать оставшийся без интернета герой-программист в мире людей с волшебными посохами, осталось неизвестным, так как пришла Диана. Платье цвета травы в лесах высокородных задело подолом кошку, которая засмотрелась на нечто блестящее и висящее в ушах Дианы, не заметив угрозы своему хвосту.

Без пышных предисловий Диана наклонилась грудью, на которую можно было бы поставить пиршественную чашу королей Средиземья, и сказала: «Я хочу стать твоей... эльфийкой». Мякнув боевым кличем рыцарей от соприкосновения туфли с ее дражайшим телом, кошка в этот момент стартовала на клавиатуру со скоростью фаербола из рук опытного темного мага.

Монитор, наделённый кошкой (нет, не черной, а черепаховой окраски) даром передвижения, нацелился тоже сделать пируэт. Пытаясь его словить, Иван толкнул Диану. Та часть её тела, что у королев покоилась на шёлковых подушках, сдвинула при этом системник. Хватая все руками, как осьминог, попавший в ловушку, Ваня закричал: «Прочь! Мне писать надо! Мне деньги нужны-ы-ы! Деньги-и-и!»

«Меркантильный балбес!»

Уже в дверях Дианка наткнулась на мощную персону бати и разрыдалась. Того привлёк крик сына о деньгах. А матушка, крот-

кая и тихая матушка, увидев сию сцену, за власы распущенные выволокла молодую бухгалтерессу, приговаривая, что нечего на моего мужа зариться, и угрожая в его сторону томом «Войны и мира».

Иван же, опустившись на пол и проверив целостность оборудования, погладил кошку и подумал, что курсовую можно и скопипастить. И антиплагиат обхитрить, верно, безопаснее, чем жить так. А на работе кто там что сейчас пишет, имейлы и презентации одни с цифрами. Магия ведь впрямь вырвалась на волю, штука опасная, ну её, мирно жил и писательством не занимался, а тут сколько вон всего за день.

Да, видимо, потому и говорят, что писатели не от мира сего и рехнувшихся среди них хватает – попробуй совладать с такой жизнью.

Дар, он и проклятый бывает.

Эх, душа славянская, душа, чуда жаждущая, душа, готовая, как Илья Муромец, старцев дожидаться, на печи сидючи... Пошто ножки разминать, пошто пробежки устраивать, коли придут с водицей волшебной, к устам поднесут – и всё, заиграет талант богатырский, сметет критику вражескую.

Иваны – что царевичи, что дураки – верят, что коли стрела в лопухи вонзилась, так принцесса ожидать будет с короной, а не крестьянская девка с коровой. Коли вымечталось – так путь к мечте с указателями каменными да по тропинке с сервисным обслуживанием. А иначе не судьба. Иначе нет счастья, и уйти с дороги надобно. Непременно ждёт тебя именно твоя дорожка, гладенькая такая, идеальненькая, и во всем, как ключ к замку, спутница совпадающая. И сворачивать надо от шипов, от бурьяна, метаться в поисках пути истинного, только он родимый спасительный, а все прочие ложны.

А как узнать истинность? Да по простоте и лёгкости.

И сказке нашей пришёл конец.

И был даже не один пир, а два.

Когда Диана выходила за своего начальника замуж. И когда Иван получил диплом.

Скромно летопись умалчивает, какими сии события спонсировались, но уехал Иван вместе с другом жить на съёмной да покорять столицу, родители его помирились и на радостях ремонт произвели, а Диана к тому времени уже фотографировалась в ожидании младенца, и фигура ее количество лайков исправно набирала.

*Следы
минувшего*

Рецензии

ОБРЫВОК ГАЗЕТЫ

Сгорающий на солнце обрывок газеты... Вы видели, как сгорает обрывок газеты? Сначала медленно занимается пламя, постепенно текст покрывается темной вуалью небытия, а нас согревает оранжево-голубое пламя, его редкие искры взмывают вверх и исчезают в голубой неподвижности неба...

Процитированная мной первая строка – это отрывок, точнее, его парафраз, из стихов (без названия) поэта Пензовой Олеси, которые были опубликованы в предыдущем № 6 нашего сборника «Между строк».

Этот образ показался мне наиболее удачным в художественном отношении, в его аллегорически-метафизическом осмыслении, поэтому именно его я вынес в заглавие моего критического эссе.

Пожалуй, лучше, чем в этом отрывке, не раскрывается суть мировоззрения автора, суть внутреннего мира, тени от огня которого ложатся в поэтические строки, свет этот преломляется сквозь драматические коллизии пережитых чувств.

«Ты как чья-то увядшая жизнь...» Глубокий философский смысл этой строки воплощает в себе горечь от утраты иллюзий, когда вдруг открывается стереоскопическое зрение и видишь не только внешние контуры человека, но и его «Альтер Эго», второе «Я». Изменившиеся выпуклые черты телескопируют нам самое неприглядное в человеке, и открывается истина, от познания которой становится еще горше, самый горький вывод из этого – тебя не было, ты отражение, ты подражание, ты миф.

И главная констатация: ты – это не ты, ты подобие, ты не первое слово, ты симулякр, созданный стечением обстоятельств, повторяющий чужие движения, чужую жизнь. А где же был ты? Ты, иллюзия которого сгорела, как отрывок газетного текста, сгоревшего на солнце. То есть на солнечном свете истины?

Разочарование автора носит апостериорный рационально-аналитический характер, но это вдвойне ценно в лирике эмоций, где обманчивая простота их выражения не делает написанное искусством, не создает мелодического текста с аллюзиями и реминисценциями, придающими философичность и художественность произведению.

Меланхолию настроения в стихотворении подчеркивает мо-

нохроматические отображение осени, осени как обмана, как визуальной феерии неких навей, которые околдовали, обманули автора, создали опасную иллюзию.

«Поцелуй, не сорвавшийся с губ»... Исключительно выразительная строка создает, казалось бы, образ нереализованных чувств автора поэтического произведения.

Однако этой аллегории предшествует другая: «Ты как ком, устремившийся вниз». И понимаешь, что речь идёт о том, кто не стал, кто не явился, кто только тенью коснулся витальности автора и, не удержавшись на вершине, стремительно покатился вниз, не стал телесной и духовной реальностью поцелуя.

Трагедийность и inferнальность мироощущения выплёскиваются в строки «...Какую ты тайну хранишь, скажи! Чем манишь в свой мир без тепла и надежды, в умирающий сад опадающих листьев?»

Выполненные в традициях европейского стихосложения в форме верлибра эти строки не оставляют равнодушными – с кем ведёт диалог автор – с тем самым обрывком газеты, с человеком-симулякром, с осенью, обманувшей её ярким, но умирающим цветом, цветом тления и небытия, или с самим собой? А может быть, этот диалог ведётся сразу в трех проекциях, в трех ипостасях, с тремя адресатами этих инвекций? Или с самой жизнью?

И далее автор уводит нас в свой мифологизированный внутренний мир, где отчетливо звучит, казалось бы, суицидальный мотив, некая танатонимика самоотрицания и ... нового возрождения одновременно: «...Забирай в угасающий, тлеющий мир, чтобы скоро опять возродиться, чтобы скоро стать снова живым».

Ярко в этих строках проявляется та самая цикличность, выражающаяся прежде всего в зафиксированной смене времён года, в этом вечном круговороте зимы и лета, весны и осени, и этот вечный круговорот дает надежду автору на воскрешение – воскрешение жизни, воскрешение чувств, а вера в это питается теплом спалённого на солнце обрывка газеты...

Миф сгорающих иллюзий...Миф новой жизни, новой любви?

Оглавление

Предисловие.....	3
Карлов Вадим.....	4
Ващенко Юрий	19
Шаклеина Алла.....	43
Тарадова Мария	51
Иванов Герман	92
Науменко Алина	101
Гостевая Книга.....	115
Маркелов Николай	116
Блинова Александра.....	118
Вовненко Анастасия.....	119
Екатерина Малашенко	125
Анастасия Устинова	129
Мелания Калита.....	139
Следы минувшего Рецензии.....	147

